

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 23. № 4
Volume 23. No. 4

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2024

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2024
Том 23. № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2024
Volume 23. No. 4

LOGOS ET PRAXIS

2024. Vol. 23. No. 4

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat**® (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *D.R. Yavorskiy* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Prof. *I.V. Vasilenko* (Volgograd)

Cand. Sc., Assoc. Prof. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc.,

Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc., Prof. *N.V. Gorshkova*

(Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.G. Guschina*

(Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.V. Dulina* (Volgograd);

Dr. Sc., Prof. *O.E. Dushin* (Saint Petersburg); Dr. Sc.,

Prof., Chief Res. *S.S. Neretina* (Moscow); Dr. Sc.,

Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc.,

Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Dr. Sc., Prof.

V.B. Ustyantsev (Saratov)

Editors of English texts: *E.A. Eltanskaya, D.A. Novak*

Making up by *E.S. Reshetnikova*

Technical editing: *S.A. Astakhova,*

Yu.I. Nedelkina, E.S. Reshetnikova

Passed for printing on Dec. 10, 2024.

Date of publication: Dec. 31, 2024.

Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 9.5. Published pages 10.2.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 129. «C» 44.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

LOGOS ET PRAXIS

2024. Т. 23. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69699** от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филос. наук, доц. *Д.Р. Яворский* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р социол. наук, проф. *И.В. Василенко* (г. Волгоград)
канд. социол. наук, доц. *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р экон. наук., проф. *Н.В. Горшкова* (г. Волгоград);
д-р экон. наук., доц. *Е.Г. Гуцина* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, проф. *Н.В. Дулина* (г. Волгоград);
д-р филос. наук, проф. *О.Э. Душин* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф., гл. науч. сотр. *С.С. Неретина* (г. Москва); д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редакторы английских текстов: *Е.А. Елтанская, Д.А. Новак*
Верстка *Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *С.А. Астаховой, Ю.И. Неделькиной, Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 10.12.2024 г.
Дата выхода в свет: 31.12.2024 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10,2.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).
Заказ 129. «С» 44.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Иванов А.В., Данилов С.А.* Этнокультурные основания социального доверия в современном Китае 5
- Марков А.В., Штайн О.А.* Театральные модели Дж. Агамбена: применимы ли они в теории автокоммуникации? 12
- Филимонова О.Ф.* Стратегии внимания в культуре современного общества 24
- Храпова В.А.* Исторический текст как социально-философский феномен 31
- Слеженков В.В.* Современная проблематика неравномерности социального развития в контексте теории зависимости 37

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: к 30-летию начала подготовки философов в ВолГУ

- Диденко О.Н., Соловьева Л.С.* Философия в ВолГУ: мечта сбывается? Размышления по итогам Всероссийского круглого стола «Проблемы и перспективы философского образования: к 30-летию начала подготовки философов в ВолГУ» 44
- Стризов А.Л.* Философское образование и новые формы презентации философского знания в современном обществе 53
- Плужникова Н.Н.* Популяризация философии в технологизированном обществе: возможности и риски ... 61
- Горина Т.С.* Через философское образование к осознанию ответственности перед будущим 66
- Соловьев А.А.* О выборе философского образования 73

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- Павлов П.В., Закусилов Д.И.* Субъектность человека в современных социальных теориях 79

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Зыков Д.В.* Гносеологическое оправдание гипостазирования и реификации 87
- Садовников Е.С., Фантров П.П.* Концептуальные подходы к определению сущности патриотизма 95

CONTENTS

PHILOSOPHY

- Ivanov A.V., Danilov S.A.* Ethnocultural Origins of Social Trust in Contemporary China 5
- Markov A.V., Shtayn O.A.* G. Agamben's Theatrical Models: Questioning Their Autocommunication Relevance 12
- Filimonova O.F.* Strategies of Attention in the Culture of Modern Society 24
- Khrapova V.A.* The Historical Text as a Social Phenomenon 31
- Slezhnikov V.V.* Contemporary Problem of Uneven Social Development in the Context of Dependence Theory 37

PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF PHILOSOPHY EDUCATION: 30th anniversary of the beginning of philosophical training at VolSU

- Didenko O.N., Solovyova L.S.* Philosophy at the VolSU: Is a Dream Coming True? Reflections on the Results of the All-Russian Round Table "Problems and Prospects of Philosophical Education: On the 30th Anniversary of the Beginning of the Training of Philosophers at the Volga State University" 44
- Strizov A.L.* Philosophical Education and New Forms of Presentation of Philosophical Knowledge in Modern Society 53
- Pluzhnikova N.N.* Popularization of Philosophy in a Technological Society: Opportunities and Risks 61
- Gorina T.S.* Through Philosophical Education to the Awareness of Responsibility to the Future 66
- Soloviev A.A.* About the Choice of Philosophical Education 73

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGY

- Pavlov P.V., Zakusilov D.I.* Human Subjectivity in Modern Social Theories 79

SCIENTIFIC REPORTS

- Zykov D.V.* Gnoseological Justification of Hypostatisation and Reification 87
- Sadovnikov E.S., Fantrov P.P.* Conceptual Approaches to Defining the Essence of Patriotism 95

www.volsu.ru

ФИЛОСОФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.1>

UDC 1:316.64
LBC 87.6

Submitted: 15.11.2024
Accepted: 09.12.2024

ETHNOCULTURAL ORIGINS OF SOCIAL TRUST IN CONTEMPORARY CHINA¹

Andrey V. Ivanov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Sergey A. Danilov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The article examines the socio-cultural prerequisites for trust and their impact on various spheres of life in modern Chinese society. Trust is considered the most important mechanism for regulating social relations, coordinating interests and values, and promoting internal harmonization of society based on respect for individual rights, pluralism, non-violence, and equality of opportunity. Noting the difficulties and contradictions of modern studies of trust, the article analyzes the value-symbolic dimension of trust from the standpoint of the socio-cultural approach, considers the internal mechanisms of trust generalization at the micro and macro levels of social space. The relationship between various dimensions of social trust (institutional and generalized) is considered, various systems of trust and the features of their functioning are discussed. Based on the data of the World Values Survey (WVS), the article examines the structure of social trust in the People's Republic of China. The Chinese culture of trust is based on the fundamental values of Confucian ethics and continues to retain its decisive importance for social institutions. The formation of the Chinese culture of trust was influenced by the special organization of the space of social interaction, consisting of clan, family, and corporate relations. The area of trust closest to the individual is formed by social relations (renlun), prescribed by the traditional Confucian ethos. The second sphere of the area of trust is friendly and emotionally charged relations (renqing), the last area of trust is universal human relations (renyuan). The study reveals a relatively strong connection between traditional forms of social integration and modern institutions.

Key words: trust, values, social order, institutional order, political regime, political culture, China, Confucianism.

Citation. Ivanov A.V., Danilov S.A. Ethnocultural Origins of Social Trust in Contemporary China. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 5-11. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.1>

УДК 1:316.64
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 15.11.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ¹

Андрей Валерьевич Иванов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Сергей Александрович Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

© Иванов А.В., Данилов С.А., 2024

Аннотация. В статье исследуется проблема формирования доверия в культуре современного китайского общества. Доверие рассматривается как один из важнейших механизмов согласования интересов и ценностей, содействия внутренней гармонизации общества на основе уважения прав личности, плюрализма, ненасилия и равенства возможностей. Авторы отмечают трудности и противоречия современных концепций и теорий, анализируют ценностно-символическое измерение доверия с позиций социокультурного подхода, исследуют внутренние механизмы генерализации доверия на микро- и макроуровнях социальной реальности. Рассматривается соотношение различных измерений социального доверия (институционального и генерализованного), обсуждаются западные и восточные культуры доверия и особенности их функционирования. На основе данных Всемирного исследования ценностей (WVS) в статье исследуется структура социального доверия в Китайской Народной Республике. Основой китайской системы доверия выступает конфуцианский принцип гармонии, предполагающий органическое встраивание человека в систему социальных отношений с присущим ей принципом иерархичности и приматом морального начала над формально-правовыми установлениями. На формирование китайской культуры доверия влияние оказала особая сетевая организация пространства социального взаимодействия, состоящая из клановых, семейных, корпоративных отношений, формируемых вокруг личности. Ближайшую к личности область доверия образуют социальные отношения (*genlun*), предписываемые традиционным конфуцианским этосом. Второй сферой области доверия являются дружеские и эмоционально окрашенные отношения (*genqing*). Третью область доверия образуют общечеловеческие отношения (*genyuan*). Сети личного доверия поддерживают другие формы социальной коммуникации, институциональные и формально-правовые отношения. Исследование обнаруживает относительно сильную связь между традиционными формами социальной интеграции и современными институтами. Высокий уровень генерализованного доверия, сформированный в недрах конфуцианской культуры, обеспечивает эффективные формы социальной солидаризации в условиях кризиса и позволяет преодолевать ригидность авторитарных политических институтов современного китайского общества перед лицом новых вызовов модернизации.

Ключевые слова: доверие, ценности, социальный порядок, институциональный порядок, политический режим, политическая культура, Китай, конфуцианство.

Цитирование. Иванов А. В., Данилов С. А. Этнокультурные основания социального доверия в современном Китае // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 5–11. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.1>

Потребность в научном изучении проблемы социального доверия обусловлена актуальными социально-политическими реалиями современных обществ, общим состоянием социально-гуманитарных наук. Сразу после выхода книги Роберта Патнэма о гражданской культуре в Италии тема доверия стала одной из самых обсуждаемых проблем в социологии, политологии, экономической теории и других смежных научных дисциплинах [Патнем 1996]. В результате в научном сообществе утвердился взгляд, согласно которому высокий уровень социального доверия является важнейшим элементом в сложной системе факторов, выступающих основой для устойчивого экономического развития и функционирования институтов государства и гражданского общества. Доверие стимулирует уважение к общественным интересам в условиях возрастающей неопределенности глобальных социетальных трансформаций, способствует конструктивному решению конфликтов на уровне отдельных социальных общностей и групп, обеспечивает устойчивый фундамент

для функционирования разнообразных общественных институтов. Снижение общего уровня социального доверия порождает противоположную ситуацию и влечет рост транзакционных издержек коллективного взаимодействия. Как отмечает А. Селигмен, в условиях современности любой модернизирующийся социум сталкивается со своеобразной «культурной трагедией»: с увеличением свободы индивидуального выбора и ослаблением власти традиционных социальных институтов (семья, община) возрастает роль доверия в системе общественных отношений, в то же время достижение и поддержание доверия становится все более сложной задачей [Селигмен 2002, 112].

Сложность исследования феномена доверия заключается не только в различных подходах к пониманию концептуально-смыслового содержания указанного понятия, но также и в противоречивости интерпретации эмпирических результатов, получаемых на их основе. Обширные теоретические исследования Р. Патнэма, Ф. Фукуямы, П. Штомпки, Дж. Коулмана,

Э. Гидденса, а также современных российских исследователей, в целом схожи по тематике и методологии [Купрейченко, Мерсиянова 2013]. При этом проблемное поле изучения охватывает два основных измерения: эпистемологическое, где решается вопрос о сущности феномена доверия, и эмпирическое, где приоритетное значение отдается изучению наиболее общих механизмов функционирования доверия на примере отдельных стран и целых культурно-исторических ареалов [Рукавишников 2008]. Однако как в первом, так и во втором случае главной целью остается анализ фундаментальных механизмов доверия, понимание общего и особенного в функционировании доверия. В самом общем виде доверие определяется как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и со вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» (Ф. Фукуяма) [Фукуяма 2004, 52]. Как механизм комплексной регуляции, доверие формируется как совокупность ценностно-нормативных ожиданий личности, которая способствует редукции возникающей неопределенности и способствует непрерывности воспроизводства социокультурной жизни социума. Несмотря на то, что носителем доверия является личность, а само доверие формируется, эволюционирует как совокупность ментальных актов в процессе повседневной коммуникации, оно не ограничивается исключительно сферой межличностных отношений, а охватывает все многообразие социальных связей личности с внешним социокультурным окружением. Представление о многомерной природе доверия является основанием для выделения таких его видов как межличностное доверие, формирующееся в контексте непосредственного взаимодействия субъектов, генерализированное доверие, определяющее отношение Я и Другого и обеспечивающее горизонтальную интеграцию социального пространства посредством формирования позитивных установок на взаимодействии с представителями других социальных групп, а также институциональное доверие, которое обеспечивает непрерывность воспроизводства институционального порядка через положительную оценку деятельности государ-

ства, политических партий, общественных объединений и религиозных организаций [Ромашкина, Давыденко, Ушакова 2018]. Следовательно, межличностное, генерализированное и институциональное доверие взаимосвязаны друг с другом, стабильность всей социокультурной системы зависит от того, насколько продолжительно в том или ином типе общества выстраивается баланс между ними. Таким образом, перед исследователями возникает закономерный вопрос о характере взаимосвязи между политическими институтами и общим уровнем доверия в обществе, о том, какую роль играют в процессе экономического развития и политической модернизации социокультурные факторы. Отправной точкой исследований в этой области традиционно считается концепция политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы о фундаментальной взаимосвязи между доверием и демократией. Исследования политической культуры, проводимые со второй половины XX века, выявили определенную взаимосвязь между уровнем доверия к политическими институтам и типом политической системы. По мнению исследователей, те страны, где длительное время существуют демократические институты и развитое гражданское общество с соответствующим уровнем политической культуры, с большей вероятностью будут демонстрировать более высокий уровень доверия, чем страны с авторитарным прошлым или общества с недостаточно развитыми демократическими традициями. Позднее польский социолог П. Штомпка окончательно оформил данную гипотезу в виде трех тезисов:

1. «Существует большая вероятность того, что культура доверия скорее появится в демократии, чем в какой-либо другой политической системе» [Штомпка 2012, 372].

2. «Большинство конституированных условий для демократического порядка порождает институционализацию недоверия... В результате существуют большие шансы для возникновения спонтанной обобщенной культуры доверия. Короче: чем больше институционального недоверия, тем больше будет спонтанного доверия» [Штомпка 2012, 373].

3. «В то время как демократия использует институализацию недоверия, а доверие возникает в ней как парадоксальное последствие,

связанное с принуждением к ответственности и самоограничению возможности действия, автократия стремится к непосредственной институализации доверия и превращению его в требование, отягощенное серьезными формальными санкциями» [Штомпка 2012, 386].

Однако указанные тезисы так и не находят окончательного эмпирического подтверждения. Результаты всемирного исследования ценностей WVS выявили несколько примеров, которые не укладываются в общие рамки теории демократического транзита [Linggi 2011]. В частности, почему КНР – страна с однопартийной системой и политической цензурой, с глубоко авторитарным прошлым и недемократическим настоящим – демонстрирует высокие уровни не только декларируемого институционального, но и генерализованного доверия по сравнению со странами западной демократии? Очевидно, что невозможно объяснить данный феномен исключительной эффективностью коммунистической пропаганды и ее воздействием на массовое сознание. Более того, как свидетельствуют данные социологических исследований, за последние годы в демократических странах снижается не только уровень институционального доверия, что в целом соответствует гипотезе П. Штомпки, но и наблюдается отрицательная динамика генерализованного доверия [Иванов, Данилов 2014]. В этом случае мы имеем дело не только с расхождением полученных результатов с теорией П. Штомпки о взаимосвязи между уровнем доверия и типом политического режима. Результаты исследования противоречат также диагнозам теоретиков социального капитала, в частности, тезисам Фрэнсиса Фукуямы, который рассматривал китайское общество в качестве конгломерата многочисленных семейных, клановых и региональных групп, лишённого по этой причине прочного фундамента для поддержания коллективной солидарности.

За последние десять-пятнадцать лет появилось множество новых публикаций и исследований, которые позволяют наметить направление будущих дискуссий и сформулировать предварительные итоги [Цзинь 2024]. Один из главных выводов заключается в констатации принципиальных различий структур доверия в обществах Востока и Запада. Дей-

ствительно, китайская культура, основанная на фундаментальных ценностях конфуцианской этики и нравственности, выдержав проверку тысячелетней историей этой уникальной цивилизации, продолжает сохранять свое определяющее значение в современном китайском обществе. Традиционные начала духовных учений Китая всегда были ориентированы на обеспечение социальной системы как целого, определяли функционирование таких системных качеств, как коллективизм, иерархичность, гармоничность. Кроме этого, для древнекитайской традиции характерен моральный универсализм, с позиций которого социальные отношения рассматриваются не только как воплощение принципов социального порядка, но и определяются с позиций личностного морального начала. Именно конфуцианство как целостная система определило, в конечном счете, основные черты культуры доверия современного Китая в ее отличии от культуры доверия западноевропейского типа.

Как указывает китайский исследователь К. Донг, восточный и западный типы доверия, которые сформировались в различных цивилизационных контекстах, базируются на противоположных принципах социальной интеграции человека в окружающее его социальное пространство. Согласно Донгу, существует два основных типа доверия: система экстра-доверия западного типа (*neizai xhiduxing*) и система интра-доверия китайского типа (*waizai xhiduxing*) [Dong 2005, 114]. Основой китайской системы доверия выступает конфуцианский принцип гармонии, предполагающий органическое встраивание человека в систему социальных отношений с присущими ей качествами упорядоченности, иерархичности, примат морального начала над формально-правовыми установлениями, преобладание системы внутреннего социального контроля над внешней нормативной регуляцией. Итогом развития китайского общества на ранней стадии стала институализация специфической системы социального контроля, в которой все социальные отношения были охвачены иерархией статусов и ролей, участники которых могли рассматривать друг друга в качестве членов единой семьи во главе с императором Поднебесной. Семья как базовая ячейка социального с приматом кланового начала над

универсальным стала, согласно Лину Бину и Ли Пину, базисом формирования всех протогосударственных институтов китайской цивилизации [Linggi 2011, 140]. В этом смысле государство и семья служат взаимодополняющими элементами китайской модели доверия, где мораль и личностные отношения являются фундирующими принципами для отношений институциональных. Напротив, западный тип доверия сформировался, по мнению китайских авторов, в условиях господства рационалистического мировоззрения институционализации личных естественных прав, которые не только способствовали завоеванию индивидами экономической и политической свободы, вели к возникновению правового государства и демократических институтов, но и способствовали дифференциации социального пространства на публичное (политическое) и гражданское (частное). В итоге отношения индивидов начали рассматриваться как отношения общественного договора, обеспеченные формальными санкциями государства, в результате чего партикулярное доверие Другому постепенно утратило свое былое значение и было трансформировано в доверие формальным принципам.

Кроме этого на формирование китайской культуры доверия влияние оказала особая организация пространства социального взаимодействия личности в рамках кланово-феодальной системы, которую С. Фей, признанный классик китайской социологии XX века, назвал (*chaxu geju*) «дифференциальным модулем социальной интеграции» [Dong 2005, 61]. Согласно Фею, социальную структуру китайского общества невозможно представить в виде жестко изолированных социальных общностей, ограниченных сословными перегородками. Напротив, она может быть описана в качестве гибкой личностно-центрированной сетевой структуры взаимодействий, в которых индивиды обретают понимание своего места в социальном пространстве в качестве узлов данной социальной сети. Эта подвижная сетевая конфигурация, состоящая из клановых, семейных, корпоративных отношений, в которых ежедневно воспроизводится идентичность среднестатистического китайца, наряду с уникальными партикулярными чертами, характеризуется рядом общих черт.

Во-первых, эти сети личных контактов и связей являются независимыми друг от друга, так как центром своей сети выступает каждый индивид, который в течение всей своей жизни выстраивает сеть знакомств и неформальных контактов, помогающих ему решать множество сложных повседневных вопросов в условиях неподвижной и ритуализированной институциональной системы. Именно в этом отношении Фей называет китайское общество «эгоцентрированным» (*yi ji wei zhongxin*) [From the Soil... 1992, 61].

Во-вторых, любые отношения (*guanxi*) между индивидом и другими участниками данной социальной сети подлежат личностной и нормативно-этической категоризации. То есть различные ситуации и требуют строго определенного ритуального образа поведения (*li*), причем личностный характер этих действий подразумевает, что они базируются на принципах личностных обязательств и взаимности носителей более низких статусов по отношению к стоящим ступенью выше (например, родителей и детей, мужа и жены, чиновника и подчиненного). Не случайно, как указывают исследователи, в современном китайском языке иероглифы, обозначающие различные грани социального доверия (信, *xin*), например: 信用 (*xinyong*, достойный доверия); 诚信 (*chengxin*, искренность); 信誉 (*xinyu*, репутация); 信任 (*xinren*, доверие), подчеркивают, прежде всего, приоритет личностного начала.

В частности, слово *xinren*, выражающее доверие к людям вообще, является наиболее абстрактным видом доверия. Наиболее конкретными и понятными для носителей языка китайского менталитета и языка являются *chengxin* и *xinyu*, выражающие искренность и взаимную уверенность субъектов в порядочности и благонадежности друг друга. Именно они, согласно Йе Венчину, являются базисом для формирования абстрактного доверия и основой понимания доверительных отношений вообще [Linggi 2011, 113].

В итоге, социальное пространство подобных социальных сетей, регулируемое ритуальной этикой, не только поддерживает другие формы социальной коммуникации, в частности, институциональные и формально-правовые отношения, но имеет тенденцию к бесконечному расширению. В этом смысле клано-

вые отношения в современном Китае не ограничиваются отношениями кровного родства, а включают гораздо более широкий спектр социальных контактов. В этом смысле есть основания утверждать, что формирование новых связей *guanxi* представляет собой механизм воспроизводства социального доверия. Как указывает Ли Пин, сфера доверия конкретной личности напоминает набор концентрических окружностей, имеющих разный радиус, но обладающих общим центром, сфокусированным на конкретной личности. Ближайшую к личности область сферы доверия образуют иерархизированные социальные отношения (*renlun*), предписанные традиционным конфуцианским этосом и подлежащие ритуальному воспроизведению. Второй сферой области доверия являются дружеские и эмоционально окрашенные отношения (*renqing*), побуждающие социальных акторов к взаимному усвоению элементов идентичности друг друга и взаимоотождествлению в рамках общей ценностной перспективы. Наконец, последней областью доверия являются общечеловеческие отношения (*renyuan*), под которым понимается, прежде всего, доверие незнакомым людям [Linggi 2011, 120].

Возвращаясь к исходному тезису о взаимосвязи между уровнем доверия и типом политического режима, можно констатировать наличие определенной взаимосвязи этих двух явлений, но только если рассматривать эти феномены в контексте развития западноевропейских обществ. Действительно, анализ развития восточноазиатских стран наталкивает на мысль о специфике организации социальной и культурной жизни, которые делают их сложными для понимания и изучения исследователями, пытающихся выявить общие закономерности социокультурной эволюции. Важно подчеркнуть, что высокий уровень институционального и генерализованного доверия, сложившийся в современной КНР, невозможно рассматривать в качестве результата экономического роста или следствия функционирования политических институтов. Напротив, гибкие формы социального доверия, сформированные в недрах конфуцианской культуры, обеспечивают эффективные формы социальной солидаризации в условиях бурного развития китайской экономики, и именно

традиционная культура доверия позволяет преодолевать ригидность авторитарных политических институтов перед лицом новых вызовов демократизации. В этом отношении высокий уровень институционального и генерализованного доверия обеспечивается, прежде всего, непрерывностью воспроизводства социокультурной жизни на микроуровне бытия социальных субъектов, выступающих акторами многочисленных партикулярных ритуализированных взаимодействий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания (проект № FSRR-2024-0005).

The work was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of a state assignment (project number FSRR-2024-0005).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов, Данилов 2014 – *Иванов А.В., Данилов С.А.* Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур: сравнительный анализ // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11–8. С. 1852–1859.
- Купрейченко, Мерсиянова 2013 – *Купрейченко А.Б., Мерсиянова И.В.* Культура доверия и недоверия гражданского общества // *Рождественская М.С.* (ред.). *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества*. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С. 5–25.
- Патнем 1996 – *Патнем Р.* Чтобы демократия работала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
- Ромашкина, Давыденко, Ушакова 2018 – *Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А., Ушакова Ю.В.* Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // *Вестник СПбГУ. Социология*. 2018. Т. 11, № 4. С. 464–486.
- Рукавишников 2008 – *Рукавишников В.О.* Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // *Социологические исследования*. 2008. № 2. С. 17–25.
- Селигмен 2002 – *Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Фукуяма 2004 – *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.

- Цзинь 2024 – Цзинь Ц. Методология сравнительного социологического исследования доверия (на примере России и Китая) // Социологические исследования. 2024. № 4. С. 3–13.
- Штомпка 2012 – Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
- Dong 2005 – Dong C. Zhong Xi shehui xinren de zhidu bijiao (Западная и восточная система доверия в сравнении) // Study and Exploration. 2005. № 1.
- From the Soil... 1992 – From the Soil. The Foundations of Chinese Society. A Translation of Fei Xiaotong's Xiangtu Zhongguo, with an introduction and epilogue by Gary G. Hamilton and Wang Zheng. Berkeley, University of California Press, 1992.
- Linggi 2011 – Linggi D. Vertrauen in China: Ein Kritischer Beitrag zur Kulturvergleichenden Sozialforschung. Wiesbaden: Springer, 2011.

REFERENCES

- Ivanov A.V., Danilov S.A., 2014. Social Trust and Institutional Order of Society in the Sociocultural Context of Western and Eastern Cultures: Comparative Analysis. *Fundamentalnye issledovaniya*, no. 11–8, pp. 1852-1859.
- Kupreychenko A.B., Mersyanova I.V., 2013. The Culture of Trust and Mistrust in Civil Society. Rozhdestvenskaya M.S. (ed.). *Doverie i nedoverie v usloviyakh razvitiya grazhdanskogo obshchestva*. Moscow, NIU VShE, 2013, pp. 5-25.
- Putnam R., 1996. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Moscow, Ad Marginem Publ.
- Romashkina G.F., Davydenko V.A., Ushakova Yu.V., 2018. Generalized Trust: Conceptualization and Measurement. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya*, vol. 11, no. 4, pp. 464-486.
- Rukavishnikov V.O., 2008. Interpersonal Trust: Measurement and Cross-National. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 17-25.
- Seligman A., 2002. *The Problem of Trust*. Moscow, Ideya-Press Publ.
- Fukuyama F., 2004. *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow, AST Publ.
- Tszin Ts., 2024. Methodology of Comparative Sociological Research of Trust (On the Example of Russia and China). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 3-13.
- Shtompka P., 2012. *Trust: A Sociological Theory*. Moscow, Logos Publ.
- Dong C., 2005. Zhong Xi shehui xinren de zhidu bijiao. *Study and Exploration*, no. 1, pp. 114-117.
- From the Soil. The Foundations of Chinese Society. A Translation of Fei Xiaotong's Xiangtu Zhongguo, with an Introduction and Epilogue by Gary G. Hamilton and Wang Zheng*, 1992. Berkeley, University of California Press.
- Linggi D., 2011. *Vertrauen in China: Ein Kritischer Beitrag zur Kulturvergleichenden Sozialforschung*. Wiesbaden, Springer.

Information About the Authors

Andrey V. Ivanov, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, ivanowaw@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8840-7937>

Sergey A. Danilov, Candidate of Sciences (Philosophy), Head of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, danilovsa@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9191-4059>

Информация об авторах

Андрей Валерьевич Иванов, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, ivanowaw@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8840-7937>

Сергей Александрович Данилов, кандидат философских наук, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, danilovsa@nfo.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9191-4059>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.2>

UDC 165.3
LBC 87.22

Submitted: 23.03.2024
Accepted: 09.12.2024

G. AGAMBEN'S THEATRICAL MODELS: QUESTIONING THEIR AUTOCOMMUNICATION RELEVANCE

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Oksana A. Shtayn

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The theory of autocommunication in postmodernity acquires a new axiological, epistemological, and ethical disposition. We identify this using the example of Giorgio Agamben's thought on social identity within historically contingent theatrical behavior. Theatrical paraphernalia and the theory of autocommunication are characterized by three concepts: mask, puppet, and pantomime. Autocommunication, in its classical manifestation, is a matter of realizing and concealing shame in front of the realized, the revelatory. Autocommunication is always a disclosure in which only those close to the person are involved. In Agamben, autocommunication as a phenomenon of the theatrical scaffolding also carries an educational moment, and it is demonstrative. The actor as actor is likened to the performance and his mask. Autocommunication on and from the stage makes the actor's play a complete action. The autocommunication of postmodernism is characterized by its thunderous, demonstrative performance. It is no longer an internal mute speech. It is a sung or spoken monologue as a new social form of public speech. Autocommunication takes on vocalization; the actor's voice is heard on stage. Giorgio Agamben has developed several models of autocommunication. The first is related to biopolitics and the stage of political action. The body of the victim or the aggressor, the witness, or the guard is included in the political pantomime. The second autocommunication is actorly, with the endowment of expressiveness to elements previously invisible, like the actor's back. But the critique of Agamben's models also exposes a third model of autocommunication, linked to the world of childhood. The puppet turns out to be a breakdown of desire and allows the child to welcome its corporeality for the first time and to adopt the language of pantomime as the primary language of adults. The dollhouse, the puppet, and the mask are working epistemological models, as they allow us to wrap auto-communication in a mirror image of inference: what Others say to you moves not only into an inner monologue but also into a dialogue with the puppets or the playing out of social masks in the dollhouse you have built as a model of adulthood.

Key words: puppet, mask, mimesis, Agamben, epistemology of the humanities, creative cognition, theatricality, speech play.

Citation. Markov A.V., Shtayn O.A. G. Agamben's Theatrical Models: Questioning Their Autocommunication Relevance. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 12-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.2>

УДК 165.3
ББК 87.22

Дата поступления статьи: 23.03.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ТЕАТРАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ Дж. АГАМБЕНА: ПРИМЕНИМЫ ЛИ ОНИ В ТЕОРИИ АВТОКОММУНИКАЦИИ?

Александр Викторович Марков

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Оксана Александровна Штайн

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Теория автокоммуникации в постмодернизме приобретает аксиологический, гносеологический и этический характер. Мы выявляем это на примере мысли Джорджо Агамбена о социальной идентичности внутри исторически обусловленного театрального поведения. Театральной атрибутике и теории автокоммуникации присущи три понятия: маска, кукла и пантомима. Автокоммуникация в классическом проявлении связана с осознанием и сокрытием стыда перед лицом осознанного, откровенного. Автокоммуникация – всегда откровение, в которое втягиваются только близкие люди. У Агамбена автокоммуникация как феномен театральных подмостков также несет в себе воспитательный момент, и она демонстративно показательна. Актер как актер уподобляется исполнению и своей маске. Автокоммуникация на сцене и со сцены делает игру актера завершенным действием. В постмодернизме автокоммуникация – это громогласное показательное выступление, пропетый или произнесенный монолог, не внутренняя немая речь, а новая социальная форма публичной речи. Автокоммуникация обретает вокализацию, голос актера звучит на сцене. Джорджо Агамбен создал несколько моделей автокоммуникации. Первая связана с биополитикой и сценой политических действий. Тело жертвы или агрессора, свидетеля или охранника включены в политическую пантомиму. Вторая автокоммуникация – актерская, с наделением выразительностью элементов прежде незаметных, как спина актера. Но при критике моделей Агамбена выявляется и третья модель автокоммуникации, связанная с миром детства. Кукла оказывается поломкой желания, позволяя ребенку впервые приветствовать свою телесность и принять язык пантомимы в качестве основного языка взрослых. Кукольный домик, кукла и маска являются работающими гносеологическими моделями, поскольку позволяют обернуть автокоммуникацию в зеркальное отражение выводов: то, что Другие говорят тебе, переходит не только во внутренний монолог, но и в диалог с куклами или проигрывание социальных масок в построенном тобой кукольном домике как модели взрослой жизни.

Ключевые слова: кукла, маска, мимесис, Агамбен, эпистемология гуманитарных наук, творческое познание, театральность, речевая игра.

Цитирование. Марков А. В., Штайн О. А. Театральные модели Дж. Агамбена: применимы ли они в теории автокоммуникации? // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 12–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.2>

Театр как начало мысли

Джорджо Агамбен, крупнейший современный итальянский философ перформативности, в своих работах затрагивает многие вопросы социальной идентичности и театрального поведения. Мы рассматриваем, в каких случаях эта его мысль о театральности образует устойчивую связку с идентичностью. В этом отношении его мысль может быть продуктивной как для социальной философии, так и для гносеологии.

Актуальность статьи состоит в том, что социальная реальность в большинстве как философских, так и социологических концепций мыслится с помощью театральных метафор. Такие понятия как сцена, роль, функция, амплуа, декорации, сценография, завязка, конфликт, принадлежат одновременно домену театральности и домену социальной рефлексии. Агамбен, один из самых чутких к перформативному искусству современных мыслителей, не столько применяет отдельные театральные модели для осмысления социальных процессов, сколько стремится рассмотреть театр как общую генеративную модель социальной

жизни. Он, можно сказать, находится не в социальном поле, которое объясняет с помощью отдельных театральных впечатлений, но в театральном поле, изучение которого дает понимание того, как работают роли и маски, как в обществе возможны примы и трикстеры, как могут существовать не только сцена и кулисы, но и декорации. Для Агамбена театр эвристически продуктивен, однако это не социальная, а театральная эвристика. Но тем важнее показать, где эффектная и впечатляющая мысль Агамбена сталкивается с ограничениями. В ходе методического исследования мы выявили по крайней мере два: недостаточный учет понятия об амплуа актера, которое подразумевает не только стыд, но и совесть, и недостаточный учет специфики первичного опыта, в котором есть не только столкновение с временем себя, но и с собственными коммуникативными навыками. Агамбен часто редуцирует автокоммуникацию к осознанию своей социальной роли, тогда как мы восстанавливаем в автокоммуникации момент совестливости и момент постановки под вопрос своих прежних, как будто уже ставших естественными коммуникативных навыков.

Чтобы разобраться с мыслью Агамбена, мы начнем с базовых определений. Маска – это не только то, что мы видим на лицах участников древних обрядов. Как в древности, так и в современном театре маска располагается на границе тайны и яви, скрытого и открытого. С феноменологической точки зрения она и создает разделение на мир явленного и мир действительного, является основным ресурсом театральной иллюзии наряду с амплуа актера или его явлением в данных декорациях [Massie 2018]. Маска, таким образом, – это генератор самих условий понимания социальных отношений. Для Агамбена с его своеобразной политической теологией будущее, которое должно явиться в настоящем, должно явиться под маской, легитимировав нашу возможность как-то отнестись к будущему [Parsley 2010, 15]. Агамбен создает своеобразную перформативную версию Страшного суда как уже идущего, где мы должны уточнить наши роли и амплуа [Parsley 2010, 17].

Кукла – образ-символ человека, игровой гносеологический и эстетический инструмент, зримый посредник, коммуникант, медиум между миром детства и миром взрослых. Кукла – феномен обрядовой, бытовой и театральной действительности. Сценические куклы подразделяются на марионеток (куклы на нитях), перчаточных (надеваются на руку), теневых (проецируемых на экран), тростевых кукол или кукол-роботов. Такое подразделение существенно для понимания гносеологического потенциала образа, если образом считать и куклу, и представление в кукольном театре. По-разному выстраивая отношения между сценой, задником и фигурой, разные куклы по-разному концептуализируют темпоральность и пространственность кукольного театра, а значит, по-разному работают на усиление познавательного интереса ребенка или взрослого к миру.

Пантомима – вид сценического искусства, где главным средством коммуникации между актером и зрителем выступает пластическая выразительность. В пантомиме тело актера и есть маска, которая как в обрядовых ритуалах или древнегреческом хоре не фокусируется только на лице. Тело актера оказывается главным инструментом познания, показывающим, как познание можно развернуть

в пространстве и времени. Иначе говоря, тело в своем движении оказывается условной куклой для театра, в качестве которого мы признаем саму жизнь. Неразличимость маски и куклы ведет к неразличимости социального опыта и опыта познания. Масочность тела при этом способствует переключению от бытового опыта к гносеологическому, направленному на познание общих процессов – в отличие от бытового познания частных обстоятельств жизни.

Цель статьи – выявить ограничения той модели автокоммуникации, которую выстраивает Агамбен в своих работах. Этим определяются задачи статьи. Первая задача – объяснить, почему Агамбен говорит не столько о коммуникации как начальном факте социальной жизни, как мы это видим, например, в модели публичности Хабермаса, сколько о маске как единственном способе взять социальное в какую-то более высокую рамку интерпретации. Вторая задача – определить, как именно такое понимание маски влияет на коммуникативные модели Агамбена, на понимание различия между коммуникацией и автокоммуникацией. Для Агамбена автокоммуникация становится не просто вариантом интроспекции, способом возрождения изначального статуса стыда. Третья задача – показать специфику актерства в понимании Агамбена. Здесь мы показываем ограничения мысли Агамбена, понимающего актера как актора, действующее лицо, и показываем наличие не только актерского стыда, но и актерской совести, без чего автокоммуникация невозможна.

Четвертая задача – прояснить отношение автокоммуникации и первичного опыта, первичной сцены. Агамбен понимает первичный опыт как опыт сознания, тогда как первичный опыт – это опыт конструирования собственной реальности. Фигура трикстера у Агамбена поэтому может быть переосмыслена не как форма социального сознания, а как форма чистого полагания другого. Наконец, пятая задача – раскрыть роль мимесиса как стратегии жизни. Для Агамбена именно в таком мимесисе возникают новые актерские и социальные амплуа. Мы предлагаем не сводить социальные сценарии только к драме или роману, но ввести сказку как первичный и очень продуктивный социальный сценарий.

Порядку этих задач соответствует порядок разделов статьи.

Методология статьи – «близкое чтение» Агамбена с учетом контекстов его мысли от классического психоанализа до теорий перформанса. Для такого исследования требовалась особая театральная эрудиция, в том числе собственный актерский опыт авторов статьи. Мы можем смело сказать, что Агамбен, создав целый ряд образов, соответствующих роману и пьесе, не создал убедительного образа детства как первого опыта проблематизации автокоммуникации. Но на основе его размышлений и наблюдений можно восполнить его мысль рассуждением о детстве как периоде конвертации привычного стыда в первые опыты социальной совести. Рольевые модели Агамбена, где социальная роль всегда имеет эстетическое измерение, не подразумевают совести, тогда как введение сказки как модели совестливого пользования языком и миметическими ресурсами (чем сказка и становится в литературной системе и системе воспитания, дополняя сюжеты инициации эффектами реальности и фантазии) обогащает систему Агамбена и придает его учению о мимесисе необходимую завершенность.

Маска как центр мысли Агамбена

Наша статья продолжает прошедшую недавно дискуссию, посвященную переходу Агамбена от визуальной метафоры в объяснения культуры к аудиальной и перформативной [Горяинов 2023; Фарафонова 2023]. Мы предлагаем свести эту метафору к понятию маски, которая может быть звуковой, динамически-визуальной или даже силовой в том смысле, что в ней проявляется сила культуры. Агамбен понимает маску как альтернативу лицу и его речи как единственному каналу выразительности. Примеряя маску, актер «пропускал через себя некую безличную, высшую жизнь», поэтому «маска – это такое же живое существо, как и он, а может даже более живое» [Агамбен 2021, 87]. Маска, как и пантомима, может быть не только предметом интереса, но и предметом желания самого носителя маски. Актер хочет уподобиться маске там, где он должен разыграть однозначную и завершенную пантомиму, ведь именно

уподобление своей маске делает игру актера действием, которое не просто вовлекает зрителей, но представляет дело актера как уже свершившееся. Здесь осуществляется особый мимесис: подражание действию как подражание общей человеческой способности совершить действие.

Мимесис здесь направлен не на какую-то вещь с ее свойствами, но на способность человека действовать, в которой зритель узнает и собственное действие. Например, актер притворяется посвятившим себя какому-то делу, допустим, делу восторга, и зритель, который уже посвятил себя спектаклю как месту своей самореализации как восторженного субъекта, оказывается миметическим субъектом перед этой восторженной маской актера, а не перед подробностями игры. Зритель «сбывается» и как произведение актера, и как субъект начатого мимесиса, который полностью совпадает с тем мимесисом, который уже осуществил актер. Таким образом, Агамбен имеет в виду схему театральной автокоммуникации, но встраивает ее в социальную рамку опыта. Мы предлагаем дополнить ее рамкой сценического воображения.

Театральная автокоммуникация точно воспроизводит схему «Я-Я», когда второе «Я» функционально приравнивается к третьему лицу (Зрителю). Различие театральной коммуникации и театральной автокоммуникации сводится к тому, что в системе «Я-Другой» информация перемещается в пространстве (так, скажем, книга Станиславского о методе опубликована, перемещена в магазины, продается, доставляется в библиотеки, так что мысль Станиславского из книги прочитывается в Удмуртии, на Алтае, в Санкт-Петербурге). Система автокоммуникации «Я-Я» перемещается во времени благодаря тому, что сцена схлопывает пространство: мы понимаем, что это сад или воображаем, что это корабль в море. На сцене нет возможности расширить пространство или вывернуть его наизнанку, но время – канал перемещения идеи и мысли, тот портал, благодаря которому режиссер отправляет послы, конверты со своими намеками, где конвертами являются тела актеров, речь, ружья на стенах, которые обязательно выстрелят и т. п.

Пьеса, роман, превращенные в сценарии, получают авторскую огласку. Разговор режиссера с самим собой – демонстративный монолог, свидетелями которого становятся зрители, заинтересованные в переключении от обстоятельств бытовой речи к той пантомиме, которая превращает их бытовую речь в частный момент гносеологического опыта. Более того, они – включенные участники, меняющие коды во время или после просмотра представления, когда познанное уже иначе кодирует само понятие об обстоятельствах. Такое перекодирование иногда называют театральностью условностью, но на самом деле, условность – это не столько набор некоторых знаков, сколько энергия такой перекодировки обстоятельств, так что прежде казавшееся онтологически необходимым оказывается лишь познавательным моментом.

Коммуникация и автокоммуникация в театральных моделях Агамбена

Если коммуникация «Я-Другой» обеспечивает передачу некоторого объема информации, то в автокоммуникации «Я-Я» происходит ее качественная трансформация, которая приводит к перестройке самого Я. В ходе театральной постановки это не только Я режиссера, но и Я зрителя, который воспринимает происходящее на сцене как обращенное к нему. Он считывает и трансформирует театральное высказывание, которое привлекает его внимание, и тем самым показывает, что любые условные режимы его восприятия ничтожны в сравнении с той пантомимой, которую разыгрывает мысль зрителя.

В современном театральном опыте режиссер выступает медиумом, который знает, «что думал Шекспир» или что думали «мертвые» Розенкранц и Гильденстерн в пьесе Тома Стоппарда. В манере высказывать мысли вслух, осуществляя публичную автокоммуникацию, есть нюанс. Л.С. Выготский называл автокоммуникацию «внутренней речью» [Выготский 1934, 285]. Структурным признаком автокоммуникации, отличающим ее от коммуникации, он считал отсутствие вокализации. Внутренняя речь – это немая, молчаливая речь, потому среди сценических форм выражения пантомима идеально подходит к

автокоммуникации, меняющей коды и индексы в ходе представления со скоростью смены жестов и поз. Зрителю дается большая свобода интерпретации. В классическом театральном представлении мы слышим монолог, который сказан, произнесен, пропет, что выражало встроенность классического театра в социальные формы публичной речи.

В последнее десятилетие появилась востребованная новая форма моноспектаклей, где весь спектакль – автокоммуникация. Например, в спектакле «Я, бабушка и Илико и Илларион» по роману Нодара Думбадзе текст был преобразован в моноспектакль Георгием Иобадзе. Зритель слышит голос обычного мальчика Зурико, переживающего радости и невзгоды вместе с односельчанами. И этот авторский голос, авторская коммуникация (автокоммуникация) привлекает зрителя. Фестивали моноспектаклей идут в Москве уже не первый год.

М.В. Баженов в своей книге «Бытие стыда (стыд в человеке, человек в стыде)» вводит термин «послестыдный человек», под которым подразумевает «обретение новой маски, возвращение к личности, персоне» [Баженов 2009, 139]. «Послестыдный человек» – это покрасневшее лицо, смущенный взгляд, опущенные глаза, рефлексия в отношении несоответствия поведения (помыслов) социально одобряемому. «Послестыдная маска является компромиссом между мной и окружающими, своего рода защитным фасадом» [Баженов 2009, 139].

Чем привлекает моноспектакль? Моноспектакль – это монолог, обращенный к себе посредством зрителей. Монолог не до конца сформированной речи, с помарками, оговорками, черновик речи. Зрителя привлекает несовершенство стоящего на сцене, он уязвим, сомневается, стыдится. Это вывернутое в голосе обращение стыда. Автокоммуникация сопряжена с понятием стыда. Человек на сцене, актер, осуществляющий через провозглашение текста автокоммуникацию режиссера, является «человеком послестыдным». Как только актер покидает пределы сцены, стыд снова возвращается к нему в своих классических проявлениях.

Автокоммуникация как внутренняя речь обретает вокализацию, голос актера звучит на

сцене. Как только рампы выключают, занавес закрывают, засекреченные тексты и тайнопись автокоммуникации возвращаются в ящики Пандоры. Автокоммуникация по итогам постановки, «когда мы задумались», – это возвращение стыда. Стыд – это предьявление или сказ, так как с-казать и есть «по-казать, объ-явить, дать видеть, слышать» [Хайдеггер 1993, 265]. Стыд выведывает и выводит на свет, предьявляет, показывает скрытое, спрятанное, то, что под (за) маской. Стыд выводит в лицо, делает оче-видным (видимым) некоторые вещи. В стыде нет притворства. «В том, как человек себя ведет, когда он виновен... нечто выходит наружу, обнаживается – *existit*. Способ, каким он ведет себя, таков, что сам человек всецело внутри того, что с ним происходит», – так Гадамер говорит об *existit* у Хайдеггера [Гадамер 1991, 21].

Философская и актерская автокоммуникация в мысли Агамбена

Джорджио Агамбен создал две модели автокоммуникации, но обе они сужают это *existit* до архива политического действия, и спина исполняющего политическую пантомиму отождествляется в них с задником самой пьесы. Первая модель принадлежит его трудам о биополитике, начиная с серии *Homo Sacer*. В этой модели от лагеря смерти остается «архив» и «свидетель». При этом архив не может говорить, так как он имеет в виду нормализацию некоторых документов, приведение их к некоторому бюрократическому стандарту. Автокоммуникация архива сразу же перерастает в бюрократическую коммуникацию. Свидетель, наоборот, изначально лишен коммуникативной способности, потому что ничего не может сказать о страшном и предельном опыте, ибо опыт уничтожения нельзя передать словами. Но именно он осуществляет автокоммуникацию: он озвучивает, что осталось от пережитого опыта, и для этого остатка подбирает слова, которые одновременно сообщают, что произошло с жертвами. При этом свидетель без архива быть не может, потому что свидетель не может просто рассказывать, он должен записать или хотя бы сказать под запись. Эта мысль о биополитике далее прояви-

лась и в газетной критике Агамбеном масочного режима во время пандемии COVID-19 как примера замены свидетельской ответственности бюрократическим архивом о ношении масок [Агамбен 2022; Marino 2021].

Но есть случаи, когда архив обретает самостоятельность, когда происходит «архивная авантюра». Образцом такого архива, который обладает автокоммуникацией как авантюрой собственной формы, является, согласно газетным выступлениям Агамбена времен пандемии, университет. Устроен он как архив, то есть все студенты усваивают некоторые знания. Но чтобы это знание стало ценным, преподаватель или студент должны акцентировать его с помощью какой-то авантюры, например, декларировав, что без этого знания в жизни нельзя обойтись. Но есть и более высокие авантюры, когда знание начинает пониматься как прекрасное, возвышенное, по-новому требующее видеть жизнь вокруг нас. Это и превращает университет в такой инструмент разговора науки с собой, который делает науку перспективной для общественного развития. Здесь, в свою очередь, тоже могут быть биополитические ограничения, например, навязывание определенных режимов отчета или постановки проблем, но в целом университет со времен Болоньи был, по Агамбену, авантюрен.

Еще одной формой автокоммуникации является актерская автокоммуникация. Агамбен цитирует Роберта Гаррика, драматурга английского Просвещения, который утверждал, что «спина комика гораздо выразительней, чем лицо любого серьезного актера» [Агамбен 2021, 89]. Агамбен делает из этого вывод как раз о таком посвящении себя актером своей же маске, за которым следует мимическая энергия зрителя. Здесь можно вспомнить стихотворение Льва Лосева «Записки театрала» [Лосев 1996, 23–25]. Лирический субъект этого стихотворения – знаток театральной изнанки, закулисья, в первой же строфе показывающий, что он знает не только об амплу актеров, но и об их личной жизни и о том, что вызывает ажиотаж вокруг нее.

Такой театр, знаток всего скрытого за кулисами, возмущается трюком Амвросия Бучмы «для своих»: играя трагическую роль, Бучма, повернувшись спиной к зрителям, кор-

чил рожи, видимые лишь «своим». Лирический повествователь воспринимает это как двойное предательство: и театрального ремесла, и уважения к человеческому облику. Ведь зрители в результате видят пустую форму ремесла, а его товарищи по театральному ремеслу – ту маску, которая не подразумевает мимического отношения и заинтересованности. Бучма выступает как мим, но в этот мимесис вовлекает только «своих», разрушая тем самым смысл театра как народного действия.

Но почему Бучма повернулся к залу спиной? Лирический повествователь выступает у Льва Лосева как аналитик-структуралист, который видит в этом минус-прием, чистое отсутствие лица. То есть маска не есть для Льва Лосева, поэта эпохи структурализма, в отличие от Агамбена, альтернатива лица, это только один из инструментов создания театральной иллюзии. Замечательно, что Бучма играл в пьесе «Последние» Горького царского жандарма, которого по всем законам мещанской трагедии как театрального жанра настигает моральное возмездие в его доме. Жандарм – это не столько лицо, сколько маска в агамбеновском смысле, то есть что-то более живое, чем человек. Ее существование не ограничивается актом на сцене, но длится за ее пределами, и в этом существовании есть и трагичность, и печаль, и возмездие. Таким образом, Бучма как герой стихотворения последовательно делает спину маской, тогда как свое лицо воспринимает как исключительно внутритеатральный, сценический факт, являющийся нормой и стандартом сценичности в официальной системе (например, в системе Станиславского).

Автокоммуникация в новейшем театре – это след, «спина». Театр дает разрешение вывести ее на сцену и огласить, оставив песнь, стон, возглас, отчаяние размышлениям. Стыд – обнаружение тайны, выведение (про-из-ведение) на свет, открытие. «Раскрытие потаенного, то есть истина – событие, к которому свобода стоит в ближайшем и интимнейшем родстве. Всякое раскрытие потаенного идет по следам сокровенности и тайны» [Хайдеггер 1993, 232]. Постыдное – это еще и некрасивое (некрасивый поступок). Еще Платон понимал под постыдным безобразное (то, что без образа, не имеющее образа, не снаряжен-

ное и не наряженное). «Дела богов получили снаряжение благодаря эросу прекрасных дел, а эроса безобразных дел не бывает» (201a) [Платон 2019, 171]. Стыд связан с пятном («запятнать репутацию»), а его отсутствие – с испорченностью, порочностью. Стыд как действие содержит в себе элементы драмы. Приведем в пример сцену из романа «Дети полуночи» Салмана Рушди: «Назим прячет лицо в подушку: “Хочешь, чтобы я ходила голая перед мужчинами” (Азиз велел ей снять лицевое покрывало). Доктор пытается втолковать: “Рубашка скрывает тебя от шеи до запястий и до колен. На ногах – шаровары до щиколоток. Остаются ступни да лицо. Жена, разве есть в твоём лице и ступнях что-то неприличное?” Но она стелает: “Все вокруг увидят не только это! Они увидят, как стыдно мне, стыдно-стыдно!”» [Рушди 2006, 202]. Разница в моноспектакле Иобадзе между актером, который исполняет Назим и самой Назим в том, что актер – «послестыдный», его автокоммуникация на сцене не затрагивает его личность, в то время как условная Назим в зрительном зале обретает стыд в любой момент собственной или донесенной со сцены автокоммуникации: «Почему говорит актер, а стыдно мне?». Агамбен ставит вопрос о стыде как третьей форме автокоммуникации, но сводит этот вопрос исключительно к декорациям капитализма.

Автокоммуникация и вопрос о границах опыта в мысли Агамбена

В более ранней книге «Профанации» (2005) [Агамбен 2014] Агамбен попытался дать комментарий к В. Беньямину, установив границу стыда как границу между сакральным и профанным. Опираясь на идею Беньямина «капитализма как религии», он говорит о введении капитализмом областей сакрального и профанного. «Профанация», то есть недолжное использование сакрального, оказывается тогда и необходимым эффектом капитализма в объективном мире, и некоторым способом расколдовывания капитализма в мире субъективности. Цитируя «Берлинское детство» и другие работы Беньямина, Агамбен отдельно тематизирует детство как такое продление субъективности, которое противостоит капита-

листическим стандартам. Иначе говоря, детство оказывается той пантомимой, которая разыгрывается в детской как в мире масок, позволяя ребенку приветствовать свою телесность и принять язык пантомимы как основной язык взрослых.

Детство, говорит Агамбен, включает в себя жест тайного имени. Тайное имя не магически овладевает вещью, а освобождает ее от власти привычного языка. Иначе говоря, тайное имя обладает той миметической энергией, в которой вещь сама проговаривает себя в своей вещественности, сама создает свою гладкость, привлекательность и завершенность. Как пишет Агамбен, «в конечном счёте, волшебство есть не познание имен, а жест, расколдовывание имени. Поэтому ребенок радуется больше всего, когда изобретает свой тайный язык. Его грусть происходит не столько от незнания магических имен, сколько от того, что ему не удастся избавиться от имени, которое было ему навязано» [Агамбен 2014, 22–23]. Называть вещь так, как называют ее взрослые – это принять как раз дурной мимесис использования, когда от вещи остается только ее польза, а наше тело должно вторично приспособливаться к этой пользе. Напротив, вещь через магическое имя предстает чем-то более живым, чем она сама, тем именованим, которое со всей живостью и вводит ее в бытие.

Но детская автокоммуникация возникает позже обретения имени. Под взглядом родителей, бабушек, нянь, учителей, воспитателей (Другого) ребенок (Я) не обладает исключительной привилегией проявлять себя желаемым образом. Другой фиксирует интенции мысли и поступка, определяет место в пространстве, обозначает границы ребенка (Я) и одновременно лишает ребенка свободы.

Образом детской автокоммуникации должна стать детская как кукольный домик. Автокоммуникация для ребенка – это попытка постигнуть себя в качестве рассматриваемого, постигнуть себя пространственным и осуществляющим пространство, почувствовать свою объективность, увидеть и услышать себя глазами и ушами взрослых – очень требовательными и цепкими. Это нарождающийся навык «быть для себя» и «быть для другого». Только через коммуникацию, через

взаимодействие, бытие может отвлечься от «для-себя» и определить себя и свое место в мире. Как писал Ж.-П. Сартр, «в противоположность философии Декарта, в противоположность философии Канта, через “я мыслю” мы постигаем себя перед лицом другого, и другой так же достоверен для нас, как мы сами. Таким образом, человек, постигающий себя через *co-gito*, непосредственно обнаруживает вместе с тем и всех других, и притом – как условие своего собственного существования. Он отдаёт себе отчёт в том, что не может быть каким-нибудь, если только другие не признают его таковым. Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования – так же, впрочем, как и для моего самопознания. При этих условиях обнаружение моего внутреннего мира открывает мне в то же время и другого как стоящую передо мной свободу, которая мыслит и желает “за” или “против” меня. Таким образом, открывается целый мир, который мы называем интерсубъективностью. В этом мире человек и решает, чем является он, и чем являются другие» [Сартр 2002, 85]. Сартр отмечает, что Другой играет нередуцируемую роль в осознании мною себя как телесного существа, фактически пребывающего в мире. Чтобы конституировать себя, мне нужен взгляд другого.

Одним из методов такого конструирования и наработки стороннего взгляда для ребенка является игра в домики. Домики, которые дети строят и заселяют, рождают первый опыт личной уличности, с которой видно то, что в домике, а потому надо поскорее стыдливо спрятаться в дом своего бытия. Надевая ролью мамы, папы, ребенка, врача кукол, населяющих эти домики, организуя, перестраивая и перекраивая пространство кукольного домика, ребенок перекраивает внутреннюю речь – монолог, обращенный к себе самому, скрытый от взгляда Другого (родителей), и нарабатывает навык этого сокрытия. В кукольном домике ребенок проигрывает ситуации воспитания и оценочного взгляда взрослых, а потом воспроизводит эти ситуации в реальной жизни, применяя механизмы избегания и сокрытия. Кукольный домик – тайна, миниящик Пандоры, который строит ребенок

и прячет там свои страхи, сомнения, свои открытия и свой стыд.

Миметическая модель автокоммуникации и ее ограничения

Агамбен превращает учение В. Бенямина о фотографии как выявлении тех подробностей вещей, которые скрыты от постороннего глаза с целью маркетинга и контроля, в учение о постоянном выявлении все новых подробностей, как бы создает некоторый «завод производства подробностей», где производится уже не стыд, а стыдливость мира перед Страшным судом. Если Бенямин исходил из возможности поломок медиа, ограничений техники, то Агамбен относит поломки только к вещам. В конце концов, эта работа с подробностями оказывается у него помещенной в эсхатологический горизонт, и ангел фотографии для него – это «ангел Страшного суда» [Агамбен 2014, 25].

Агамбен приводит в качестве примера одну из первых фотографий, требовавших долгой выдержки. Поэтому люди не отобразились на проявляемой поверхности, они слишком быстро ее миновали, и только наклонившегося почистить обувь человека и застал объектив «ангела». Склонившийся почистить обувь участвует в пантомиме. При этом он не работает в пантомиме, он доверяет чистильщику, но двойная миметичность – нужда в чистой блестящей обуви и нужда в чистой реализации профессии – создает эту двойную миметичность блеска, почти кукольного, в котором Ангел истории и застает время жизни людей.

Миметический блеск нужды в чистой обуви как взявший в свой оборот невидимого чистильщика делает видимой только саму маску пантомимы, и эта маска и есть суд над человеком, есть взятие смысла его существования в ту ситуацию, когда человек не может предъявить ничего, кроме этого смысла. Ниже [Агамбен 2014, 28] Агамбен прямо говорит, что фотографический образ подобен «эйдосу» воскресшего тела, по Оригену, идеальному облику, индивидуацией которого будет только вышняя Слава. Таким образом, и детство можно понять как обратное движение от индивидуации во Славе к обретению эйдоса своей игры, своей встречи с блеском кукол. В этой

встрече ты и зависишь, будучи проводником Славы к тем событиям, которые твоя пантомима разыграет для тех, кому твое детство интересно.

Инобытием фланера, о котором писал Вальтер Бенямин в неоконченном труде 1930-х гг. «Пассажи», Агамбен считает Пиноккио. В книге «Профанации» Пиноккио [Агамбен 2014, 32] еще выступает как трикстер поневоле, который и сам участвует в пантомимах, и постоянно поворачивается к нашему миру спиной, чтобы переродиться. Спина – эта невидимая часть представления. Видя ее, мы понимаем, что герой начинает разговаривать со своей маской как с чем-то более живым. Мы верим в перерождение героя и, в отличие от ситуации, описанной Львом Лосевым, это перерождение не является угождением театру. Дело в том, что, согласно Агамбену, Пиноккио вопиюще нетеатрален. Он как раз постоянно поддается соблазнам, легковерен, многое обещает, много врет, то есть самим своим присутствием разрушает любые театральные условности. Но именно поэтому как смерть Пиноккио в первых редакциях повести, так и моральный исход в позднейших редакциях оказываются очевидным для любого читателя выходом, создающим эффект достоверности этой фантастической сказки. Пиноккио не может выдержать игру с собой, он разыгрывает себя и становится жертвой собственных розыгрышей: у него вырастают реальные нос и ослиные уши. Но именно поэтому Пиноккио реален в финале, как единственное оправдание рассказывания историй о нем.

В недавней книге [Agamben 2021] у Агамбена появляется новая интерпретация, которая стоит ближе к теории автокоммуникации. Пиноккио – это не просто производитель реальных пантомим, это производитель тех эффектов социального, которые невозможно спрятать в коробку театра. Он всегда на ярмарке, он всегда в представлении, где нет ни коробки, ни кулис как таковых. В этом смысле Пиноккио перекликается с самим этим театром жизни, у которого тоже нет задника, нет спины. Как Пиноккио сотворен мастером как земным богом, так и этот театр сотворен обществом как земным богом. Миметическое отношение мастера и общества

оказывается вглядыванием в социальную маску общественной жизни или в индивидуальную маску характера мастера.

Автокоммуникация как сказка: возможное продолжение мысли Агамбена

Уникальность жанра сказки видится Агамбену в том, что она не встраивает рассказывание в моральные или бытоописательные задачи. Между тем сказка – это не только особая организация текста, но и организация «кукольного домика» нашего первичного опыта.

Критика идей Агамбена позволяет говорить о Кукольном Домике как универсальной связке Маски и Куклы в пантомиме. С домика снимают переднюю стенку как Маску, которая прежде маскировала быт дома. Маска придавала дому онтологическую завершенность «лица», отличающую этот дом от всего прочего. Сняв маску, мы обнаруживаем мир кукол, то есть Другого, который смотрит на дом и дополняет эту онтологию. Перед нами оказываются не лицо и изнанка, а два лица; возникает ситуация автокоммуникации, которая достигается простым снятием или установкой передней стенки. Такое обращение лица куклы и лица играющего, создаваемое действием неотменяемых законов игры, есть своего рода «просвет» Хайдеггера, самая убедительная автокоммуникативная модель.

Заключение

Выводы проведенного исследования могут быть сформулированы следующим образом. Джорджо Агамбен создает социальную модель на основе театральной модели, где стыд является главным фактором поведения человека на социальной сцене. Агамбен отождествляет бесстыдство с разрушением театральной иллюзии, а возвращение стыда в акте актерской автокоммуникации (в том числе в такой необычной, как авантюра трикстера) – с восстановлением такой иллюзии. Эта иллюзия необходима для социального развития как создающая координаты взаимодействия внутри социального поля: например, она требует признавать образованность не только как частное профессиональное зна-

ние, но как гуманистическую задачу общества. В конце концов, для Агамбена театральный иллюзионизм – это гуманизм, как для Сартра экзистенциализм – это гуманизм.

Но мы на множестве примеров, в том числе из истории мирового и отечественного театра XX века, показали, что построить модель театрификации на одном только понятии стыдливости как выражении эпистемического разрыва между миметической увлеченностью и требованиями социальной реальности невозможно. В этой модели всегда будет крен либо в сторону чистого мимесиса, игнорирующего социальные вызовы, либо в сторону императивов, которые разрушают миметическую иллюзию и сближают повседневную жизнь с жизнью животных или с голой жизнью жертв. Тем самым модель Агамбена, продуктивная для критики различных политических идеологий, недостаточно продуктивна для понимания социального как такового.

Поэтому мы вводим дополнительную модель – модель кукольного мимесиса, кукольного домика, где существенны не только стыдливость, но и совесть. В отличие от стыдливости, которая рассматривает в качестве ресурса действия только «Я», только самосознание, совесть учитывает различные ресурсы, в том числе маску и пантомиму, в качестве источника созидательного или разрушительного социального действия. Совесть требует иначе понимать автокоммуникацию – не как обретение первичного сознания своего «Я», но как постоянное столкновение с этим самосознанием, как постоянную проблематизацию своей способности как-то относиться к себе. Это не когнитивный, а в широком смысле экзистенциальный опыт. Кукольный домик становится экзистенциальной моделью постоянной проблематизации как чувства реальности, так и собственной фантазии, что дополняет модель автокоммуникации Агамбена.

Агамбен много внимания уделяет внешним ролям и социальным амплуа. Мы показываем, что есть и внутреннее амплуа, выражающееся в способе употребления маски или устройства пантомимы. Это понятие о внутреннем амплуа позволяет углубить мысли Агамбена о трикстере и о миметическом универсализме в культуре. Трикстер – это не только

стыдливый авантюрист, но и любой человек, который совестлив, но не нашел еще подходящей социальной рамки для своей совестливости. Мимесис – это не только способ конвертации частных аффектов в культурный опыт, но и тот отбор аффектов, то их рафинирование, при котором один из аффектов обязательно будет достаточно глубок для того, чтобы пробудить совестливость в человеке, какую бы он социальную роль он ни исполнял. Поэтому миметическое понимание общества может быть продуктивным, если в нем есть не только момент театрификации социальных ролей, но и отбор социального опыта, в котором вдруг открывается, что этот опыт не сводится полностью к привычным представлениям о социальном. Есть совесть и есть особая встреча лиц: лицевой стороны кукольного домика и нашего взрослого лица, когда мы взяли из детства лучшее и не расстались до конца с капризным, но вполне оправданным притворством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен 2014 – Агамбен Дж. Профанации. М.: Гилея, 2014.
- Агамбен 2021 – Агамбен Дж. Пульчинелла, или Развлечения для детей в четырех сценах. М.: Носорог, 2021.
- Агамбен 2022 – Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М.: Ноократия, 2022.
- Баженов 2009 – Баженов М. В. Бытие стыда (стыд в человеке, человек в стыде). Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2009.
- Выготский 1934 – Выготский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934.
- Гадамер 1991 – Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
- Горяинов 2023 – Горяинов О. «Музыка бытия»: примечание к одной метафоре из последнего тома Homo Sacer Джорджо Агамбена // *Versus*. 2023. № 3 (2). С. 165–200. DOI: <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2023-3-2-165-200>
- Лосев 1996 – Лосев Л. Новые сведения о Карле и Кларе. СПб.: Пушкинский фонд, 1996.
- Платон 2019 – Платон. Пир. М.: Рипол-Классик, 2019.
- Рушди 2006 – Рушди С. Дети полуночи. СПб.; М.: Лимбус Пресс, 2006.
- Сартр 2002 – Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. М.: Республика, 2002.
- Фарафонова 2023 – Фарафонова Д. «Ум, окунающий перо в чернила мысли»: к вопросу о пе-

- реводе на русский язык термина *potenza* и о его значении в онтологии Джорджо Агамбена // *Versus*. 2023 № 3 (2). С. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2023-3-2-151-164>
- Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
- Agamben 2021 – Agamben G. Pinocchio: Le avventure di un burattino doppiamente commentate e tre volte illustrate. Torino: Einaudi, 2021.
- Marino 2021 – Marino G. When the face mask burns. Agamben and the pandemic visage // *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*. 2021. Special Issue: SFL – Narrations, Confabulations, and Conspiracies. DOI: <https://doi.org/10.4396/SFL2021A11>
- Massie 2018 – Massie P. Masks and the Space of Play // *Research in Phenomenology*. 2018. Vol. 48, № 1. P. 119–146.
- Parsley 2010 – Parsley C. The Mask and Agamben: The Transitional Juridical Technics of Legal Relation // *LawTextCulture*. 2010. Vol. 14. P. 12–19.

REFERENCES

- Agamben G., 2014. *Profanities*. Moscow, Gileya Publ.
- Agamben G., 2021. *Pulcinella, or Entertainment for Children in Four Scenes*. Moscow, Rhino Press.
- Agamben G., 2022. *Where Have We Come? Epidemic as Politics*. Moscow, Nookratiya Publ.
- Bazhenov M.V., 2009. *The Existence of Shame (Shame in a Person, a Person in Shame)*. Izhevsk, Izdatelstvo IzhSTU.
- Vygotsky L.S., 1934. *Thinking and Speech*. Moscow, Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo.
- Gadamer G.-G., 1991. *The Relevance of Beauty*. Moscow, Iskusstvo Publ.
- Goryainov O., 2023. “The Music of Being”: Note on a Metaphor from Giorgio Agamben’s Last Volume of Homo Sacer. *Versus*, no. 3 (2), pp. 165–200. DOI: <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2023-3-2-165-200>
- Losev L., 1996. *New Data on Karl and Clara*. Saint Petersburg, Pushkinskiy fond.
- Plato, 2019. *Symposium*. Moscow, Ripol-Classic Publ.
- Rushdie S., 2006. *Midnight’s Children*. Saint Petersburg, Moscow, Limbus Press.
- Sartre J.-P., 2002. *Being and Nothingness*. Moscow, Republic Publ.
- Farafonova D., 2023. “The Mind Dipping the Pen in the Ink of Thought”: On the Russian Translation of the Term Potenza and Its Meaning in Giorgio Agamben’s Ontology. *Versus*, no. 3 (2), pp. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.58186/2782-3660-2023-3-2-151-164>

Heidegger M., 1993. *Time and Being*. Moscow, Republic Publ.

Agamben G., 2021. *Pinocchio: Le avventure di un burattino doppiamente commentate e tre volte illustrate*. Torino, Einaudi.

Marino G., 2021. When the Face Mask Burns. Agamben and the Pandemic Visage. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, Special Issue: SFL –

Narrations, Confabulations, and Conspiracies. DOI: <https://doi.org/10.4396/SFL2021A11>

Massie P., 2018. Masks and the Space of Play. *Research in Phenomenology*, vol. 48, no. 1, pp. 119-146.

Parsley C., 2010. The Mask and Agamben: The Transitional Juridical Technics of Legal Relation. *Law Text Culture*, vol. 14, pp. 12-19.

Information About the Authors

Alexander V. Markov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russian Federation, markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Oksana A. Shtayn, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Ural Federal University, Prosp. Lenina, 51, 620083 Yekaterinburg, Russian Federation, shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Информация об авторах

Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

Оксана Александровна Штайн, кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет, просп. Ленина, 51, 620083 г. Екатеринбург, Российская Федерация, shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.3>UDC 1/316.75
LBC 87.6Submitted: 15.11.2024
Accepted: 09.12.2024

STRATEGIES OF ATTENTION IN THE CULTURE OF MODERN SOCIETY

Olga F. Filimonova

Saratov Orthodox Theological Seminary of the Saratov Diocese of the Russian Orthodox Church,
Saratov, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses the relevance of the attention factor in modern society and culture. Significant aspects of the topic are analyzed within the framework of social and philosophical comprehension. Attention is considered a multifaceted phenomenon endowed with the maximum dense target concentration. *Theoretical analysis.* Special strategies of attention metaphorically displayed by the two types of “techniques” designated as “a fronte” and “a tergo” are described. The procedure of understanding attention as “harking” is highlighted as the basis, which reveals it as a multifaceted phenomenon at the point of contraction of man and world. The thesis that the “a fronte” technique is carried out in the logic of the strategy of “attention to oneself” as an appeal into oneself is substantiated. Logically, it is revealed in multidimensional mental acts of attraction of the semantic horizon of things and events, thereby paving the way to high-order meanings. The “a tergo” technique moves along the line of expansion outward under the condition of internal controllability. Semantically, it signals the positive essence and high meaningfulness of the one’s strategy and, in social and cultural terms, sensitive involvement of the person in the world event despite alienation and insensitivity. *Conclusion.* It is shown that the fullness of this experience is achieved due to the fact that the strategies of the “a fronte” and “a tergo” techniques are combined, communicating in different modalities of attitude to being – events and interactions that are experienced and thought. In the spiritual and anthropological context, it is shown that attention is not only an indicative reflex but also an internal basis that is not connected with observation strategies in the form of pure machinery of external perception. The deficit of attention increases the inanity of forms and the absence of existential completeness of human life. The culture (resource) of the person’s attention becomes a “fulcrum” in the elaboration of the semantic orders of being and a dynamic principle of its growth.

Key words: attention, sociality, culture, resources, spirituality, meaning.

Citation. Filimonova O.F. Strategies of Attention in the Culture of Modern Society. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 24-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.3>

УДК 1/316.75
ББК 87.6Дата поступления статьи: 15.11.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

СТРАТЕГИИ ВНИМАНИЯ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ольга Федоровна Филимонова

Саратовская православная духовная семинария Саратовской епархии Русской православной церкви,
г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье обсуждается актуальность фактора внимания в современном социуме и культуре. В рамках социально-философского осмысления анализируются значимые аспекты темы. *Теоретический анализ.* Внимание рассматривается в качестве многопланового явления, наделенного максимально плотной целевой концентрацией. В качестве основания выделяется процедура осмысления внимания как «внятия», которое раскрывает его в качестве многопланового явления в точке стяжения человека и мира. Описываются особые стратегии внимания, метафорическим отображением которых служат два типа «техник», обозначенных как «a fronte» и «a tergo». Обосновывается тезис, что техника «a fronte» осуществляется в логике стратегии «внятия самому себе» как обращенности вглубь себя. Логически она раскрывается в многомерных ментальных актах притяжения смыслового горизонта вещей и событий, прокладывающих пути к смыслам высокого порядка. Техника «a tergo» движется по линии разрастания вовне при условии

внутренней подконтрольности. Семантически она сигнализирует о положительной сути и высокой осмысленности своей стратегии, а в социальном и культурном плане – о чуткой сопричастности человека миру-событию вопреки отчужденности и нечувствию. *Заключение.* Формулируется вывод о том, что полнота опыта внимания достигается в силу того, что стратегии техник «a fronte» и «a tergo» объединяются, сообщаясь в разных модальностях отношения к бытию – событиям и взаимодействиям, которые переживаются и мыслятся. В духовно-антропологическом контексте показано, что внимание не есть только ориентировочный рефлекс, оно представляет собой внутреннюю основу, не связанную со стратегиями наблюдения в виде чистой машинерии внешнего восприятия. При дефиците внимания наращивается бессодержательность форм, ведущая к утрате экзистенциальной полноты человеческого бытия. Культура (ресурс) внимания личности становится «точкой опоры» в проработке смысловых порядков бытия и динамическим принципом его прироста.

Ключевые слова: внимание, социальность, культура, ресурсы, духовность, смысл.

Цитирование. Филимонова О. Ф. Стратегии внимания в культуре современного общества // *Logos et Praxis.* – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 24–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.3>

Введение

По словам Б. Вальденфельса, внимание «напоминает соль в супе: она необходима, но ее не замечают» [Вальденфельс 2012, 64]. Частотность повседневных употреблений этого термина обратно пропорциональна его осмыслению, поэтому философская рефлексия внимания является актуальной онто-социальной задачей. В наши дни тематизация проблемы внимания является скорее исключением, нежели эвристикой. Однако не так давно, с конца XIX по XX век, картина была иной. Как известно, в психологических исследованиях стремление к отчетливости представлений о ментальных структурах привело к сведению внимания как психического состояния к сознанию. Позитивистская редукция естественного внимания к любым сходным психическим явлениям, к чему-то, что не есть внимание само по себе (структура восприятия, зрительное поле, сенсорная ясность, установка и т. п.) не является ключом к его содержательному пониманию. Дело в том, что когда задаются вопросом, что такое внимание как процесс или состояние сознания, ответы, даваемые на конкретно-предметном уровне, более пригодны к формулированию функциональных положений, нежели к выяснению внимания с точки зрения его специфики и характеристик.

Философская реабилитация понятия внимания не означает отказ от прежних значительных работ в экспериментальной психологии и феноменологии, в которых намечен исходный пункт и направления развития темы. В них можно найти полезные сведения о ге-

незисе форм внимания (Э. Титченер), его селективной функции (У. Джеймс), социальной (Т. Рибо), волевой (Н. Ланге), активной (Н. Добрынин) природе [Хрестоматия... 1976]. Феноменологическая линия в лице Э. Гуссерля использует понятие внимания как технический термин, прорабатывая его в психофизическом измерении субъекта в качестве функции восприятия, которое, как луч-прожектор, высвечивает предметы, а не содержание опыта [Вальденфельс 2012, 72]. Однако для М. Мерло-Понти внимание обладает смыслообразующей природой и не означает простого высвечивания (согласно представлению о бездействующем субъекте в эмпиризме) предшествующих данных или акта аналитического восприятия данных (имманентная граница знания для интеллектуализма), но означает их новое расчленение, переформирование, установление нового измерения опыта. В такой экзистенциально-онтологической перспективе внимание как интенциональный акт действительно «пробрасывает» свои возможности далеко вперед, открывая бытие как единственное место, где возможен смысл и где рождаются новые смыслы. В своей потенции оно отвечает экзистенциальной потребности в глубокой осмысленности всякого существования и всякого бытия [Мерло-Понти 1999, 57]. Для М. Хайдеггера смысловой основой внимания является «вняtie», то, как человек относится к своему бытию, что дает ему эту готовность и усмотрение. Здесь внимание предстает онтологической характеристикой человеческого способа существования, а не отдельной психофизической процедурой и механизмом

работы памяти и сознания: «Усматривать бытие помогает лишь собственная готовность внятия» [Хайдеггер 2012, 49].

При этом существуют многочисленные результаты практических наук – нейрофизиологии, кибернетических и когнитивных дисциплин, предлагающих «гибкие» методологические подходы к исследованию функциональных связей между различными локализациями мозга. Однако при всей объективности данных медицинских и когнитивных наук полученные результаты не исчерпывают всей проблемы внимания. Заверения о том, что наука о мозге в силах разрешить многие классические вопросы философии вызывают целый ряд не только научных, но и этических, экзистенциальных, религиозных вопросов. Показательно, как Д. Ваттимо на одной из страниц «Прозрачного общества» говорит о рисках, связанных с пренебрежением иными когнициями, заключающемся в стремлении «распространять на все бытие модели “научной” объективности, способ мышления, которому для господства и возможности строго все организовывать необходимо низвести это “все” к уровню чистых представлений – измеряемых, поддающихся манипуляциям, заменяемых, – и, в конце концов, свести к этому уровню и самого человека, и его внутренний мир, и его историчность» [Ваттимо 2002, 15].

Современная гуманитаристика предлагает более широкий подход. Философская оптика, включающая герменевтический анализ и полисемантику толкований [Петров 2004, 25], востребована в исследованиях, посвященных вопросам внимания как дефицитного ресурса экономики, политики, управления и медиакультуры [Kolesnikova 2019]. В размышлениях об опыте современные исследователи подчеркивают единство человека с миром, где нет жесткой строгости, задающей разделение и границы. Это та смутная тотальность, в которой всё пребывает вместе и в которой быстрая ориентация требует включения различных видов внимания – от волевых решений до событийных его измерений.

Значимость внимания как этической и педагогической практики культуры требует движения от простого внимания к глубокому пониманию. В конечном итоге, внимание не

есть только действующий инструмент, но способ конституирования себя и мира, и проникновение в эту проблему позволяет найти удобные форматы для обсуждения многих связанных с современностью вопросов. Целью статьи является поиск релевантных процедур для расширительного понимания внимания, позволяющих сосредоточиться на менее изученных аспектах – социальном и культурном. В этом плане удобным форматом исследования могут стать два типа стратегий, обозначенных нами в виде техник «a fronte» (от лат. frons – лоб) и «a tergo» (от лат. tergo – спина). Попробуем кратко объяснить, что имеем в виду.

Теоретический анализ

Техника «a fronte». В русском языке понятие «внимание» – производное от старославянского слова «имати» – брать; «внимати» – слушать (В. Даль). Полагаем, что в своей интенции техника внимания «a fronte» раскрывается в стратегии «внятия самому себе», демонстрируя стяжение усилий в бытийном измерении личной культуры как ресурса внимания. «Внятия самому себе» означает взгляд вглубь себя, обращенность, охватывающую все человеческое существо. Такого рода «внутреннее внимание» наделено слабо операционализированными характеристиками – глубиной, полнотой, широтой [Петров 2004, 30]. Как выражение непринудительного вслушивания в тонусе свободного внутреннего акта, оно являет собой очевидное недоедание, которое может быть столь же действенной силой.

В социальных практиках культуры внимание в технике «a fronte» является неотъемлемой составляющей воспитания ума, чувств, характера, тела (тренировка которого как инструмента духа не менее важна) с предварительно определенной целью и в этом качестве прокладывает пути к выявлению смыслов высшего порядка, где перестает быть служебной характеристикой делания, но приобретает холическую природу. Так мы можем сказать о предельном внимании: «я весь – слух», «я весь – зрение». Такой опыт является онтологическим, он ведет к изменению человеческого естества, восстановлению правильной оптики восприятия и понимания мира

в измерении синергии. Сюжет духовного предстояния здесь не случаен. Молитва является чистым способом такого полного осуществленного внимания. П.А. Флоренский дает религиозно-философское понимание молитвы как действия, в котором человек соединяется с Богом. Такой онтологический призыв не только сосредоточивает наше внимание на призываемом, но «...собирает на нем все силовые нити нашего онтологического отношения к бытию...» [Флоренский 2004, 394].

Духовные практики хорошо иллюстрируют этот процесс внимательного, бытийного отношения, когда совершается обращенность, всецело охватывающая человеческое существо. Перемена происходит не в предмете нашего внимания, а внутри человека. С.С. Хоружий подчеркивает направленность внимания, его телос, поскольку главная цель – не внимание как таковое, а трансцендирование, обожение: «С приближением к телосу, на подступах к онтологической трансформации начинают меняться конститутивные предикаты человеческого существования, трансформируется активность внимания» [Хоружий 2011, 18].

Логика усилия «внять себе» генерирует духовную работу по трансцендированию в сферы сверх наличного бытия, в созерцание идеальных начал. В своем потенциале оно может быть гарантом и «учредителем» почвы, на основе которой открывается возможность усматривать подлинно сущее в бытии мира, людей и вещей, открывать в себе и для себя, а шире – в других и для других то, что ранее было непостижимо. Без расширения человеческого бытия в его глубины, без способности «без предела» быть в соприкосновении с «предельным» не было бы дальнейшего разветвления духа, мысли и чувства. Не было бы новых возможностей и вариантов творческой переработки реальности, что предполагает свободу как повод испробовать себя в самом трудном и напряженном, требующем таких усилий, которые не можешь потребовать от других, а только от самого себя. Такая работа осуществляется лично, то есть по свободному произволению, а не по необходимости, вне понуждений и инструкций извне. Не предусматривает она и единообразия, поскольку каждый живет по своей «природе», изъясняет себя «в меру вместимости» даро-

ваний духа и опыта, следовательно, всякий суверенен внутри своего дела.

Все, что притягивает, беспокоит внимание, зависит не только от извне поступающего, но и от внимательного, то есть продуманного отбора поступающих сообщений, соответствующих всему нашему духовному существу. Не случайно благоприятствующие развитию внимательности духовные практики (молитва, медитация, чтение и др.) и виды деятельности (религиозная, художественная, педагогическая, политико-правовая и др.), отмечены высокой нравственной ценностью для общества. Внимательность в этическом измерении не является в высшем смысле выражением формальным (институциональным), но выступает явлением экзистенциальным, своеобразным установлением соразмерности человека и культуры, глубокой адекватности конкретности бытия. Внимательность в разных своих модальностях располагает тонкими возможностями причастности к бытию-событию, обогащающих, а не обобщающих его – например, доверия, доброжелательности, сопереживания, благодарности и т.п., когда речь идет не о признательности за выполнение должностных инструкций, а о глубинном интересе, который является ответом или участливым вниманием.

Техника «a tergo». Градус владения своим вниманием различен. Владеть вниманием – значит направлять его. Техника «a tergo» – это не ориентировочный рефлекс внешнего «скользящего» распределения внимания, но четкая линия разрастания координации его настроенности в условиях внутренней подконтрольности. Вот почему в своей расширительной интенции вовне она взаимосообщается со стратегией техники «a fronte».

Н.О. Лосский подчеркивал, что настроенность внимания не пассивно наложена на субъективное начало, а составляет его живые произволения и возможность в некотором смысле «жить предметом», выйти за пределы индивидуальности [Лосский 1999, 154]. Вступление предмета в поле притяжения внимания не является лапидарным превращением «чужого бытия в мое состояние, в мой психический процесс», но предполагает настроенность как некую единственность, которую надо пережить, промыслить всем своим

бытием. Этическая феноменальность настроенного внимания может выражаться в тоне личного участия, заинтересованности, ответственности, заботы.

Для М. Хайдеггера направленность внимания есть событие и в качестве экзистенциального отклика равноценно состоянию «стать чем-то полностью захваченным». Быть «полностью захваченным» означает не «растворить-себя» (как сахар в воде), а раствориться «в том, что прямо меня касается», вовлечь себя «в то, что меня касается» [Хайдеггер 2012, 235]. Заботливо, то есть «в своей задаче» растроченное внимание, с точки зрения идеи прибыльности (прироста) бытия, парадоксальным образом себя приумножает. Неконтролируемая его растрата опасна, а в ситуациях пустого интереса или бесцельного любопытства губительна, ибо не производит ничего жизненно ценного и допускает возможность «вести-себя-зло».

Внимание интенсифицирует любые способности к восприятию, и чем более устойчиво оно в своей направленности, тем больше его воспитательная ценность. Внимание является центральной проблемой всякого образовательного процесса. Способы формирования и развития умения «владеть своим вниманием» заложены в педагогических целях. Действительно, свойственная сознанию склонность к наблюдению (равно как и проявление удивительной «слепоты»), всегда определяется также факторами, влияющими на личностное развитие (правовое, этическое, эстетическое и др.), то есть раскрытие в каждом обучаемом потенциально заложенных возможностей. То, что предполагается таким требованием, мы можем называть педагогикой внимания.

В социальной практике внимание всегда событийно и в полноте своей реальности противопоставлено равнодушию и невниманию. Невнимание в виде эгоистической позиции или бесцельного внимания – предпосылки его дефицита. Дефицит внимания наращивает бессодержательность форм и отсутствие экзистенциальной полноты человеческого бытия. Пожалуй, истинная причина невнимания заключается не в том, что нам неинтересен предмет, а в том, что он остается для нас нам инородным. Мы не захвачены им не в смысле «одержимости» бытия, но в конечном, смысловом

измерении любви, ответственности, отзывчивости, благодарности. Внимание без энергии участно-действенного переживания есть, в лучшем случае, беспристрастное наблюдение, где человек выключен, лишен прямого ценностно-эмоционального контакта с окружением. Так оно фиксирует собственную негативную актуальность в качестве апатичных, безучастных, случайных и рассеянных реакций.

Нечуткая наблюдательная стратегия, когда интерес оплодотворен только пользой и рациональной калькуляцией, может дать превосходные результаты и не мыслится как отрицательная стратегия. Она делает мир правильным, отрефлексированным в понятии, но формальным, безжизненным. В худшем случае это подглядывание и подслушивание, при котором напряжение внимания нацелено на выявление теневой стороны жизни и коррелирует с телосом неблагодарности и нелюбви к миру. Наиболее явственно нечуткость проступает там, где стремятся добиться вещей ничтожных, пустых, бесполезных, нелепых, одним словом, дурных. Моменты нечувственного безразличия, механического действия или равнодушного бездействия, когда чье-то подлинное переживание не вступает в поле нашего внимания, когда живая содержательность остается в непроглядной мутности, а дух и вера истощены, образуют мир пустого общего.

Напротив, положительный опыт внимательности к окружающему живет не психикой, а условием ответственного сознания как фактом моего бытия, позволяющего улавливать ассоциативную смежность и взаимную связь даже удаленных друг от друга вещей, и, очевидно, требует определенной основы, формируемой педагогикой воли, чувства и мысли. На этой почве взрастает этос культуры личности, в тональности бытия которой внимание делается частью мира-события, а главное, позволяет улавливать и высветлять сущностное, касаясь всех модальностей реализации восприятия.

Заключение

Мы является распорядителями – активными или пассивными – своего внимания, однако, внимание – не инструмент или прибор для смены оптики видения (сосредоточения и рас-

пределения), но реальность, взятая вместе с условиями ее собственного производства. Отсюда – важность прохождения всего пути, маркерами которого являются человеческие экзистенциалы как точки вхождения в это пространство. Техника «а fronte» раскрывается в стратегии «внятия самому себе», понимаемого как обращенность внутрь себя, охватывающая все человеческое существо. Логика ее осуществления не замыкается одномерно на личностно-интимном, но открывается расширительными перспективами для содержательно-смысловых претворений в действительности, генерирует многомерную духовную работу, прокладывая пути к смыслам высокого порядка. Благодаря этому возможно достигать полноты понимания впечатлений, обогащать сферу субъективного бытия и потенциал культурного обихода. Техника «а tergo» движется по линии разрастания координации внимания вовне в условиях внутренней подконтрольности, демонстрируя положительную суть и высокую осмысленность расширенной стратегии. Этот опыт достигается в силу того, что техники «а fronte» и «а tergo» объединяются, сообщаясь в разных модальностях сопричастности к бытию. Тогда внимание разворачивается в процесс, развивается от простого внимания к глубокому пониманию и в качестве культурного ресурса участвует в проработке смысловых порядков бытия, становясь динамическим принципом его прироста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вальденфельс 2012 – Вальденфельс Б. В поисках внимания // *Топос*. 2012. № 4. С. 62–76.
- Ваттимо 2002 – Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2002.
- Лосский 1999 – Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: ТЕРРА-Книжный клуб: Республика, 1999.
- Мерло-Понти 1999 – Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999.
- Петров 2004 – Петров Н.И. Герменевтика внимания в православном опыте. Саратов: СГСЭУ, 2004.
- Флоренский 2004 – Флоренский П.А., св. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004.
- Хайдеггер 2012 – Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012.
- Хоружий 2011 – Хоружий С.С. Три школы внимания: Гурджиев, Гуссерль, исихазм // *Русский мир и Латвия*. Альманах. Вып. 25: Три школы внимания. Рига: Seminarium Hortus Humanitatis, 2011. С. 9–22.
- Хрестоматия... 1976 – Хрестоматия по вниманию. М.: МГУ, 1976.
- Kolesnikova 2019 – Kolesnikova D.A. The Economy of Attention in the Age of Mental Capitalism // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2019. Т. 35, вып. 4. С. 563–568. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.403>

REFERENCES

- Waldenfels B., 2012. In Search of Attention. *Topos*, no. 4, pp. 62-76.
- Vattimo G., 2002. *Transparent Society*. Moscow, Logos Publ.
- Lossky N.O., 1999. *Sensual, Intellectual and Mystical Intuition*. Moscow, TERRA-Kniznyi klub; Respublika Publ.
- Merlot-Ponti M., 1999. *Phenomenology of Perception*. Saint Peterburg, Nauka Publ.
- Petrov N.I., 2004. *Hermeneutics of Attention in the Orthodox Experience*. Saratov, SGSEU Publ.
- Florensky P.A., priest, 2004. *Collection of Essays. Philosophy of Worship (The Experience of Orthodox Anthropodicy)*. Moscow, Mysl Publ.
- Heidegger M., 2012. *Tsollikonovsky Seminars*. Vilnius, EGU Publ.
- Khoruzhiy S.S., 2011. Three Schools of Attention: Gurdjieff, Husserl, Hesychasm. *Ruski Mir i Latviia. Almanah, Vypusk 25: Tri shkoly vnimaniia*, pp. 9-22.
- Anthology for Attention*, 1976. Moscow, Moscovkii gosudarstvennyi universitet Publ.
- Kolesnikova D.A., 2019. The Economy of Attention in the Age of Mental Capitalism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Philosophia i Conflictologiia*, no. 35, iss. 4, pp. 563-568. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.403>

Information About the Author

Olga F. Filimonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Theology, Saratov Orthodox Theological Seminary of the Saratov Diocese of the Russian Orthodox Church, Michurina St, 92, 410028 Saratov, Russian Federation, filmon-2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5402-4745>

Информация об авторе

Ольга Федоровна Филимонова, доктор философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры богословия, Саратовская православная духовная семинария Саратовской епархии Русской православной церкви, ул. Мичурина, 92, 410028 г. Саратов, Российская Федерация, filmon-2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5402-4745>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.4>

UDC 1:94
LBC 87.228

Submitted: 10.11.2024
Accepted: 09.12.2024

THE HISTORICAL TEXT AS A SOCIAL PHENOMENON

Victoria A. Khrapova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the context of modern social dynamics, there is an increasing need to find mechanisms that work to optimize the resolution of socio-political problems, economic crises, and existential contradictions. The past still plays a significant role in the search for such mechanisms, revealing powerful resources in the process of its comprehension, rethinking, and interpretation in an actual socio-political context. History as a science provides great opportunities for modern research in the field of social and humanitarian knowledge. The way of existence of historical knowledge is a text, the content of which becomes historical reality in all its diversity, an event plan refracted in the mind of a scientist. The uniqueness of the text as a work of the speech-making process, transmitting meaningful information, accumulating deep meanings, and being open to interpretation makes it an important component of modern culture aimed at establishing a connection between the past and the present, overcoming faults, and expanding the sphere of “between.” The establishment of balance is largely due to the understanding of the role of text as a socio-philosophical phenomenon that organizes social interaction and influences the formation of social reality. The historical text contains codes and symbols, the reactivation of which may have different meanings. It is important to update strategies to overcome crisis situations and build life-affirming strategies. The article reveals a retrospective of the formation of a historical text as a social phenomenon that translates knowledge about the past in the context of the tasks facing man and society in the present time. In the context of modern social transformation, the historical text appears as a technology for working with information about the past for the purpose of self-preservation and development of society.

Key words: text, history, society, sociocultural context, discourse, narrative, memory.

Citation. Khrapova V.A. The Historical Text as a Social Phenomenon. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 31-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.4>

УДК 1:94
ББК 87.228

Дата поступления статьи: 10.11.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ФЕНОМЕН

Виктория Анатольевна Храпова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В условиях современной социальной динамики возрастает необходимость поиска механизмов, работающих на оптимизацию разрешения социально-политических проблем, экономических кризисов, экзистенциальных противоречий. Значительную роль в поиске таких механизмов по-прежнему играет прошлое, раскрывающее мощные ресурсы в процессе его осмысления, переосмысления и интерпретации в актуальном социально-политическом контексте. История как наука предоставляет большие возможности для современных исследований в области социально-гуманитарного знания. Способом бытия исторического знания является текст, содержанием которого становится историческая реальность во всем ее многообразии, событийный план, преломленный в сознании ученого. Уникальность текста как произведения речетворческого процесса, транслирующего значимую информацию, аккумулирующего глубинные смыслы и открытого для интерпретации делает его важным составляющим современной культуры, направленной на установление связи прошлого и настоящего, преодоление разломов, расширение сферы «между». Установление баланса во многом обусловлено пониманием роли текста как социально-философского феномена, организующего социальное взаимодействие и влияющего на формирование социальной реальности.

Исторический текст несет в себе коды и символы, реактивация которых может иметь разное значение. Важно актуализировать смыслы и ценности, позволяющие преодолевать кризисные ситуации, выстраивать жизнеутверждающие стратегии. В статье раскрывается ретроспектива становления исторического текста как социального феномена, транслирующего знание о прошлом в контексте задач, которые стоят перед человеком и обществом в настоящем времени. В условиях современной социальной трансформации исторический текст предстает как технология работы с информацией о прошлом в целях самосохранения и развития общества.

Ключевые слова: текст, история, общество, социокультурный контекст, дискурс, нарратив, память.

Цитирование. Храпова В. А. Исторический текст как социально-философский феномен // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 31–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.4>

Фундаментальные отрасли знания, традиционно служившие базой источников-доминант, определяющих картину мира, в современном социокультурном пространстве утрачивают этот статус. Дефицит знания, способного обосновывать возможности комфортного существования человека и общества в период глобальных трансформаций, стимулирует значительные преобразования в системе науки. Эти преобразования связаны с расширением категориального аппарата, изменением методологии, использованием нетрадиционных исследовательских программ. Успешность подобных стратегий во многом определяется способностью изменять ракурс рассмотрения проблем, контекст исследования, привлекая новейшие достижения из смежных областей.

Несмотря на то что история как научная дисциплина, аккумулирующая социально-значимый опыт, призванный определять социокультурные ориентиры, программы взаимодействия, направленность перспектив развития, уступает свое место творцам настоящего – политологам, социологам, юристам, экономистам, рост массового интереса к прошлому неуклонно растет. Историческое присутствует как обязательный фон, конституируя опорные пункты в массовом сознании, определяя работу механизмов идентификации и легитимации (объяснения, оправдания) событий и явлений.

История стала результатом эволюции человека и преобразуемой им природы. Скачок из простого существования, как заметил К. Ясперс, «характеризуется сознанием и воспоминанием; рационализацией какого-либо значения и содержания посредством техники; наличием в качестве примера и образца людей, чьи дела, свершения и судьбы постоянно стоят перед мысленным взором

их потомков» [Ясперс 1991, 72]. В своем стремлении зафиксировать значимые события, объяснить динамику человеческого бытия историк становится мыслителем, теоретические и практические начала включаются в духовный процесс. В этом процессе жизненный материал воздействует на сознание, а сознание преобразует жизненный материал. Сама история предстает при этом как становящееся понимание, результатом которого оказываются исторические тексты, организующие пространство коммуникации в настоящем по поводу прошлого с целью организации будущего.

История реализуется в нарративе – синтаксической конструкции, фиксирующей специфику организации мысли, представляющей логику события. Нарратив истории аккумулирует в себе социально значимое, запоминающееся, выделенное из повседневного жизненного мира: «историографическим материалом может стать лишь то, что своим особым способом имеет миро-исторический характер» [Хайдеггер 2003, 440]. Систематизация значимого опыта зависит от преобладающего в обществе канала связи, способа трансляции социально-значимой информации, технологии коммуникации, организующей социальное пространство.

Одна из первых форм представления исторического знания – устное предание. Озвученная история актуализировала значимые события в настоящем. Историками, изучающими устную традицию, эпос трактуется как праздник присутствия прошлого в настоящем. Метафоричное, поэтически подражающее ритмам природы, погруженное в жизненный мир, устное предание непосредственно переживается как необходимая вечная мудрость, не вызывающая сомнений и вопросов об истинности.

Письменный текст позволил обособиться воспоминанию, придав ему характер устойчивого представления. Это результат субъективного видения прошлого, предполагающего его индивидуальное восприятие и осмысление. Возможность индивидуальной фиксации исторического материала ведет к допущению многообразия точек зрения, контекстов, способов аргументации и представления. «Память, перемещенная в рукописный текст, ... заставила время остановиться, позволив обособиться воспоминанию, которое было невозможно в устной культуре. Воспоминания – текучие, динамичные, постоянно меняющиеся в повторениях устной традиции – могли теперь быть выражены в более прочных представлениях о прошлом. Таким образом, сообщения о прошлом, представленные в письменном тексте, становились мнемоническими местами, неподвижными симулякрами, бывшими в состоянии, тем не менее, воодушевлять отдельные воспоминания, которые нам и пришлось назвать историей» [Хаттон 2004, 25]. Возможность фиксации, организующей нарративное пространство, открывает множество вопросов об истинности знания, о специфике его передачи, о перспективах.

Технология производства печатного текста активизировала потребность в ясной и точной формулировке идей, а также способствовала выработке общих критериев кодирования знания. Это стимулировало разработку универсальных принципов получения исторического знания (как конкретного, обусловленного пространственно-временными координатами, позволяющими оценить его значимость, ориентированного на особое, случайное, уникальное), развитие профессионального сообщества ученых-историков, критериев существования и функционирования институтов, обеспечивающих производство, трансляцию и функционирование знания о прошлом.

В результате начала формироваться историко-ведческая и историографическая база, корпус научных текстов, определяющих грани социальной памяти, оказывающей влияние на формы мышления и характер жизнедеятельности людей.

Редуцированные до учебных научные тексты попадают в образовательное пространство, выполняя функции социализации, воспи-

тания, формируя коммуникативную и общекультурную компетенции.

Представление о тексте, утвердившееся в исторической науке, ограничивается его традиционной трактовкой как объекта речетворческого процесса, объективированного в письменной форме, целенаправленного и имеющего прагматическую установку. Интерпретация текста как социокультурного феномена обладает большей эвристикой в плане осмысления специфики и роли исторического знания в современном социальном пространстве.

Любой текст представляет собой знаковую структуру, фиксирующую авторские интенции и сведения о реальности. Как единица коммуникативного процесса текст направлен на выработку способов со-существования в социальном пространстве, адресован активному мыслящему субъекту. Фактом присутствия в коммуникативном пространстве текст задает логику его организации и одновременно создает условия для диалога, спонтанной трансформации установок мышления, позволяя участникам диалога обнаруживать возможности выхода в новое смысловое поле. Открытость смысловой структуры, обусловленная идеальной природой знаковых единиц, создает креативный потенциал текста. В разные периоды времени, в разных контекстах текст предстает в уникальных неповторяющихся ракурсах.

Текст заключает в себе исторический смысл, «который является результатом его интенциональности: интенция как бы напрягает текст изнутри, создает его устойчивую смысловую структуру, закрепляемую в системе текстообразующих единиц, парадигматике и синтагматике их связей. Наряду с устойчивым историческим смыслом текст несет в себе множество подвижных, изменчивых «трансисторических» смыслов, которые подлежат уже не реконструкции, а «производству» со стороны интерпретатора» [Барт 1994, 33]. Организуя социальное пространство в модуле знакового общения, текст участвует в формировании социальной реальности, обеспечивая при этом возможность эволюции социальных отношений.

Исторический текст – результат деятельности, направленной на актуализацию в настоящем значимых элементов прошлого.

Как всякий текст, порожденный состоянием и задачами субъекта, он отражает картину реальности, отвечает целям субъекта, организует пространство взаимодействия, задает направление для интерпретации и обладает потенциально открытой смысловой структурой.

Историк-профессионал анализирует фактический материал, обобщает и систематизирует его, выстраивая теоретические концепции. При этом какие-то аспекты могут сознательно или бессознательно отбрасываться как незначительные или случайные, роль и значение других может преувеличиваться или уменьшаться. В результате формируются версии и интерпретации прошлого. Получая доступ к новым документам, исследователь вводит в научный оборот новую информацию, которая могла быть скрыта даже для участников событий, устанавливает наличие альтернатив и нереализованных возможностей. С течением времени появляется возможность переоценки ситуаций. Некоторые историки предлагают контрфактические варианты развития событий, иногда позволяющие лучше уяснить их суть, способствуя приращению научного знания, предоставляя условия для полемики и новых фактов историографии. «Нельзя изменить вещную фактическую сторону прошлого, но смысловая, говорящая сторона может быть изменена, и незавершима, свободна» [Экштут 2000, 80].

Как автономное образование, способное преодолевать временные и пространственные ограничения, актуализируясь в новом контексте, исторический текст несет в себе возможность переосмысления прошлого. «История для будущего фактически бесконечна, в качестве прошлого она – открытый интерпретации беспредельный мир смысловых отношений, которые, во всяком случае иногда, как будто сливаются во все расширяющемся общем смысловом потоке» [Ясперс 1991, 269].

Историческое знание рассеяно в пространстве науки, образования, философии. Любые предметы материального мира, связанные с жизнедеятельностью человека, мифы и предания, художественные образы – все это присутствует в реконструкциях исторического пространства, объекты которого наделяются специфическими культурными смыслами. Идеологи предлагают свои вари-

анты прошлого, избирательно используя элементы исторического знания для укрепления политических платформ.

Историческое сообщество в целом и каждый историк в отдельности реконструируют информационное поле, характеризующее динамику исторического процесса. Нарративная практика сопряжена с выбором, оценкой, оформлением материала о прошлом в контексте настоящего – с интерпретацией. Благодаря интерпретации простая хронологическая последовательность событий обретает социальную значимость. Интерпретативные процессы формируют дискурс, в котором закладываются коды, необходимые для понимания прошлого.

Дискурс в самом общем плане представляет как система знаково-символических средств и стратегий их реализации, формирующихся в процессе передачи информации на определенную тему. В истории философии существует традиция рассматривать дискурс как тип рациональности – логической связи, направленной на поиск смысла. Организующим началом этого процесса является цель поиска. Как результат целеполагания дискурс можно рассматривать как способ отношения к миру. Разные дискурсивные практики имеют свойственные им правила, концепты и стратегии.

Варианты и композиции текстов общей направленности формируют единое информационное пространство. Но в зонах влияния определенных групп текстов формируются уникальные локальные миры. Дискурсивные практики создают дифференциацию в социальном пространстве. Через акцентуацию отдельных аспектов прошлого история способствует как консолидации общества, так и его дифференциации.

Вдохновляющие людей «мнемонические места» поддерживают историческую память, которая актуализируется через повторение и воображение. Повторение, или следование традиции, позволяет событиям прошлого на эмпатическом, исключаящем рефлексии уровне, включаться в обстановку настоящего поддерживая актуальность прошлого.

Вместе с тем образы памяти всегда фрагментарны и условны, они обретают свое значение только проецируясь в конкретную

социокультурную среду. «Образ не является проводником к внутренним механизмам воображения его создателей, но, скорее всего, представляет собой зеркало, отражающее озабоченность настоящим» [Хаттон 2004, 71]. Воспоминание всегда активизируется в контексте настоящего, оказываясь актом восстановления. Воспоминание можно назвать процессом воображаемой реконструкции. «Историческая память – совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты» [Рюзен 2001, 9].

К концу XX века «предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а память о нём, тот образ, который сохранился у переживших его участников и современников, транслировался их потомкам, реставрировался или реконструировался следующими поколениями, подвергался проверке и коррекции в ходе исторической критики. Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества)» [Репина (ред.) 2006, 22–23]. Ответственность за трансляцию знания о прошлом несет социальная память – «сложная сеть общественных нравов, ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех социальных групп, к которым мы относимся» [Рюзен 2001, 9]. Современные исследователи определяют социальную память как совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению [Аникин 2007, 163].

Будучи результатом целеполагания, исторический нарратив предстает не столько как описание сюжета из прошлого, сколько как инструкция конструирования реальности, в которой присутствует ценностная «разметка» прошлого в контексте настоящего. Участвуя в конструировании социального пространства и времени, исторический нарратив обладает

прагматическим значением. Идентификация социальных групп, формирующегося у них чувства общности и достоинства, которые всегда были связаны с исторической памятью, сегодня во многом реализуются путем сознательного формирования представлений о прошлом. История оказывается ресурсом для осмысления и описания событий, идей, социальных субъектов, которые избираются экспертным сообществом для формирования социально признанного знания.

История – органичная часть культуры как стратегии, обеспечивающей выживание социума. В современном социокультурном пространстве особую роль играют знания, позволяющие осуществлять междисциплинарный синтез, снимать методологические противоречия и выработать программы научной и практической деятельности, отвечающей задачам самосохранения человека и общества. Историческое знание направлено на выявление источников и оснований возможностей для формулирования, распространения и реализации общезначимых ценностей. Исторический текст – результат человеческой деятельности, в процессе которой происходит изменение как объекта деятельности, так и ее субъекта. Исторический текст сегодня можно рассматривать как технологию работы с информацией, которая ведет нас от понимания истории как знания о прошлом к истории как знанию, открывающему выход в другое измерение, новому видению реальности, выстраивающему пути освоения иных условий бытия, новых ментальных состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникин 2007 – Аникин Д.А. Социальная память в свете информационного подхода // Вестник Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина. 2007. № 12. С. 163–167.
- Барт 1994 – Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика М.: Прогресс, 1994.
- Репина (ред.) 2006 – Репина Л.П. (ред.). История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Круг, 2006.
- Рюзен 2001 – Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8–26.

- Хайдеггер 2003 – *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
- Хаттон 2004 – *Хаттон П.Х.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Экштут 2000 – *Экштут С.А.* Сослагательное наклонение в истории: опыт несбывшегося. Опыт историко-философского осмысления // Вопросы философии. 2000. № 8. С. 79–87.
- Ясперс 1991 – *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

REFERENCES

- Anikin D.A., 2007. Social Memory in the Light of the Information Approach. *Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby im. P.A. Stolypina*, no. 12, pp. 163-167.

- Bart R., 1994. *Selected Works: Semiotics. Poetics.* Moscow, Progress Publ.
- Repina L.P. (ed.), 2006. *History and Memory: Historical Culture of Europe Until the Beginning of the New Time.* Moscow, Krug Publ.
- Ryuzen J., 2001. Losing Sequence in the History (Some Aspects of Historical Science at the Crossroads of Modernism, Postmodernism and the Debate About Memory). *Dialog so vremenem*, iss. 7, pp. 8-26.
- Heidegger M., 2003. *Being and Time.* Kharkiv, Folio.
- Hutton P.H., 2004. *History as an Art of Memory.* Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ.
- Ekshtut S.A., 2000. The Subjunctive Mood in History: Experience Unfulfilled. The Experience of the Historical and Philosophical Understanding. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 79-87.
- Jaspers K., 1991. *Meaning and Purpose of History.* Moscow, Politizdat.

Information About the Author

Victoria A. Khrapova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, hrapova-v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Информация об авторе

Виктория Анатольевна Храпова, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, hrapova-v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.5>

UDC 141.201
LBC 87.6

Submitted: 23.06.2024
Accepted: 09.12.2024

CONTEMPORARY PROBLEM OF UNEVEN SOCIAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF DEPENDENCE THEORY

Vladimir V. Slezhnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specifics of dependence theory, as one of the key interdisciplinary research areas within the framework of world-system analysis, through the prism of socio-philosophical issues of explaining the unevenness of social development. The study characterizes the contribution of this theory to the development of social and humanitarian knowledge, reveals the features of the conceptual ideas of its main representatives, and provides opinions regarding the main problems for the modern transformation of the world-systems and the relationship of its structural elements (core – semi-periphery – periphery). At the same time, the authors also revealed the controversial aspects of the considered theory, emphasizing the problems posed by its supporters for promising scientific development. It is concluded that dependency theory is one of the key interdisciplinary research areas within the framework of neo-Marxism, focusing on the problem of uneven social development in various countries and regions of the world, which has played a significant role in the critical understanding of linear-stage approaches to the dynamics of capitalism and the formation of a world-systemic approach to the analysis of the world-historical process. Reflecting the initially specific Latin American socio-historical context, this theory, which emphasizes the importance of nationally and regionally oriented solutions to development problems, has had a significant impact on the intellectual landscape in the “Third World” countries as a whole. It is shown that in modern conditions the relevance and demand for the potential of the theoretical ideas considered is determined both by the preservation of the relevant issues and the importance of analyzing the role of non-classical subjects, taking into account various, including implicit, forms of dependence in the context of international relations and national development practices, as well as consistent criticism of universalistic approaches to the problems of global development.

Key words: world-systems analysis, dependence theory, neo-Marxism, globalization, capitalism, unequal development, periphery.

Citation. Slezhnikov V.V. Contemporary Problem of Uneven Social Development in the Context of Dependence Theory. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 37-43. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.5>

УДК 141.201
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 23.06.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НЕРАВНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ЗАВИСИМОСТИ

Владимир Владимирович Слеженков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики теории зависимости, как одного из ключевых междисциплинарных исследовательских направлений в рамках мир-системного анализа, через призму социально-философской проблематики объяснения неравномерности социального развития. В исследовании охарактеризован вклад данной теории в развитие социально-гуманитарного знания, раскрыты особенности концептуальных идей ее основных представителей, приведены мнения относительно основных проблем современной трансформации мир-системы и взаимоотношения ее структурных элементов (ядро – полупериферия – периферия). Вместе с тем, раскрыты также дискуссионные аспекты рассматриваемой теории, подчеркнуты проблемы, поставленные ее сторонниками для перспективной научной разработки. Сделан вывод о том, что теория зависимости представляет собой одно из ключевых междисциплинарных исследова-

тельских направлений в рамках неомарксизма, акцентирующее внимание на проблеме неравномерности социального развития в различных странах и регионах мира, сыгравшее значительную роль в критическом осмыслении линейно-стадиальных подходов к динамике капитализма и становлении мир-системного подхода к анализу всемирно-исторического процесса. Отражая изначально специфический латиноамериканский социально-исторический контекст, данная теория, подчеркивающая значимость национально- и регионально-ориентированных решений проблем развития, оказала существенное влияние на интеллектуальный ландшафт в странах «Третьего мира» в целом. Показано, что в современных условиях актуальность и востребованность потенциала рассмотренных теоретических идей определяется как сохранением соответствующей проблематики, так и значимостью анализа роли неклассических субъектов, учета различных, в том числе неявных форм зависимости в контексте международных отношений и национальных практик развития, а также последовательной критикой универсалистских подходов к проблемам мирового развития.

Ключевые слова: мир-системный анализ, теория зависимости, неомарксизм, глобализация, капитализм, неравное развитие, периферия.

Цитирование. Слеженков В. В. Современная проблематика неравномерности социального развития в контексте теории зависимости // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 37–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.5>

Введение

Теория зависимости начиная с середины XX в. представляет собой одно из ключевых междисциплинарных направлений развития мировой социально-гуманитарной мысли, в значительной мере опосредующее векторы становления и эволюции мир-системного анализа и занимающее важное место в контексте генезиса неомарксизма. Будучи представленной рядом концептуальных подходов, подчас далеко не однородных, в целом данная теория представляет значимую попытку пересмотра европоцентристских установок к анализу исторического процесса как неспособных интерпретировать социальные явления за пределами Запада, концептуализировать проблемы неравномерного развития различных стран и регионов на фоне специфических условий и проблем. Несмотря на дискуссионность взглядов сторонников рассматриваемой теории, определенное видоизменение последней, а также ее преимущественный акцент на исследовании условий функционирования периферийных стран (а не на макроанализе), в современной ситуации мирового социально-экономического кризиса и политической конфликтности, сохранения, а подчас и усугубления разрывов в уровне развития ряда государств, соответствующие идеи, представляющие оригинальную социально-философскую интерпретацию проблемы неравномерности эволюции социальной системы во времени и пространстве, имеют неоспоримую научную перспективу.

Идейно-исторический контекст возникновения и развития теории зависимости

Исходным вопросом теории зависимости (зависимого развития), возникшей в 50–60-е гг. XX в. и развиваемой изначально преимущественно латиноамериканскими авторами, участвовавшими в работе Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛА, исп. и порт. – CEPAL), является попытка объяснения проблемы сравнительной неразвитости ряда регионов Земли по отношению к странам Запада. Идейную основу соответствующих воззрений составили, прежде всего, положения классического марксизма, марксистская теория империализма (впоследствии – идеи «новых левых» и неомарксизм, само становление которого во многом связывается с рассматриваемой теорией), а также теория отсталости (слаборазвитости) и, в некоторой мере, немарксистские концепции динамики капитализма (в частности, идеи исторической школы «Анналов», экономический институционализм). В значительной мере идеи зависимого развития представляли собой антитезу популярной и вместе с тем активно критикуемой в середине XX в. (в том числе за линейно-стадиальную логику анализа исторического процесса) теории модернизации, представители которой (Т. Парсонс, С. Хантингтон, З. Бауман) полагали, что «периферийные» страны неспособны преодолеть разрыв в развитии иначе как посредством внедрения современных западных

ценностей, институтов и практик. Таким образом, по справедливой оценке Р. Марини, «теория зависимости не зародилась в пределах марксистской традиции, а усвоила марксистские идеи» [Валенсия 2020].

При этом основная гипотеза сторонников зависимого развития состоит в том, что отсталость является результатом исторически сложившихся неравных экономических и политических отношений, продуктом экономической динамики капитализма, диктуемой странами «ядра», ограничивающими выбор периферийных стран и удерживающими (отстраняющими) их от автономного развития, что предопределяет фиксированную зависимую роль в условиях глобального капитализма и международного разделения труда. Теоретики зависимого развития исходили из представлений о мировой системе как особой органической целостности, развитие и неразвитость частей которой тесно взаимосвязаны; о предопределенности мирового развития преимущественно экономическими факторами: внешней торговлей, неравным обменом, перетеканием прибавочной стоимости от периферийно-сателлитных стран к центрально-монопольным; о необходимости различать неразвитость и отсталость, развитие и экономический рост.

Следует отметить, что латиноамериканский контекст формирования теории зависимости предопределен сравнительно ранним освобождением стран данного региона от колониальной зависимости и специфическими условиями развития капитализма в соответствующих государствах, предполагающими наличие механизмов зависимости (в том числе неявных и требовавших обоснования) от стран Запада (прежде всего от США и Великобритании). В свою очередь, разработка сходных концепций в других частях периферии (страны Азии и Африки) началась позже как вследствие более позднего формирования национальных научных школ, так и в силу отсутствия потребности доказывания зависимости, предопределившей акцент на способах избавления от таковой (теории альтернативного развития и «опоры на собственные силы», нового международного экономического порядка). Характерно, что западными авторами (Г. Мюрдаль, П. Баран, В. Джордж), раз-

рабатывавшими сходные концептуальные направления (теории слаборазвитости / отсталости), термин «зависимость» не используется в оптике взаимоотношений «ядра-периферии». В то же время последняя стала базисной для теории мир-системного анализа (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, А.Г. Франк), представившей попытку построения более масштабной макросоциальной модели на основе изучения как экономических, так и политических, социальных, культурных факторов и оказавшей значительное влияние на дальнейшую эволюцию идей зависимости. В качестве автора, синтезировавшего перечисленные взгляды необходимо упомянуть, прежде всего, С. Амина. Также надо заметить, что теория зависимости вызывала определенный интерес в нашей стране, что нашло отражение в концепциях зависимого развития В.В. Крылова, В.А. Яшкина, а также идеях сторонников неомарксизма (Н.А. Симония) и мир-системного анализа (М.А. Чешков, А.И. Фурсов) [Хакимов 2009, 5–6].

Основные концептуальные направления теории зависимости

Теория зависимости никогда не представляла однородную школу мысли; условно в спектре ее идейных направлений различаются «классические» взгляды (основные представители – Рауль Пребиш и Селсу Фуртаду), «реформистские» (Фернандо Энрике Кардозо и Энцо Фалетто) и «радикальные» (Теотониу дус Сантус, Руй Марини, из числа нелатиноамериканских авторов – Самир Амин) [Lengruber 2021, 37].

Сторонники первых («сепалисты», от аббревиатуры CEPAL) исходили из предопределенности асимметрии отношений центральных и периферийных экономик мировой экспансией капитализма XIX в. и формированием международного разделения труда, не предусматривающего механизмов поддержания равновесия цен на первичные товары (производимые периферией) и индустриальную продукцию (производимую странами «ядра»), ввиду чего в долгосрочной перспективе относительные изменения цен на указанные товары наносят ущерб первым и приносят пользу последним (гипотеза Пребиша – Зингера);

кроме того, подчеркивалась интегрированность в данную систему элит развивающихся стран (Фуртаду), приводящая к формированию «гибридной» экономики с капиталистическим ядром и архаичной структурой [Суворов 2014, 83]. Соответствующие выводы делались, прежде всего, на социально-историческом материале латиноамериканских стран, будучи впоследствии спроецированными на весь «Третий мир». В качестве решения проблемы рассматривалось внедрение комплекса мер, направленных на обеспечение импортозамещающей индустриализации, и, в конечном счете, на формирование «автономного капитализма»). Однако практика реализации этих идей (особенно в Бразилии и Мексике в 1950-е гг. XX в.) не позволила преодолеть социальное неравенство, отраслевые дисбалансы и зависимость от иностранных инвестиций, а также продемонстрировала недооценку технологических изменений.

В свою очередь «реформистское» направление рассматриваемой теории основывается на признании значимости анализа не только экономических, но и социальных и политических аспектов развития (тем более что соответствующее переосмысление происходило на фоне смены политических режимов на авторитарные в Бразилии, Аргентине, Чили, Уругвае). Тем самым предполагалось, что слаборазвитость является продуктом капиталистической экспансии, но предопределена как внутренними, так и внешними факторами, что опосредует общность интересов элит в ядре и периферии на фоне подчеркнутой неоднородности последней, которую следует учитывать при проведении социально-экономических и политических реформ [Подлесная 2020, 51]. Так, по мнению Ф.А. Кардозо и Э. Фаллетто, социальная, экономическая и политическая эволюция стран Латинской Америки варьировалась в зависимости типа включения в глобальную экономику и политику с уже сложившимися центрами мировой гегемонии: развивался ли экспортно-ориентированный рост под национальным контролем или в реалиях анклавной экономики, контролируемой иностранным капиталом [Кардозо, Фаллетто 2002, 67]. Это различие опосредовало дифференциацию классовых структур, природы государства и в конечном счете – уровня развития; иными

словами, капитализм приобрел конкретные проявления в отдельных национальных контекстах, в зависимости от того, как исторически учитывались местные классовые и государственные интересы. При этом отмечается, что зависимые страны, хотя и могут адаптироваться к капиталистической системе, достигнув определенной степени развития, но все равно будут зависеть от ядра (иными словами, речь может идти о зависимо-ассоциированном обществе).

Наконец, представители «радикального» вектора теории зависимости («депендентисты») считают, что подчиненное положение периферии обусловлено давлением американского и европейского империализма, которое осуществляется и в настоящее время, хотя и в отчасти меняющихся формах (с акцентом на экономической, а не военно-политической экспансии). В частности, в данной оптике процессы индустриализации в латиноамериканских странах интерпретируются как соответствующие новому международному разделению труда, при котором отдельные промышленные производства переносятся в зависимые страны при сохранении наиболее передовых (например, электроника, ядерная энергетика) в странах ядра, обладающих монополией на распространение соответствующих технологий (по мнению Т. дус Сантуса, речь идет о технологической зависимости от транснациональных корпораций) [Сантус дус 2008, 85]. «Де-пендентисты» упрекали «сепалистов» за то, что для них зависимость сводится к проблемам, возникающим в области внешней торговли периферийных стран, в то время как зависимость означает установление определенных пределов и возможностей развития зависимых обществ (Т. дус Сантус даже предпринял на этой основе попытку обосновать наличие в зависимых странах иного капиталистического способа производства, за что был подвергнут критике со стороны отдельных представителей латиноамериканского марксизма, например, Р. Арисменди [Семенов 2003, 207]). При таких условиях, как отмечают Р. Марини и С. Амин, зависимое государство представляет собой механизм господства национальной и международной буржуазии; в конечном же счете,

недоразвитие периферии является результатом эксплуатации ее населения буржуазией в ядре, а реалии межгосударственных противоречий в определенной мере отражают международную классовую борьбу [Абдрашитов, Плещенко, Слеженков 2019, 57]; в этой связи также используются термины «субсуверенитет» и «сверхэксплуатация» [Rippel 2022, 32–33]. Это обуславливает сохранение, а в ряде отношений и усугубление дисбаланса развития между ядром и периферией, преодолимое исключительно посредством «модели разрыва»: отключения от капиталистического международного разделения труда и принятие проекта автономного развития (цель которого – не автаркия, но попытка заставить систему приспособиться к потребностям периферии, а не исключительно ядра), что иллюстрируется на примере таких государств как Куба, Алжир и Китай [Амин 2011].

Теория зависимости в контексте современной проблематики неравномерности социального развития

Несмотря на относительное падение в последние десятилетия исследовательского интереса к теории зависимости (в сравнении с «пиком» ее развития в 50–70-е гг. XX в.), в том числе в связи с развитием смежных идейных проектов и кризисом неомарксизма, специфика современных процессов социального развития в мире ставит на повестку дня ряд проблем, так или иначе обозначенных ее сторонниками.

Прежде всего, в этой связи следует отметить, что ключевая для рассматриваемой теории проблема экономической отсталости не может быть оценена как сугубо региональная, хотя и имеющая международные корни. Реалии последних десятилетий свидетельствуют как о сохранении (а подчас и усугублении) разрыва в социально-экономическом развитии большинства стран периферии и ядра), так и в целом о нарастании экономического неравенства даже в рамках последнего (в сравнении со второй половиной XX в.). Кроме того, в разрезе межрегиональных дисбалансов развития показательно, что хотя универсализм гипотезы Пребиша – Зингера был поставлен

под сомнение в период экономического кризиса конца 90-х гг. XX в. и «сырьевого бума» 2000-х гг., в целом эти события, скорее, нивелировали эффект критики теории зависимости, ранее позиционировавшей в качестве исключений из ее положений практику развития так называемых «азиатских тигров» и «новых индустриальных стран» Восточной и Юго-Восточной Азии. Это дополнительно иллюстрирует справедливость тезисов сторонников теории зависимости, рассматривающих мировую экономическую и политическую систему как иерархически образованную соперничеством ядра и периферии.

События последних десятилетий также иллюстрируют значимость предпринятого разработчиками теории зависимости анализа роли в международных отношениях и влияния на национальные практики развития не только государств и международных межправительственных организаций, но и неклассических субъектов (транснациональные корпорации, неправительственные организации, элитные группы). При этом на международной арене следует учитывать не только «горизонтальную» (основанную на формальных и не всегда соблюдаемых принципах международного права о равенстве, суверенитете, независимости государств и т. д.), но и «вертикальную» динамику соответствующего взаимодействия (не всегда формализованную, более того – в ряде ситуаций неявную).

Наконец, безусловно, актуальной в современных реалиях видится и традиционно развиваемая в русле теории зависимости критика универсалистских подходов к проблематике развития и ценностей в мире; соответствующие концепции, как правило, западного происхождения небоснованно игнорируют факт регионализации национальных интересов и теоретических дискурсов и субъектность западных акторов. В этой связи теория зависимости сохраняет значимость как подчеркивающая необходимость выработки специфических решений национальных и региональных проблем, нацеленных, в конечном счете, на обеспечение полноценного самостоятельного развития периферийных стран и нивелирование дисбаланса между ними и ядром мировой системы.

Заклучение

Теория зависимости представляет собой одно из ключевых междисциплинарных исследовательских направлений в рамках неомарксизма, акцентирующее внимание на проблеме неравномерности социального развития в различных странах и регионах мира, сыгравшее значительную роль в критическом осмыслении линейно-стадиальных подходов к динамике капитализма и становлении мир-системного подхода к анализу всемирно-исторического процесса. Отражая изначально специфический латиноамериканский социально-исторический контекст, данная теория, подчеркивающая значимость национально- и регионально-ориентированных решений проблем развития, оказала существенное влияние на интеллектуальный ландшафт в странах «Третьего мира» в целом. В современных условиях актуальность и востребованность потенциала рассмотренных теоретических идей определяется как сохранением соответствующей проблематики, так и значимостью анализа роли неклассических субъектов, учета различных, в том числе неявных форм зависимости в контексте международных отношений и национальных практик развития, а также последовательной критикой универсалистских подходов к проблемам мирового развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдрашитов, Плещенко, Слеженков 2019 – *Абдрашитов В.М., Плещенко А.Н., Слеженков В.В.* Теория зависимости и мир-системный анализ в политико-правовом контексте: идеи Самира Амин // *Вестник Евразийской академии административных наук*. 2019. № 3 (48). С. 55–58.

Амин 2011 – *Амин С.* Траектория исторического капитализма и призвание марксизма в «третьем мире» // *Скепсис*. 2011. № 2. URL: https://scepsis.net/library/id_3642.html

Валенсия 2020 – *Валенсия А.С.* Марксизм Марини и теория зависимости сегодня // *Скепсис*. 2020. № 4. URL: https://scepsis.net/library/id_3947.html

Кардозо, Фаллетто 2002 – *Кардозо Ф.Э., Фалетто Э.* Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: ИЛА РАН, 2002.

Подлесная 2020 – *Подлесная М.А.* Теории зависимости и мир-системный анализ И. Валлерстайна

// *Историческая социология: глобальные процессы*. М.: Изд-во ПСТГУ, 2020. С. 49–65.

Сантус дус 2008 – *Сантус дус Т.* Структура зависимости // *Скепсис*. 2008. № 5. С. 84–90.

Семенов 2003 – *Семенов Ю.И.* *Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции*. М.: Современные тетради, 2003.

Суворов 2014 – *Суворов Д.В.* «Зависимое развитие» и «навязанная модернизация» // *Вестник гуманитарного университета*. 2014. № 3 (6). С. 82–87.

Хакимов 2009 – *Хакимов Г.А.* Социально-философский анализ мир-системного подхода к динамике капитализма: дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 188 с.

Lengruber 2021 – *Lengruber V.* *Dependency Theory: Developments and Contributions to International Relations* // *Cuadernos Iberoamericanos*. 2021. Vol. 9, № 3. P. 32–49.

Rippel 2022 – *Rippel L.* *Capitalismo dependente e suas formas particulares de estado a luz da Teoria Marxista da Dependência* // *Cuadernos Iberoamericanos*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 27–36.

REFERENCES

Abdrashitov V.M., Pleshchenko A.N., Slezhenkov V.V., 2019. *Dependency Theory and World-System Analysis in a Political and Legal Context: Ideas of Samir Amin*. *Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk*, no. 3 (48), pp. 55-58.

Amin S., 2011. *The Trajectory of Historical Capitalism and Marxism’s Tricontinental Vocation*. *Scepsis*, no. 2. URL: https://scepsis.net/library/id_3642.html

Valencia A.S., 2020. *Marini’s Marxism and Dependency Theory Today*. *Scepsis*, no. 4. URL: https://scepsis.net/library/id_3947.html

Cardoso F.E., Falletto E., 2002. *Dependency and Development in Latin America. Experience of Sociological Interpretation*. Moscow, ILA RAS.

Podlesnaya M.A., 2020. *Dependency Theories and World-System Analysis by I. Wallerstein*. *Istoricheskaya sociologiya: globalnye processy*. Moscow, PSTGU, pp. 49-65.

Santos dos T., 2008. *The Structure of Dependence*. *Scepsis*, no. 5, pp. 84-90.

Semenov Ju.I., 2003. *Philosophy of History. General Theory, Main Problems, Ideas and Concepts*. Moscow, Sovremennye tetradi Publ.

Suvorov D.V., 2014. *“Dependent Development” and “Forcible Modernization”*. *Vestnik gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (6), pp. 82-87.

Hakimov G.A., 2009. *Social and Philosophical Analysis of the World-System Approach to the Dynamics of Capitalism: Cand. philos. sci. abs. diss*. Moscow.

Lengruber V., 2021. Dependency Theory: Developments and Contributions to International Relations. *Cuadernos Iberoamericanos*, vol. 9, no. 3, pp. 32-49.

Rippel L., 2022. Capitalismo dependente e suas formas particulares de estado a luz da Teoria Marxista da Dependência. *Cuadernos Iberoamericanos*, vol. 10, no. 3, pp. 27-36.

Information About the Author

Vladimir V. Slezenkov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Master's Student, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, slezenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

Информация об авторе

Владимир Владимирович Слеженков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, магистрант кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, slezenkov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2863-6014>

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: к 30-летию начала подготовки философов в ВолГУ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.6>

UDC 101.2
LBC 87.000.5

Submitted: 14.11.2024
Accepted: 09.12.2024

PHILOSOPHY AT THE VolsU: IS A DREAM COMING TRUE? REFLECTIONS ON THE RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN ROUND TABLE “PROBLEMS AND PROSPECTS OF PHILOSOPHICAL EDUCATION: ON THE 30th ANNIVERSARY OF THE BEGINNING OF THE TRAINING OF PHILOSOPHERS AT THE VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY”

Olga N. Didenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Lyubov S. Solovyova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. On June 20, 2024, Volgograd State University hosted an all-Russian round table organized by the Department of Philosophy and Theory of Law and dedicated to a significant date for the university – the 30th anniversary of the beginning of professional training of philosophers. The round table brought together philosophy graduates from different years, as well as researchers and teachers from Volgograd, Moscow, St. Petersburg, Belgorod, Ulyanovsk, and other cities. The subject of active discussion was issues related to the analysis of the current state of philosophy with a focus on the problem of its academicity or publicity; the trajectory of professional success that professional philosophical education allows; the study of the specifics of the regional aspect of the philosophical community and philosophical schools; and current issues of teaching philosophy. The discussion of the participants contributed to the consideration of the topic of the round table through the prism of the ideals and values of not only philosophy itself but also of an educated person, the interdisciplinarity of philosophical knowledge, the social recognition of philosophical education, as well as the prospects for the preservation and development of philosophical education at Volgograd State University. Dmitry Ilyin, Vice-Rector for Academic Affairs, Doctor of Sciences (Philology), Professor, who opened the round table meeting, expressed in his speech an important idea for university philosophers that all classical universities began with a philosophical school. Therefore, the opening of the Philosophy major is a history of university development justified by life itself. But without the enthusiasm, energy, and charisma of the initiators of the creation of such a philosophical school, it would be difficult to imagine this process. First of all, these words are true of Nikolai Omelchenko, who, through all his activities, contributed to the development of the Philosophy department at our university. The moderator of the round table was Svetlana Tokareva, who proposed an interesting format for the event, which provides for consideration of the relevance of the issues stated in the program through the prism of the history of the emergence and development of the training of philosophers at VolsU.

© Диденко О.Н., Соловьёва Л.С., 2024

Key words: philosophy, philosophical education, university education, training of philosophers, VolSU, teaching philosophy.

Citation. Didenko O.N., Solovyova L.S. Philosophy at the VolSU: Is a Dream Coming True? Reflections on the Results of the All-Russian Round Table “Problems and Prospects of Philosophical Education: On the 30th Anniversary of the Beginning of the Training of Philosophers at the Volgograd State University”. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 44-52. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.6>

УДК 101.2
ББК 87.000.5

Дата поступления статьи: 14.11.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

**ФИЛОСОФИЯ В ВолГУ: МЕЧТА СБЫВАЕТСЯ?
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ИТОГАМ ВСЕРОССИЙСКОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
К 30-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ПОДГОТОВКИ ФИЛОСОФОВ В ВолГУ»**

Ольга Николаевна Диденко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Любовь Сергеевна Соловьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. 20 июня 2024 года в Волгоградском государственном университете состоялся Всероссийский круглый стол, организованный кафедрой философии и теории права и посвященный знаменательной для университета дате – 30-летию начала профессиональной подготовки философов. Круглый стол собрал как выпускников-философов разных лет, так и исследователей и преподавателей из Белгорода, Волгограда, Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска и других городов. Предметом активного обсуждения стали вопросы, связанные с анализом современного состояния философии с фокусированием на проблеме ее академичности или публичности; траекториями профессионального успеха, на выбор которых влияет профессиональное философское образование; исследование специфики регионального аспекта философского сообщества и философских школ; актуальными вопросами преподавания философии. Дискуссия участников способствовала рассмотрению темы круглого стола через призму идеалов и ценностей образованного человека, междисциплинарности философского знания, социального признания философского образования, а также перспектив сохранения и развития философского образования в Волгоградском государственном университете. Открывший заседание круглого стола проректор по учебной работе, доктор филологических наук, профессор Дмитрий Юрьевич Ильин высказал в своем выступлении важную для университетских философов мысль о том, что все классические университеты начинались с философской школы. А потому открытие специальности «Философия» – это оправданный самой жизнью шаг в истории развития университета. Но без энтузиазма, энергии и харизмы зачинателей дела по созданию такой философской школы этот процесс трудно было бы представить. В первую очередь, эти слова справедливы по отношению к Николаю Викторовичу Омельченко, который всей своей деятельностью способствовал тому, чтобы направление «Философия» получило развитие в нашем университете. Модератором круглого стола выступила Светлана Борисовна Токарева, предложившая интересный формат мероприятия, предусматривающий рассмотрение заявленных в программе вопросов через призму истории возникновения и развития подготовки философов в ВолГУ.

Ключевые слова: философия, философское образование, университетское образование, подготовка философов, ВолГУ, преподавание философии.

Цитирование. Диденко О. Н., Соловьева Л. С. Философия в ВолГУ: мечта сбывается? Размышления по итогам Всероссийского круглого стола «Проблемы и перспективы философского образования: к 30-летию начала подготовки философов в ВолГУ» // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 44–52. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.6>

Проведение Всероссийского круглого стола по теме «Проблемы и перспективы философского образования: к 30-летию начала подготовки философов в ВолГУ» объясняется многими причинами, и главная из них, как нам представляется, – это положение с гуманитарным образованием в целом и с философским в особенности. Как выяснилось в процессе подготовки мероприятия, тема эта болезненная не только для философов нашего университета, но и для философского сообщества в целом (достаточно познакомиться с программой круглого стола и географией участников). Для нас начало подготовки философов в далеком 1994 году стало дуновением свежего ветра и ознаменовало появление новых перспектив, интересных и думающих студентов, с которыми можно было горы свернуть. Поэтому красной нитью через всю дискуссию прошла тема истории возникновения и развития философского образования в ВолГУ и судьба современного состояния философии: как не допустить превращения философии в «шпаргалку за 40 минут», как сохранить ее мощный эвристический потенциал в условиях сложного общества.

Выступление доктора философских наук, профессора кафедры социологии и политологии ВолГУ Александра Леонидовича Стризое **«Философское образование и новые формы презентации философского знания в современном обществе»**, собственно, и задавало настрой всей дискуссии. Мы остановимся только на ключевых моментах его выступления, так как с самим докладом можно познакомиться в этом номере журнала. А.Л. Стризое прежде всего обратил внимание на то, что проблема презентации философского знания непосредственным образом связана с анализом социокультурных рисков и вызовов, с которыми столкнулось не только российское общество, а все человечество в целом. Автор аргументирует тезис о том, что сегодня технологический выбор становится экзистенциальным, и в этих условиях только философское знание ориентировано на поиск разумного выбора отношения человека к действительности. Он обращает внимание на то, что традиционные формы презентации философского знания, которые осуществлялись в процессе изучения общего курса философии, а также

ряда спецкурсов на философских факультетах, сегодня очевидны только узкой группе специалистов. Реальность требует обращения к проблемному полю целого ряда социально-гуманитарных дисциплин. Нужны новые формы и методические приемы, нужна системная работа в обучении философов практическим навыкам анализа категорий и понятий, аналитического чтения, академического письма. Но мы должны понимать, подчеркивает А.Л. Стризое, что параллельно с решением этих задач изменится и сам субъект философствования. А для нас как представителей философского сообщества очень важно философское просвещение элиты, создание философских коллективов, способных решать сложные мировоззренческие и социально-технологические задачи.

Петр Михайлович Колычев, доктор философских наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, выступил с докладом **«Актуальность философии как знание о мире в целом. Прошлое, настоящее, будущее»**. Под философией автор понимает знание о мире в целом, имеющее теоретическую, системно-понятийную форму. Он обращает внимание на историческое развитие знания о мире, выделяя в качестве основных форм магическое, религиозное и научное. Автор отмечает, что современная философия как знание о мире интересует только научное сообщество, а для остальной части общества актуальным остается религиозное знание о мире. Автор предлагает собственное понимание актуальности философии, с которым читатель может ознакомиться в его публикациях.

Представляя следующего автора, хотелось обратиться к истории начала подготовки философов в Волгоградском государственном университете. В одной из своих статей доктор философских наук, профессор Николай Викторович Омельченко писал: «...Можно говорить о триединой сущности мечты. Во-первых, мечты демонстрируют наш потенциал. Если вы можете мечтать о великом, значит, способны и совершить это великое. Мы мечтаем о великом, манифестируя эту свою внутреннюю данность. Одним словом, мечты позволяют нам лучше узнать

самих себя: мечты – инструмент самопознания» [Омельченко 2006, 6]. Нам представляется, что эти слова, написанные в 2006 году, отражают существо того процесса, к которому многие участники круглого стола были причастны. С чего началась подготовка философов в ВолГУ? С мечты! С мечты одного человека – Н.В. Омельченко о том, что в классическом университете должен быть философский факультет. Мы не будем глубоко вдаваться в детали того, как все происходило, они уже изложены в ряде публикаций [Омельченко 2009; Омельченко, Соловьева 2023, 15], остановимся на выступлении «мечтающего философа» Николая Викторовича Омельченко. В своем выступлении **«Опыт философского образования»** он представил собственный опыт многолетнего преподавания философии в Волгоградском государственном университете, в других вузах и за рубежом. По его мнению, современному миру нужны одухотворенные личности, а эффективным способом одухотворения личности является качественное образование. Таковым является и философское образование, среди ценностей которого следует выделить развитие самостоятельного мышления студентов и формирование антипозитивистского мышления. Автор убеждает, что нужно начать думать, чтобы увидеть, почувствовать и понять философию. Приводя примеры своих занятий со студентами, Н.В. Омельченко подчеркивает, что философия уже сама по себе обладает огромным терапевтическим эффектом, но ее нужно так представлять, чтобы студенты сами начинали думать и чувствовать. В этой работе персонального духа и заключается одухотворение личности.

Тема выступления доктора философских наук, профессора Светланы Борисовны Токаревой **«Преодоление семантического дефицита и процессы смыслообразования в преподавании философии»** связана с особенностями использования концептуальных метафор, которые выполняют роль интерпретирующих и объяснительных моделей (и одновременно когнитивных механизмов) при введении новых или сложных для понимания обучающихся философских понятий. По сути, концептуальные метафоры задают интеллектуальные рамки, в которых человек осу-

ществляет выбор между концептуальными решениями философских проблем. Сформированный «рамочный» образ реальности обеспечивает студенту понимание общей модели интерпретации понятийно-концептуальных схем философии. Автор подчеркивает, что чтение философских текстов требует от студентов владения понятийным аппаратом философии, знакомства с историко-философской традицией, понимания логико-смысловой структуры философского текста, способности понимать, интерпретировать, самостоятельно создавать и композиционно оформлять философский текст в рамках учебной или научно-исследовательской деятельности. С точки зрения С.Б. Токаревой, в преподавании философии продуктивны три вида концептуальных метафор: во-первых, авторские метафоры, использованные философом в ходе разработки концепции; во-вторых, универсальные (архетипические) метафоры, закрепившиеся в философском знании и ставшие общими для философской традиции; в-третьих, «стертые» метафоры, которые целесообразно «оживить» в ходе изложения философского материала [Токарева (ред.) 2023, 143].

Любовь Сергеевна Соловьева, кандидат философских наук, провела большую архивную работу и представила презентацию, отражающую в цифрах развитие философского направления в университете. Подготовка философов в ВолГУ в той или иной форме ведется начиная с 1994 года по настоящее время. За этот период для получения философского образования были зачислено 594 человека. Данные о наборе студентов-философов на программы специалитета, бакалавриата, магистратуры представлены на рисунке 1.

Первый набор студентов на специальность «Философия» в Волгоградском государственном университете состоялся в 1994 году, когда на первый курс были зачислены 25 человек. Возможность получить в ВолГУ диплом специалиста с достаточно редкой квалификацией «философ» сохранялась у абитуриентов до 2005 года включительно. Воспользовались ею 334 человека, зачисленных в число студентов-философов в период 1994–2005 гг. на разные формы обучения. Примечательно, что немалая доля из них (18 %) пришлось на желающих и готовых получать фи-

лософское образование в заочной форме (рис. 2). Такая возможность сохранялась у абитуриентов до 2000 года.

Через десять лет после первого набора философов, в 2004 году в Волгоградском государственном университете был открыт бакалавриат по направлению подготовки «Философия». Обучение было возможно только в очной форме. Прием философов-бакалавров осуществлялся до 2010 года включительно и был прерван в связи с прекращением бюджетного финансирования их подготовки.

Конечно, среди желающих получить классическое университетское образование (философское) были те, кто готов был оплатить свое обучение, но, в силу разных причин, их было не так много (см. рис. 3).

Особое место в подготовке философов в Волгоградском государственном универси-

тете занимает магистратура, открытая в 2003 году. За двадцатилетний период ее существования возможностью получить профильное философское образование воспользовались 144 человека. В разное время обучение в магистратуре по философии велось по таким программам как «История зарубежной философии», «Онтология и теория познания», «Философская антропология и философия культуры», «Социальная философия».

В выступлении Натальи Николаевны Плужниковой, кандидата философских наук, доцента кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского политехнического университета, преподавателя института Логотерапии и ЭкзАнализа г. Гамбурга **«Популяризация философии сегодня: вызовы и риски»** был поднят вопрос о тех подводных камнях, которые характеризуют процесс востребова-

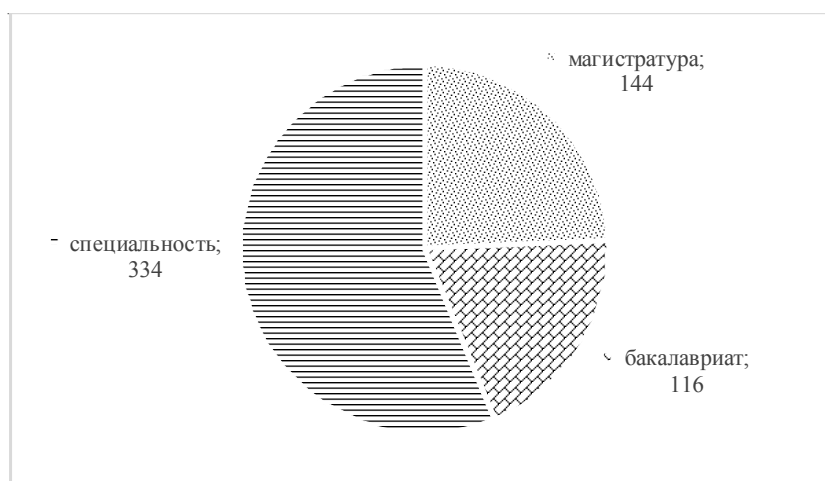

Рис. 1. Зачислено студентов-философов в период 1994–2023 годов

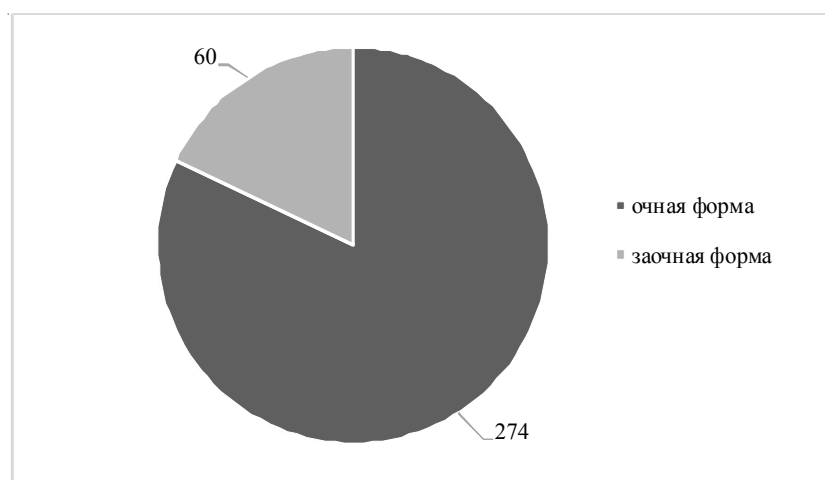

Рис. 2. Формы обучения по специальности «Философия»

ности философии. В своем выступлении она отметила, что в современных условиях философия как особый вид знания становится крайне востребованной. Такая востребованность и связанная с нею популяризация, с одной стороны, положительно сказывается на философии. Но вместе с этим появляется опасность идеологизации и политизации философского знания, что противоречит самой сущности философии. Сегодня философия находится в поисках собственной идентичности. О том, какие перипетии ожидают философию на этом пути, как не превратить популяризацию в упрощение, можно прочесть в статье автора, представленной в данном номере журнала.

Доктор философских наук, профессор Дмитрий Ромуальдович Яворский в своем выступлении «**Акторы философского образования в меняющемся мире**» назвал «золотым веком» волгоградской философии период, начавшийся в 1994 году и закончив-

шийся с прекращением набора бакалавров в 2011 году. Констатируя кризисную ситуацию, сложившуюся в волгоградском философском образовании вследствие отсутствия регулярного набора студентов, профессор поставил вопрос: а что мы можем сделать в данной ситуации? Поиск ответа на этот вопрос предполагает понимание причин повышенного интереса к философскому образованию ранее (см. таблицу).

Д.Р. Яворский выделил четыре субъекта образовательного процесса, рассмотрев возможные мотивы их обращения к философии в указанный период.

Рассуждая о том, нужно ли нам сегодня философское образование в университете, Дмитрий Ромуальдович поддержал Н.Н. Плужникову, отметившую в своем выступлении значимость базы, которая рождается тогда, когда человек находится в своей профессиональной среде. Если мы хотим сохранить профессиональную

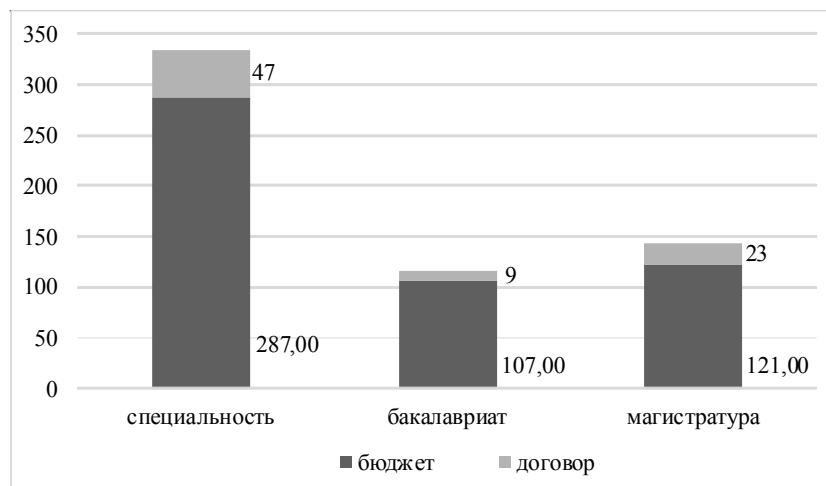

Рис. 3. Финансовая основа обучения (количество человек)

Акторы философского образования в меняющемся мире

Акторы философского образования	Мотивация
Федеральный заказчик – Министерство науки и высшего образования РФ, представляющее государство как общественный институт	Своеобразный идеологический заказ на подготовку философов в 90-е гг. XX в., обусловленный осознанием необходимости изменения общественного сознания как условия социальных трансформаций: «Нужно вложиться в подготовку людей, которые это общественное сознание будут менять»
Профессорско-преподавательский корпус	Профессиональные цели и устремления новой генерации философов-преподавателей ВолГУ, которые откликнулись на этот общественный запрос (например, С.Э. Крапивенский и А.И. Пигалев и др.)
Частный заказчик – абитуриенты, которые хотят стать философами	Интерес к свободному интеллектуальному творчеству
Руководство университета	Осознание значимости присутствия философии в университетском пространстве. Университет и философия – вещи неразделимые

среду, нам нужно постараться сохранить философское образование в Волгоградском государственном университете. Шагом к этому стало возобновление набора бакалавров-философов в 2022 году благодаря выделению Минобрнауки бюджетных мест. Без преувеличения можно сказать, что для нашей кафедры этот набор студентов стал своеобразным «жизненным импульсом», событием, символизирующим осуществление коллективной профессиональной мечты.

«Идеал образованного человека» – тема выступления доктора философских наук Андрея Ивановича Макарова. Предметом оживленной дискуссии стали поднятые им вопросы о том, что такое «образовательный идеал», о чем идет речь, когда мы говорим «образованный человек» и как с этим связана система образования? Отвечая на последний вопрос, А.И. Макаров обратил внимание, что речь идет о такой «машине», которая бы отчеканила адекватного данному обществу человека. В контексте этого тезиса были рассмотрены основные модели образовательного идеала в рамках европейского университетского образования. Так, в средневековом обществе образовательный идеал – это образованный светский христианин. Позднее на смену христианину пришел «гражданин» – член нации. Следующей моделью образованного человека стал человек-работник, обслуживающий «машины рынка», так называемый «специалист». Современное университетское образование столкнулось с кризисом образовательного идеала: кого готовить – христианина, гражданина или специалиста? Образованный человек, отметил автор, – это тот, кто умеет говорить на профессиональном языке. А философ, подчеркнул Андрей Иванович, подводя итоги своего выступления, – это тот, кто умеет говорить на профессиональном языке с определенными последствиями. Эти последствия предполагают влияние на социальные группы, поскольку умение говорить на профессиональном языке означает способность не пересказывать чужое, а говорить то, что ново и актуально, постольку делать это может только тот, кто имеет опыт исследований.

Старший преподаватель кафедры философии Ульяновского государственного техни-

ческого университета Дарья Фаразхановна Морозова посвятила свой доклад роли преподавания философии в формировании soft skills. К сожалению, многие студенты-«нефилософы» воспринимают эту дисциплину как излишнюю, на которую нужно ходить только «для галочки». Нужна ли философия «нефилософу»? Дарья Фаразхановна отметила, что в большинстве современных профессий ценятся «мягкие навыки», обычно связанные с коммуникабельностью, критическим мышлением и креативностью. Важно перевести внимание студента из поля технических решений в сторону понимания духовной жизни человека. Д.Ф. Морозова проанализировала возможности использования при формировании soft skills студентов учебных дискуссий по проблемам философии, а также работы с первоисточниками. Чтение философских текстов помогает найти источник способности свободного мышления, научиться генерации идей, используя принцип сомнения. Эти идеи нашли отражение и в выступлении кандидата философских наук Н.А. Калашниковой, поддержавшей коллегу в вопросе об актуальности применения принципа сомнения в обучении студентов. С применением принципа сомнения, с умением формулировать и аргументировать собственные суждения связано критическое мышление. Критическое мышление – тема, связывающая обыденность и академическую среду. Критическое мышление – это фундамент философского мышления, однако навыки критического мышления востребованы и в повседневной жизни. Это позволяет предположить, что развитие критического мышления в процессе преподавания философии позволит сформировать компетенции, которые пригодятся не только в профессии, но и в обычной жизни.

О практическом применении философского знания шла речь в выступлении руководителя клинического направления ГК «Р-Фарм» Александра Евгеньевича Горькова «**Навыки организационной работы и философское образование**». Управление организацией, в том числе коммерческой – это методологическая задача, поэтому на уровне высшего и среднего менеджмента коммерческих организаций философия вполне востребована. Выделены преимущества философского обра-

зования: 1) прозрачность оснований знания; 2) навыки логически стройного мышления и коммуникации; 3) системный характер обучения; 4) знакомство с методикой исследования и навык проектной деятельности.

Валерия Андреевна Копанева, преподаватель ВолГМУ, в выступлении «Условия социальной признанности философского образования» обратилась к вопросу о том, как воспринимаются философы и философия в общественном сознании? Возникает противоречивый образ. С одной стороны, философия и философ – это что-то «не от мира сего», человек, по отношению к которому трудно идентифицировать, чем же он занимается; распространено восприятие данного вида деятельности как излишнего, как пустой траты времени. С другой стороны, распространенным является образ философии как чего-то глубокого, элитарного, чем могут заниматься только какие-то особенные люди. С туманностью и неопределенностью данной деятельности связана одна из проблем признания философии. К ее вольному или невольному игнорированию ведет отсутствие понятных критериев оценивания. В.А. Копанева выделила несколько условий признанности. Во-первых, объект признания, в данном случае философское образование, с одной стороны, должен быть отделен от обычной повседневной практики, с другой – должен находиться в поле внимания людей. Примером может служить театр. Второе условие связано с ценностью, с пониманием того, какое именно благо содержится в философском образовании. В-третьих, должны существовать условия для межличностного профессионального взаимодействия.

В завершение круглого стола Н.В. Омельченко от имени всех участников выразил слова благодарности организаторам за те усилия, которые они приложили для создания данного «историко-культурного события». Сам по себе факт проведения этого круглого стола служит делу укрепления философии в Волгоградском государственном университете и консолидации философского сообщества.

Позволим себе снова процитировать уже упомянутую статью Н.В. Омельченко: «В этой связи любопытным представляется вопрос о соотношении философии и мечты. Мечта философа рано или поздно воплощается в слове. Оказывается, вначале была мечта. Если вся-

кая идея начинается с мечты, то национальная идея начинается с национальной мечты. Как можно ее сформулировать? Пожалуй, ответ напрашивается сам собой: философия должна быть мечтающей, чтобы затем стать разумной, т.е. мыслить в идеях. Философия способна трансформировать туманные мечтания в ясные идеи. При этом следует иметь в виду, что философия не только “протоколирует” мечту, но и содержательно формирует ее. Неизбежно встает вопрос: о чем же мечтает сегодняшняя философия? Скажи, о чем ты мечтаешь, и я скажу, кто ты» [Омельченко 2006, 8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Омельченко 2006 – Омельченко Н.В. О значении мечты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2006. № 5 (5). С. 5–8.
- Омельченко 2009 – Омельченко Н.В. Нам 15 лет // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 2 (10). С. 222–224.
- Омельченко, Соловьева 2023 – Омельченко Н.В., Соловьева Л.С. «Любите философию в себе, а не себя в философии»: интервью с Омельченко Николаем Викторовичем // Logos et Praxis. 2023. Т. 22. № 4. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.1>
- Токарева (ред.) 2023 – Токарева С.Б. (ред.). Философ: мыслитель, исследователь, наставник: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023.

REFERENCES

- Omelchenko N.V., 2006. On the Meaning of Dreams. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i socialnye tekhnologii*, vol. 5 (5), pp. 5-8.
- Omelchenko N.V., 2009. The 15th Anniversary. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i socialnye tekhnologii*, vol. 2 (10), pp. 222-224.
- Omelchenko N.V., Solovieva L.S., 2023. “Love Philosophy in Yourself, but Not Yourself in Philosophy”: Interview with Nikolai Omelchenko. *Logos et Praxis*, vol. 22, no. 4, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.1>
- Tokareva S.B. (ed.), 2023. *Philosopher: Thinker, Researcher, Mentor. Monograph*. Volgograd, Izd-vo VolGU.

Information About the Authors

Olga N. Didenko, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, didenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1524-8813>

Lyubov S. Solovyova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_ls@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2436-5616>

Информация об авторах

Ольга Николаевна Диденко, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, didenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1524-8813>

Любовь Сергеевна Соловьева, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_ls@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2436-5616>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.7>

UDC 1:001.101
LBC 87.223.2

Submitted: 06.08.2024
Accepted: 09.12.2024

PHILOSOPHICAL EDUCATION AND NEW FORMS OF PRESENTATION OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE IN MODERN SOCIETY

Aleksander L. Strizoe

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article shows the interrelation of sociocultural and worldview problems of modern globalizing and informatized “risk society”, as well as the problem of self-determination in it for a person with philosophical knowledge. The necessity of searching for new forms of presentation of philosophical knowledge in modern society, taking into account human needs in self-realization and self-affirmation, is revealed. The purpose of such a presentation is philosophical enlightenment not only for students, but also for various audiences. The special role in professional education and personal development of students of the solution of problems of formation of critical and reflective thinking, as well as philosophical comprehension of meaning-in-life problems of a person is emphasized. It is pointed out that the idea of reflection is widely used in the scientific concepts of reflexive management and reflexive modernization. It is suggested that philosophical knowledge, along with psychological knowledge, can be used for individual personal counselling. The author notes the growing need of professional communities for comprehensive socio-humanitarian expertise of projects and programs being developed. It is noted that modern applicants and students face a number of didactic difficulties that hinder the development of personality and the acquisition of professional philosophical, social and humanitarian education. The article presents suggestions for adapting junior year students to the peculiarities of philosophical education. The author draws attention to the fact that solving new tasks of philosophical enlightenment and education requires changes in the philosophical community itself: the formation of research teams of philosophers and social scientists to solve large-scale theoretical and sociotechnological problems, the integration of philosophers into interdisciplinary scientific teams, the formation of a new generation of philosophers capable of supporting and developing the traditions of national schools and trends.

Key words: “risk society”, philosophy, philosophical education, critical thinking, reflection, meaning-in-life human problems, students’ adaptation to the peculiarities of education.

Citation. Strizoe A.L. Philosophical Education and New Forms of Presentation of Philosophical Knowledge in Modern Society. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 53-60. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.7>

УДК 1:001.101
ББК 87.223.2

Дата поступления статьи: 06.08.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НОВЫЕ ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Александр Леонидович Стризов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Стризов А.Л., 2024

Аннотация. В статье показана взаимосвязь социокультурных и мировоззренческих проблем современного глобализирующегося и информатизированного «общества риска», а также проблема самоопределения в нем человека с философским знанием. Раскрыта необходимость поиска новых форм презентации философского знания в современном обществе, учитывающих потребности человека в самореализации и самоутверждении. Цель такой презентации – философское просвещение не только обучающихся, но и самых разных аудиторий. Подчеркнута особая роль в профессиональном образовании и личностном развитии студентов формирования у них критического и рефлексивного мышления, а также философского осмысления смысложизненных проблем. Обращено внимание на то, что идея рефлексии широко используется

в научных концепциях рефлексивного управления и рефлексивной модернизации. Высказана мысль о возможностях использования философского знания наряду с психологическим для индивидуального личностного консультирования. Автор отмечает возрастающую потребность профессиональных сообществ в комплексной социально-гуманитарной экспертизе разрабатываемых проектов и программ. Отмечено, что современные абитуриенты и студенты сталкиваются с рядом дидактических трудностей, сдерживающих развитие личности и затрудняющих получение профессионального философского и социально-гуманитарного образования. В статье представлены предложения по адаптации студентов младших курсов к особенностям философского образования. Автор обращает внимание на то, что решение новых задач философского просвещения и образования требует изменения самого философского сообщества: формирования исследовательских коллективов философов и обществоведов для решения масштабных теоретических и социально-технологических задач, интеграции философов в междисциплинарные научные коллективы, формирования нового поколения философов, способных поддержать и развить традиции отечественных школ и направлений.

Ключевые слова: «общество риска», философия, философское образование, критическое мышление, рефлексия, смысложизненные проблемы, адаптация студентов к особенностям обучения.

Цитирование. Стризов А. Л. Философское образование и новые формы презентации философского знания в современном обществе // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 53–60. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.7>

В современном информационном обществе любое знание не существует в какой-либо единственной, завершенной и систематической (например, в научной) форме. Культура XXI в. задает множество контекстов, в каждом из которых существуют, находят и выражают себя разнообразные виды знания. При этом содержательная сложность знания и технологическое многообразие его применений делают необходимой его презентацию, облегчающую выявление скрытого смысла и когнитивного потенциала, а также его места и роли в повседневности.

Описывая презентацию философского знания, можно использовать образ, который, согласно А.Ф. Лосеву, передает суть древнегреческого мировоззрения: мир – театр, на сцене которого появляются из космоса и уходят туда же люди, играющие разные, часто непонятные публике, роли [Лосев 1990, 63]. Аналогично этому на социокультурной сцене – глобальной и локальной – появляются и уходят философские идеи и концепции, раскрывающие свое содержание в литературных и художественных образах, научных концептах и теориях, мифологемах и идеологемах, рациональных доктринах и символических конструктах. Их связь с философскими абстракциями со временем, как правило, теряется из виду, меркнет на ярком фоне конкретных, жизненно важных для череды поколений переживаний, открытий и озарений. Но без этой связи, которая стала возможной благодаря тому, что волнующая предков и современников злота

дня была «схвачена» многообразным и хорошо настроенным аппаратом философского мышления, была бы невозможна трансляция позитивного и негативного социокультурного опыта. Вместе с ней были бы поставлены под вопрос представления о настоящем и будущем, о перспективах человека и человечества. Именно поэтому прежде чем обсуждать проблемы презентации философского знания в современном российском обществе обратимся в специфике той самой «злота дня», к тем социокультурным рискам и вызовам, с которыми сталкиваются и человечество в целом, и российское сообщество в частности.

Жить в мире, разные стороны которого охвачены глобальными изменениями и трансформациями, означает постоянно сталкиваться с вопросами о собственной природе и принадлежности, о своей локальной и индивидуальной идентичности. Помимо двух – повседневных и макросоциальных (профессиональных, демографических, поселенческих, этнокультурных) ролей и связанных с ними идентичностей существует и философско-мировоззренческий аспект решения вопроса «кто я?». Связанная с ним рефлексия соотносит индивидуальное «я» или коллективное «мы» с типом личности или общности и связанными с ними высшими смысложизненными ценностями и идеалами, с доминированием традиционных, модернистских или постмодернистских установок в системе социокультурных ориентаций, с выбором репродуктивного или креативного, «открытого» или «закрытого»

сценариев самоутверждения и социального взаимодействия. Помочь человеку в поиске оснований своего «я» наряду с другими отраслями социально-гуманитарного знания может философия. Именно она выявляет тот факт, что затруднения человека при попытке ответить на вопрос «кто я такой?» указывают на фрагментацию сознания, ставящую под вопрос «важнейшее условие нормальной человеческой жизнедеятельности (с точки зрения той нормы, которая до сих пор была неоспоримой) – существование единства сознания, как синхронного, так и диахронного» [Лекторский 2017, 111].

Современная технологическая революция требует от человека не просто готовности и способности осваивать постоянно обновляющийся арсенал прикладных знаний, умений и навыков, но и ясного понимания конечных смыслов и целей технологического действия. При этом все чаще мы сталкиваемся с ситуациями, когда скорость технологических инноваций существенно обгоняет объективное выявление всего комплекса их реальных последствий и осознание людьми их возможного спектра. Социальный опыт XX в. убедительно подтвердил справедливость выдвинутой современной философией идеи об открытости и непредопределенности человека, его равной способности к добру и злу. В свете этого вопрос о том, куда и на что направит человек современные и будущие технологические инновации, прямо связывается с вопросом о самосохранении и перспективах человека и современной цивилизации. Технологический выбор становится сегодня экзистенциальным. Среди других видов социально-гуманитарного знания именно философское ориентировано на поиск разумного выбора того или иного варианта отношения человека к окружающей действительности.

Информатизация общества порождает не только проблему освоения информации, ее превращения в знание. Информационные войны и связанные с ними манипулятивные технологии приводят к тому, что человек и общество сталкиваются с избыточностью знания, его принудительным навязыванием, превращением человека в значительной мере в существо, управляемое и манипулируемое информационными процессами и кампаниями.

Самосохранение человека, общества и культуры в этих условиях ставит проблему обеспечения информационной гигиены, формирования и поддержания информационного иммунитета. Все это трудно представить вне философского дискурса о самосознании, самоконтроле, самоорганизации и критическом мышлении.

Осмысление процессов глобализации и информатизации в последние десятилетия позволило заметно углубить наши представления о современном обществе как «обществе риска». Сегодня мы говорим о рискованных субъектах и их стратегии, бросающей вызов не только традиционным, но и инновационным социальным практикам и институтам. Управление рисками порождает противоречивую ситуацию. Как отмечает В.А. Лекторский, «с одной стороны, появляется необходимость принятия быстрых решений в непредвиденных ситуациях, то есть увеличения пространства свободы. С другой – возникает необходимость большего контроля за индивидом со стороны общества, особенно в условиях техногенных и террористических угроз» [Лекторский 2017, 112]. Меры по минимизации рисков, по профилактике и предотвращению материального и социального ущерба не избавляют нас от обсуждения вопросов о цене достигаемых результатов. Является ли социальной цена неизбежной при принятии любого социального решения или она возникает только в ситуациях неопределенности и риска? Готово ли общество принять практики принуждения, профилактирующие риски или направленные на снижение их социальной цены? Все это придает традиционной социально-философской и философско-антропологической проблематике экзистенциальное измерение.

Социокультурные трансформации конца XX – начала XXI в. создали парадоксальную ситуацию, когда калейдоскопичность бытия, высокий темп коммуникации и социальных изменений запускают действие противоречивых тенденций. С одной стороны, современное российское общество не готово и не хочет читать «длинные тексты» культуры. Оно не готово принять «медленное» время романа или философского трактата. С другой стороны, оно готово к постижению «длинных мыслей»: испытывает потребность в проекте

«образа будущего», интересуется социальными прогнозами, хочет иметь представления о «будущем своих детей» и социальной перспективе. С одной стороны, в фокусе общественного мнения чаще оказываются конкретные ситуации, микромасштабы пространства-времени, чем макросоциальные сдвиги и преобразования. С другой стороны, желание быть счастливым «здесь и теперь» сочетается с «алармистским глобализмом», обостренным вниманием к планетарным проблемам.

Общественное сознание оказывается в своеобразном «плёну» глобального пространственного мышления в ущерб глубокому изучению перспектив социальной организации будущего. Исследователи видят в этом одно из важнейших проявлений кризиса цивилизации [Гусейнов 2017, 66]. Но перед нами и кризис хронотопа знаково-символических систем современной культуры. Распространяется ли он на хронотоп текстов современного российского философского знания? Какова в этой связи судьба академического философствования? Должно ли его функционирование опосредоваться различными формами презентации и «технологизации» философского знания, приближающими логику философского дискурса к логике социальных и управленческих практик?

Необходимость подобных опосредований, по нашему мнению, обусловлена качественными сдвигами в уровне общей культуры и интеллектуального развития не только студенческой, но и любой современной аудитории. Кризис книжной культуры проявляется сегодня в неготовности и неспособности большинства обучающихся самостоятельно читать научные, а тем более философские тексты. Уход из сферы самостоятельного понимания развернутых сюжетных повествований «больших текстов» привел к деформации и частичной утрате способности к монологической речи и связанному с ней последовательному развитию мысли. Все большее число студентов обнаруживает снижение способности к абстрагированию, обобщению, неумение делать вывод из принятых ранее посылок, выявлять причинно-следственные связи событий и явлений. Распространение этих процессов, превращение их в часть повседневности привело к примитивизации социальной ком-

муникации, сведению ее к односложности и однозначности вопросов и ответов, что легко заменяет живой человеческий контакт общением при помощи «умных гаджетов».

Традиционно важнейшей формой презентации философии была демонстрация ее методологических функций, а также познавательных возможностей сформированного у ученого или специалиста самостоятельного профессионального творческого мышления. Как правило, такая демонстрация осуществлялась в рамках изучения общего курса философии в вузах, а также при чтении специальных курсов по философии на философских факультетах и отделениях. В начале XXI в. актуальность методологических функций философии очевидна лишь для узкого круга ученых и специалистов. Общие курсы по философии сегодня также не ориентированы на методологическую проблематику.

Отказавшись от академических форм подачи философских тем и сюжетов, мы оказываемся перед необходимостью апеллировать к проблемному полю антропологии, аксиологии, праксиологии, этики, связывать его с повседневным опытом аудитории, типичными жизненными ситуациями. Такая связь открывает возможности показывать, что сформированное философией самостоятельное критическое мышление личности может быть ее важнейшим жизненным ориентиром, снижающим риски, ослабляющим угрозы и возвышающим достоинство человека. И хотя технологии и практики критического мышления связаны со знаниями в области психологии, педагогики, риторики, социологии, его фундамент образуют философские представления и концепты. Важнейшим достоинством этого способа «погружения» в философию является его связь с анализом конкретных ситуаций, живого повседневного и профессионального опыта.

Обращенное на себя, критическое мышление приобретает черты рефлексивности. Нельзя не согласиться с М.Г. Зеленцовой и Е.С. Жарковой в том, что «сохранение онтологической целостности “Я” и преодоление кризисов идентичности требуют от человека постоянной познавательной и оценочной активности, направленной как вовнутрь, так и вовне – на окружающий индивида социальный

мир и на других людей» [Зеленцова, Жаркова 2017, 86]. Излишне говорить о роли рефлексивности сознания и мышления в развитии творческого потенциала личности и ее самосовершенствования, в реализации намеченных планов, построении карьеры. В условиях нелинейности протекания сложных процессов и растущей роли сознательного воздействия на них идея рефлексивности как постоянного внутреннего мониторинга собственной деятельности, как элемента самоорганизации сложных систем приобретает новые смыслы.

Неслучайно в теории управления появилась стратегия «рефлексивного управления», ориентированная на отслеживание реакций управляемых на действия менеджеров, позволяющее своевременно корректировать ранее принятые решения и предупреждать возникновение сбоев в управляемой системе [Усов 2008; Фрейдина, Корох 2011]. Элементы рефлексивного управления включает в себя и корпоративная этика, представляющая собой использование «мягкой силы» неформальных норм и правил для открытого обсуждения положения дел в группе, рационального выбора варианта поведения и тем самым интеграции локальных социальных сообществ. Проникая в повседневную жизнь общности, нормы корпоративной этики хабиитуализируются, усиливают роль неформальных норм и правил, стимулируют развитие внутренней самоорганизации.

В современной социальной и политической теории обсуждается проблема «рефлексивной модернизации», трансформирующая доктрину рефлексивного управления отдельными общностями и организациями в стратегию комплексного макросоциального изменения целых обществ [Козлова 2014; Тесленко 2014; Браславский 2023]. Тем самым приватный характер рефлексии, ее погруженность в интимный мир самосознания личности уступают место способности субъектов к публично-политическому, институционально организованному осуществлению самоанализа и корректировки собственных действий. Обусловленная глобальными информационно-технологическими сдвигами динамика современной социальной реальности формирует потребность во взаимосвязи рефлексивно ориентированного сознания и мышления человека с

реализацией его жизненных и социальных стратегий.

Поскольку обсуждение проблем критичности и рефлексивности нашего сознания и мышления возможно как в приватном, так и в гласном, публичном формате, постольку важно видеть особенности и возможности каждого из них. Формат интеллектуального клуба привычен для нашей аудитории еще с советского времени. Таковы, например, киноклубы, литературные клубы, иные клубы художественно-критической направленности. Важно, чтобы эта традиция в эпоху воинственной манифестации массовой, репродуктивной культуры не была отброшена или забыта. Немногие центры профессиональной, креативной культуры (вузы, театры, музеи, библиотеки), опираясь на современные медиа-технологии, могут не только расширить аудиторию участников, сохранить прежние традиции, но и обогатить их на счет участия в дискуссиях профессиональных философов.

Если формат публичной дискуссии в интеллектуальном клубе известен в общественном мнении и легитимирован в культуре, то с приватным форматом дело обстоит сложнее. Многовековая традиция относит рефлексии исповедального жанра к феноменам религиозной духовности. Появившийся и достаточно распространившийся феномен личностного психологического консультирования поставил вопрос о возможности существования «светского исповедального жанра». Сегодня не только классическая психология, но и практики тренингов личностного роста и коучинга претендуют на статус «учителей жизни», открывающих путь к успеху и полагающих основные смыслы и ценности. Но потенциал философии на этой ниве несопоставимо больше, а предлагаемые ею решения гораздо глубже и содержательнее, чем рецептурные рекомендации сомнительного происхождения, получаемые в ходе сеансов и тренингов.

Диапазон возможного применения философского знания веками охватывал как проблемы частной жизни, так и вопросы публичного характера. Лишь в начале XX в. была проведена демаркация дисциплинарной структуры философского и психологического знания. Не пытаюсь стереть эту дифференциацию и подменить психологию, хотим подчеркнуть,

что сегодня нет никаких причин ставить под сомнение возможности философского знания в различных сферах личностного консультирования.

В современном обществе риска, в котором, с одной стороны, множатся попытки управляющего воздействия, а с другой – нарастает непредсказуемость условий, форм и перспектив бытия человека и общества, справедливо поднимается проблема упреждающего прогнозирования последствий инновационного развития. В отечественной философии уже не раз ставился вопрос о необходимости комплексной экспертизы программ и проектов уже на стадии их разработки или на ранних этапах реализации [Брызгалина и др. 2022]. В данном случае подчеркнем лишь один принципиально важный момент: эта экспертиза даст существенно большие результаты при включении в междисциплинарное экспертное сообщество философов.

Именно философия XX в. сформировала взаимодополняющие методологические подходы к комплексному анализу отдельных ситуаций и динамично протекающих нелинейных процессов, подчеркнув относительность получаемых истин, их неразрывную связь с определенным природным и культурным контекстом. Философские идеи критического мышления и рефлексивности имеют множество вариантов концептуализации процедур выбора и принятия решений в границах и на стыке конкретных наук, что позволяет увидеть множество сторон потенциальных и актуальных аспектов антропогенного воздействия на реальность. С.А. Горохов рисует масштабные перспективы философской экспертизы, которая «обусловлена формирующейся насущной потребностью в возникновении нового социального института, а именно экспертного института, который в рамках современного общества будет выполнять задачи экспертных оценок изменений, происходящих в других институтах: государства, образования, производства и так далее. Он должен не только давать оценки, но и предвосхищать их, регулировать, объединять в единое поле развития современного общества» [Горохов 2020, 55].

Особое значение имеют новые формы и методические приемы презентации философского знания в работе с будущими философами.

Ранее мы уже указывали на такие тормозящие образование и личностное развитие черты части сегодняшних студентов как невладение связной монологической речью, отсутствие навыков чтения философских и научных текстов, участия в дискуссиях, владения научным стилем изложения. Их деструктивное воздействие усиливается узостью кругозора и ограниченностью социального опыта.

Если мы сохраняем подготовку бакалавров-философов, то на первых двух курсах мы всерьез должны заняться коррекцией этих дидактических упущений. Сегодня эта работа ведется практически везде, но она носит несистемный характер и слабо ориентирована на специфику будущей профессии. В качестве модели ее оптимизации можно рассматривать опыт социологов, имеющих в своих учебных планах «Комплексный практикум по социологии» занимающий в ряде вузов до пяти семестров. Применительно к философии такой комплексный практикум мог бы включать семестровые курсы «Практикума категорий и понятий», «Практикума по риторике», «Практикума по аналитическому чтению философских текстов», а также «Практикума по академическому письму».

Лишь после этого (в конце второго курса) можно говорить о самостоятельном написании большинством студентов курсовых работ, научных докладов, осознанном выполнении других творческих работ. Классическая лекция не исчезает, но в эпоху торжества интернета и доминирования в методике видеоряда она приобретает новый облик. Авторская лекция – это либо авторский комментарий к сложным вопросам и темам, требующим детальной проработки, иногда в режиме диалога с аудиторией, либо оригинальная интерпретация темы или раздела, построенная на полемике лектора с оппонентами. Высшей по сложности формой аудиторной работы является сегодня семинар, построенный на обмене мнениями и полемике (диалоге) самих студентов.

Но при сохранении двухступенчатой модели высшего образования есть и иной сценарий философского образования – перенос его исключительно на высшую ступень (магистратуру), которая должна стать трехлетней. Первая ступень высшего образования может быть любой: на ней устраняются основные

дефекты школьного образования, мешающие развитию личности. Одновременно за эти четыре года приобретает определенный социальный и исследовательский опыт, играющий роль своеобразного культурно-нравственного пропуска для занятий такой мировоззренческой дисциплиной как философия.

Завершая обсуждение взаимосвязи новых форм презентации философского знания с современной социокультурной ситуацией, важно подчеркнуть, что параллельно с решением этих задач должен измениться и сам субъект философствования. Это, как пишет В.В. Скоробогачкий, «субъект, который решается философствовать и который, согласно Гегелю, представляет собой начало философии» [Скоробогачкий 2021, 72]. Но сегодня субъект философствования не может быть сведен лишь к определенному личностному типу, погруженному в силу внутренней мотивации в стихию свободного мышления о всеобщих началах бытия безотносительно к образовательным программам и учебным дисциплинам.

Выходящее за пределы учебных аудиторий философское просвещение элиты, среднего класса, ядра профессиональных сообществ и молодежи требует объединения усилий философов разных специализаций и направлений, создания философских коллективов, способных решать сложные мировоззренческие и социально-технологические задачи. Экспертиза, способная влиять на настроения и планы элиты и общественного мнения, требует создания междисциплинарных объединений ученых, способности философов интегрироваться в них и формировать единый метанаучный дискурс, ясность и убедительность которого сочеталась бы с научно-философской содержательностью. Наконец, должно сформироваться новое поколение исследователей и преподавателей, которое будет способно принять эстафету своих учителей и предшественников, сохранить и умножить духовный потенциал не только профессиональной корпорации философов, но и всего российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Браславский 2023 – *Браславский Р.* Энтони Гидденс и цивилизационный анализ: модерн между рефлексивностью и культурой // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22, № 1. С. 147–174.
- Брызгалина и др. 2022 – *Брызгалина Е.В., Вархотов Т.А., Зайцев Д.В., Козырев А.П., Кротов А.А.* Требуется эксперты XXI века! // Вопросы философии. 2022. №1. С. 8–18.
- Горохов 2020 – *Горохов С.А.* Философская экспертиза // Этнодиалоги: альманах. 2020. № 1 (59). С. 52–61.
- Гусейнов 2017 – *Гусейнов А.А.* Будущее без будущего // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2017. С. 63–66.
- Зеленцова, Жаркова 2017 – *Зеленцова М.Г., Жаркова Е.С.* Проблема идентичности: философские аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 85–89.
- Козлова 2014 – *Козлова В.А.* Антропологические основания теории рефлексивной модернизации Э. Гидденса // Дискуссия: журнал научных публикаций. 2014. № 6 (47). С. 23–26.
- Лекторский 2017 – *Лекторский В.А.* Вызовы современного глобального мира: чего ждать, на что надеяться, что делать // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2017. С. 110–114.
- Лосев 1990 – *Лосев А.Ф.* Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М.: Сов. писатель, 1990.
- Скоробогачкий 2021 – *Скоробогачкий В.В.* Возможна ли философия в ситуации безвременья, или об условиях философствования в мире, в котором мы живем // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 19–21 ноября 2020 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 66–72.
- Тесленко 2014 – *Тесленко О.А.* У. Бек: рефлексивность модернизации и становление глобального общества риска // Вестник Тверского ГУ. Серия «Философия». 2014. Вып. 2. С. 228–243.
- Усов 2008 – *Усов В.Н.* Рефлексивное управление: философско-методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2008.
- Фрейдина, Корох 2011 – *Фрейдина Е.В., Корох А.А.* Развитие методологии рефлексивного управления и инструментария когнитивной функции // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2. С. 27–51.

REFERENCES

- Braslavskij R., 2023. Anthony Giddens and Civilizational Analysis: Modernity Between Reflexivity and Culture. *Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 22, no. 1, pp. 147-174.
- Bryzgalina E.V., Varhotov T.A., Zajcev D.V., Kozyrev A.P., Krotov A.A., 2022. 21st Century Experts Required! *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 8-18.
- Gorohov S.A., 2020. Philosophical Expertise. *Etnodialogi: almanah*, no. 1 (59), pp. 52-61.
- Gusejnov A.A., 2017. Future Without Future. *Globalnyj mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego: XVII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya, 18–20 maya 2017 g.* Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUP, pp. 63-66.
- Zelencova M.G., Zharkova E.S., 2017. Identity Problem: Philosophical Aspects. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9 (83), pp. 85-89.
- Kozlova V.A., 2014. Anthropological Grounds of Reflexive Modernization Theory by Anthony Giddens. *Diskussiya: zhurnal nauchnyh publikacij*, no. 6 (47), pp. 23-26.
- Lektorskij V.A., 2017. Challenges of the Modern Global World: What to Expect, What to Hope For, What to Do. *Globalnyj mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego: XVII Mezhdunarodnye Lihachevskie nauchnye chteniya, 18–20 maya 2017 g.* Saint Petersburg, Izd-vo SPbGUP, pp. 110-114.
- Losev A.F., 1990. *Passion for Dialectics. The Literary Reflections of the Philosopher.* Moscow, Sov. pisatel Publ.
- Skorobogackij V.V., 2021. The Possibility of Philosophy in the Situation of Timelessness, or About the Conditions of Philosophizing in the World, We Live. Burbulis Yu.V. (ed.). *Filosofiya segodnya: cennosti, perspektivy, smysly: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 19–21 noyabrya 2020 g.)*. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 66-72.
- Teslenko O.A., 2014. U. Beck: Reflexive Modernization and the Emergence of Global Risk Society. *Vestnik Tverskogo GU, Seriya «Filosofiya»*, iss. 2, pp. 228-243.
- Usov V.N., 2008. *Reflexive Management: Philosophical and Methodological Aspect. Dr. philos. sci. abs. diss.* Yekaterinburg.
- Frejdina E.V., Koroh A.A., 2011. The Development of the Methodology of the Reflexive Control and Tools of the Cognitive Function. *Vestnik NGUEU*, no. 2, pp. 27-51.

Information About the Author

Aleksander L. Strizoe, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, strizoe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Информация об авторе

Александр Леонидович Стризов, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, strizoe@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.8>

UDC 101.1
LBC 87.1

Submitted: 19.08.2024
Accepted: 09.12.2024

POPULARIZATION OF PHILOSOPHY IN A TECHNOLOGICAL SOCIETY: OPPORTUNITIES AND RISKS

Natalia N. Pluzhnikova

Moscow Polytechnic University (Moscow Polytech), Moscow, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the process of popularization of philosophical knowledge in modern culture. The author identifies the main trends in the popularization of philosophy, which lead to a simplification of the understanding of philosophical knowledge, the loss of its “academic” component, as well as to the ideologization and politicization of philosophy. As a component of the popularization of philosophy today, the author analyzes the position of traditionalism. The author also turns to the origins of consideration of the status of philosophical knowledge in the teachings of Plato, Aristotle, and M. Heidegger. If Plato and Aristotle understood philosophy as mostly rational knowledge, then in the twentieth century, understanding the essence of philosophy becomes impossible without understanding human thinking, which connects philosophy with reality, society, and culture. The author turns to the specifics of philosophical knowledge, on the basis of which prospects for the popularization of philosophy are opened with the condition of maintaining its status as a special kind of knowledge. The author considers educational and educational resources as such opportunities. The author points out the need for a revision of philosophical knowledge, a critical and skeptical attitude towards the world and global processes occurring in the modern world. However, in the conditions of such a revision, which can be assessed as a crisis of philosophical knowledge, a new anthropological turn in philosophy in a state of anxiety becomes relevant – a turn to man and his spirituality, which opens up new opportunities for strengthening, popularizing, and developing philosophy today, especially in Russia. As a popularization of philosophy, the author considers not only online platforms and online education but also the development of authors’ courses and the development of book culture.

Key words: popularization of philosophy, philosophical knowledge, anthropological turn in philosophy, spirituality, human existence, culture.

Citation. Pluzhnikova N.N. Popularization of Philosophy in a Technological Society: Opportunities and Risks. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 61-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.8>

УДК 101.1
ББК 87.1

Дата поступления статьи: 19.08.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ФИЛОСОФИИ В ТЕХНИЗИРОВАННОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Наталья Николаевна Плужникова

Московский политехнический университет (Московский Политех), г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена процессу популяризации философского знания в современной культуре. Автор выявляет основные тенденции популяризации философии, которые ведут к упрощению понимания философского знания, потере его «академической» составляющей, а также к идеологизации и политизации философии. В качестве актуальной составляющей популяризации философии автором анализируется позиция традиционализма. Также автор обращается к истокам рассмотрения статуса философского знания в учениях Платона, Аристотеля, М. Хайдеггера. Если Платон и Аристотель понимали под философией по большей части рациональное знание, то в условиях XX в. понимание сущности философии становится невозможным без обращения к человеческому мышлению, которое связывает философию с действительностью, обществом и культурой. Отмечается, что популяризация философии должна сочетаться с сохранением ее статуса в качестве особого рода знания. Эту возможность призваны обеспечить образовательные и просветительские ресурсы. Автор указывает на необходимость ревизии содержания философского знания,

критического и скептического отношения к мировым и глобальным процессам, происходящим в современном мире. В условиях подобной ревизии, связанной с кризисом философского знания, становится актуальным новый антропологический поворот в философии – поворот к человеческой духовности, открывающий новые возможности для популяризации и развития философии сегодня, особенно в России, не только с помощью онлайн-платформ и интернет-образования, но и за счет создания авторских курсов и развития книжной культуры.

Ключевые слова: популяризация философии, философское знание, антропологический поворот в философии, духовность, человеческое существование, культура.

Цитирование. Плужникова Н. Н. Популяризация философии в технизированном обществе: возможности и риски // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 61–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.8>

В настоящее время философия как особый вид знания и критики мышления становится крайне востребованной. С 5 по 8 июня 2024 г. в России проходил Петербургский Международный экономический форум, на котором был поднят вопрос о востребованности философии сегодня, о необходимости сосуществования многополярных взглядов и интеллектуальных традиций в философии [Винокуров web]. Данный процесс указывает на то, что философия становится если не ведущим, то, по крайней мере, элитарным видом знания, несущим сакральный и политический смысл.

Какая философия сегодня нам необходима? Сторонники традиционализма полагают, что исчерпание западной философией лимита однополярности поставило на повестку дня вопрос об «эпохе большого перехода» к переосмыслению многополярности [Дугин 2024а] и в этом контексте вопрос о переосмыслении роли русской философии в мировой истории. Согласно традиционалистам, философия сегодня должна стать новым культурным кодом русской цивилизации, открытым для общения с другими цивилизациями. Данная тенденция переосмысления роли философского знания восходит как к философии диалога [Buber 1990], так и к идеям русских мыслителей, в частности, Л.Н. Гумилева [Гумилев 2020].

Безусловно, в условиях современной геополитической ситуации философия как часть мировой культуры становится оплотом и механизмом конструирования идентичности. Набирает силу тенденция популяризации философии, что положительно сказывается на ее развитии в качестве особого вида знания. Одновременно возрастает риск идеологизации и политизации философского знания, что противоречит его сущностной характеристике – полипарадигмальности. В условиях многопо-

лярности философия оказывается в трудных условиях поиска собственной идентичности и выживания. С одной стороны, философия уходит в сторону политической и даже политизированной философии, с другой – «спускается» на обыденный уровень, так что все более распространённым становится убеждение, что философией может заниматься каждый. Философия оказывается лишенной эксклюзивности. В этом смысле позиция традиционалистов создает философии «сильный тыл» со стороны политики. Ведь философия, как и культура, развивается сегодня в ситуации острого цивилизационного противоречия между Россией и Западом. Поэтому необходима ревизия самой философии, подобно той, которую осуществила в свое время немецкая классическая философия, переосмыслив наследие философии Нового времени и эпохи Просвещения. Это должно быть критическое переосмысление при одновременном сохранении философии на профессиональном, элитарном уровне. Именно поэтому А.И. Дугин пишет, что сегодня необходимы новые учителя философии, патриоты и носители Русской идеи [Дугин 2024 б, 8].

Подобная позиция требует популяризации философии, за которой сохраняется статус особого рода знания. Популяризация не должна стать упрощением, сведением философии до уровня «диванной аналитики», в которой упражняются люди без философского образования. В этом случае философия превращается в «философию идущего к реке» [В чем заключается философия... web]: она близка и понятна обывателю, однако теряет статус познания, осуществляемого с позиций критики, то есть задающего и осмысливающего свои границы в смысле, сформулированном Сократом, и имеющего своим основанием конструктивный

скептицизм. Философия в условиях популяризации рискует утратить академичность по причине вульгаризации, упрощения, снижения сложности. В этом случае она превращается в «контент», компилируемый неспециалистами. Поэтому не так редки случаи, когда на образовательных платформах, например, человек, который занимается археологией, размышляет над сложным философским вопросом о сознании, или специалист по нейрофизиологии переосмысливает философское понятие любви. Популяризация оборачивается атакой на философию как науку, приводит к размыванию ее границ и смешению с другими видами знания, в том числе с псевдонаучными.

Философия связана с мировоззрением человека. Однако мировоззрение как система убеждений, взглядов и установок представляют собой продукт рефлексии человека. С одной стороны, человек при восприятии действительности как бы «отзеркаливает», упрощает ее, но, с другой стороны, данное «отзеркаливание» необходимо, чтобы найти точку опоры и обретения смысла индивидуального существования. В этом смысле философия есть поиск индивидуальной точки опоры, поскольку философы стремятся выстраивать картину мира самостоятельно, отказываясь от коллективных и навязанных обществом или властью идеологий. Философия контрарна идеологии, она выходит за пределы идеологических описаний действительности, подвергая эти описания рефлексии и скепсису.

Философская рефлексия и скепсис, результатом которых становится конструирование собственных смыслов, осуществляются, как правило, в условиях острых социальных и экзистенциальных противоречий. М. Хайдеггер указывал, что характерной чертой философии является ее стремление делать вещи более сложными для мышления, поскольку она вводит ненаблюдаемые сущности для того, чтобы объяснить наблюдаемое [Heidegger 1964]. Поэтому с практической точки зрения философия бесполезна и всегда несвоевременна. Представление о том, что философия представляет собой некое избыточное знание, связана с ее спецификой. Философ не открывает истину, но указывает путь к находящейся в бытии истине и выступает ориентиром для ищущего ее мышления.

Философское мышление всегда связано с личной ответственностью философа перед собственным мышлением, которое позволяет ему абстрагироваться от повседневности в условиях острого духовного напряжения мысли. Платон считал, что мудрецу в этом мире делать нечего [Платон 2015, 241]. Речь здесь не столько об абстрагировании от мира, сколько о специфике философского мышления, которое обречено на постоянную попытку соединения сложных для созерцаний идей, категорий и понятий и обыденного утилитарного мышления, лишённого созерцательного характера. Примечателен сюжет мифа о пещере Платона, в котором философ выходит из пещеры, в которой находится большая часть людей, созерцающих тени на стене пещеры. Люди довольствуются этими тенями, не прилагая усилий, чтобы выйти из пещеры и увидеть солнце. Для Платона только философ способен подняться в подлинный истинный мир духовных ценностей. При этом наиболее трудной задачей является возвращение к людям, донесения до них истинных смыслов. В этом заключается предназначение философии, артикулированное Платоном и актуальное до сих пор.

Другой античный философ Аристотель полагал, что философия начинается с удивления [Аристотель, 2018, 21]. Чтобы удивиться новому, необходимо быть готовым идти на встречу новым знаниям. Поэтому философия всегда связана с открытостью и диалогичностью мышления.

Философия представляет собой форму познания мира, вырабатывающую систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого существования, а также о законах развития общества и культуры, о специфике отношения мышления к общественным и духовным сторонам жизни. Философия представляет собой рациональную форму знания, поскольку пытается выработать предельно обобщенную картину мира и места человека в ней. Данный процесс осуществляется на основе научных методов (что роднит философию с конкретными науками) и связан с использованием аргументации и логических приемов мышления.

Современное развитие общества, характеризующееся использованием технологий

искусственного интеллекта, машинного обучения, нейросетей, все менее связано с осмыслением происходящего с нами сейчас. Естественное все больше заменяется искусственным, продукты человеческой деятельности все больше отчуждаются от человека, появляется риск утраты контроля над технологиями. В этом плане философия как сфера свободного мышления, ставящая перед человеком жизненно важные вопросы, предлагает человеку остановиться и задуматься, переоценить роль того, что было создано и спрогнозировать то, что будет существовать. Тем самым она создает «островки» устойчивости в условиях технологических рисков и неопределенности будущего.

В условиях неопределенности важным становится поиск самоопределения, идентичности в мире, обращение к собственному культурному и национальному наследию. В этом плане философия как особый тип мышления позволяет критически оценивать собственную позицию, осознавать значимость своей культуры и своей истории в условиях глобальных международных противоречий и культурных конфликтов. В современных условиях философия становится смыслообразующим вектором развития собственной культуры. Философские идеи и смыслы отражают трансформацию образа мира современного человека, его отношение к действительности и его ценностные ориентации. Философские вопросы обладают особой значимостью для каждого человека, поскольку касаются существования всех людей. Это вопросы о сущности любви и смысле смерти, о понимании власти и экзистенциальных противоречий.

Согласно М. Хайдеггеру, Dasein (бытие) раскрывается в своей подлинности именно благодаря тревожному состоянию ума в качестве особого настроения, позволяющего человеку осуществлять движение к подлинности как к возможности. Благодаря тревоге возможно движение человека к Dasein [Хайдеггер 1997], которое позволяет ему обрести и осуществить собственное бытие и нести за это бытие ответственность. Данная мысль отчетливо представлена у современных экзистенциальных психологов, например у И.Д. Ялома [Yalom 1985] и Дж. Бьюдженталь [Бьюдженталь 2017]. В современных условиях именно

такая миссия, на наш взгляд, и возложена на философию.

В настоящее время существует много возможностей популяризации академической философии. Так, крупнейшее российское издательство АСТ уже несколько лет выпускает серию книг «Философия на пальцах», направленную на популяризацию философского знания [Плужникова 2023; Плужникова 2024]. В университетах существуют открытые образовательные платформы, позволяющие желающим расширить свой философский кругозор. Многочисленные телеграмм-каналы объединяют людей, проявляющих интерес к философии искусства, философии политики и т. д. Перспективна популяризация философии в форме оригинальных жанров, ориентированных на конкретную аудиторию (например, в форме комиксов подростков [Snider web]). Станут ли эти широкие перспективы «местом силы» для философии – покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель 2018 – *Аристотель*. Метафизика. М.: РИПОЛ-классик, 2018.
- Бьюдженталь 2017 – *Бьюдженталь Дж.* Наука быть живым. М.: Корвет, 2017.
- В чем заключается философия... web – В чем заключается философия идущего к реке? // <https://artforintrovert.ru/materials/tpost/lm9sxxg13n1-v-chem-zaklyuchaetsya-filosofiya-idusche?ysclid=lxawc0esjw684366947>
- Винокуров web – *Винокуров А.* Глубина отрицания. Участники ПМЭФ обсудили духовные и идеологические аспекты многополярности // <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/6748080>
- Гумилев 2020 – *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. М.: АСТ, 2020.
- Дугин 2024а – *Дугин А.И.* Теория многополярного Мира. Плюриверсум. М.: Академический проект, 2024.
- Дугин 2024б – *Дугин А.И.* Многополярный мир: от идеи к реальности. М.: Академ. проект, 2024.
- Платон 2015 – *Платон*. Государство. М.: Академ. проект, 2015.
- Плужникова (авт.-сост.) 2023 – *Плужникова Н.Н. (авт.-сост.)*. Мышление. Что о нем думают философы: Сократ, Фрэнсис Бэкон, Рене Декарт, Иммануил Кант, Георг Гегель и другие. М.: АСТ, 2023.

- Плужникова (авт.-сост.) 2024 – Плужникова Н.Н. (авт.-сост.). Любовь. Что о ней говорят философы: Платон, Рене Декарт, Бенедикт Спиноза, Фридрих Ницше, Эрих Фромм и другие. М.: АСТ, 2024.
- Хайдеггер 1997 – Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Buber 1990 – Buber M. Oerdistantie en relatie: bijdragen tot een filosofische antropologie. Utrecht: Bijleveld, 1990.
- Heidegger 1964 – Heidegger M. Das Ende der Philosophie und die Aufgabe des Denkens // Zur Sache des Denkens. GmbH: Max Niemeyer Verlag, 1964. P. 67–90.
- Snider web – Snider J. Action Philosophers by Fred Van Lente and Ryan Dunlavey // https://philosophynow.org/issues/57/Action_Philosophers_by_Fred_Van_Lente_and_Ryan_Dunlavey
- Yalom 1985 – Yalom I.D. The Theory and Practice of Group Psychotherapy. 3rd ed. N. Y.: Basic books, cop., 1985.
- Vinokurov A. *The Depth of Denial. SPIEF Participants Discussed the Spiritual and Ideological Aspects of Multipolarity*. URL: <https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/6748080>
- Gumilev L.N., 2020. *From Russia to Russia*. Moscow, AST Publ.
- Dugin A.I., 2024a. *Theory of the Multipolar World. The Pluriverse*. Moscow, Akadem. proekt Publ.
- Dugin A.I., 2024b. *A Multipolar World: From Idea to Reality*. Moscow, Akadem. proekt Publ.
- Plato, 2015. *State*. Moscow, Akadem. proekt Publ.
- Pluzhnikova N. (ed.), 2023. *Thinking. What Philosophers Think About It: Socrates, Francis Bacon, Rene Descartes, Immanuel Kant, Georg Hegel and Others*. Moscow, AST Publ.
- Pluzhnikova N. (ed.), 2024. *Love. What Philosophers Say About It: Plato, Rene Descartes, Benedict Spinoza, Friedrich Nietzsche, Erich Fromm and Others*. Moscow, AST Publ.
- Heidegger M., 1997. *Being and Time*. Moscow, Ad Marginem.
- Buber M., 1990. *Oerdistantie en relatie: bijdragen tot een filosofische antropologie*. Utrecht, Bijleveld.
- Heidegger M., 2007. *Das Ende der Philosophie und die Aufgabe des Denkens. Zur Sache des Denkens*. GmbH, Max Niemeyer Verlag, pp. 67-90.
- Snider J. *Action Philosophers by Fred Van Lente and Ryan Dunlavey*. URL: https://philosophynow.org/issues/57/Action_Philosophers_by_Fred_Van_Lente_and_Ryan_Dunlavey
- Yalom I.D., 1985. *The Theory and Practice of Group Psychotherapy*. New York, Basic books, cop. 1985.

REFERENCES

- Aristotle, 2018. *Metaphysics*. Moscow, Ripol klassik Publ.
- Bujenthal J., 2017. *The Science of Being Alive*. Moscow, Korvet Publ.
- What Is the Philosophy of Going to the River?* URL: <https://artforintrovert.ru/materials/tpost/lm9sxxg13n1-v-chem-zaklyuchaetsya-filosofiyaidusche?ysclid=lxawc0esjw684366947>

Information About the Author

Natalia N. Pluzhnikova, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Humanitarian Disciplines, Moscow Polytechnic University (Moscow Polytech), Bolshaya Semyonovskaya St, 38, 107023 Moscow, Russian Federation, pluzhnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

Информация об авторе

Наталья Николаевна Плужникова, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, Московский политехнический университет (Московский Политех), ул. Большая Семёновская, 38, 107023 г. Москва, Российская Федерация, pluzhnikova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4143-1216>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.9>

UDC 1:37
LBC 87.000.4

Submitted: 14.11.2024
Accepted: 09.12.2024

THROUGH PHILOSOPHICAL EDUCATION TO THE AWARENESS OF RESPONSIBILITY TO THE FUTURE

Tatyana S. Gorina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of philosophical education in the awareness of responsibility to the future. Such responsibility is associated with obligations, in the implementation of which various subjects must take into account the long-term consequences of their actions, their impact on new generations, and ensure that these generations inherit a more perfect world and have access to various opportunities and resources. The components of responsibility to the future, the grounds for its imputation and acceptance, are identified. It is indicated that critical thinking plays a major role in the awareness of responsibility to the future, the development of which occurs through philosophical education and is necessary for making informed, responsible decisions and understanding how personal choice affects broader social problems. Ideas about the interconnectedness of processes occurring in the world, obtained through philosophical education, help to put long-term results above immediate benefits, identify and overcome the underlying causes of present and future problems, and recognize the importance of preventive measures. It is noted that in the process of working with philosophical texts, respect for different points of view is formed, the ability to empathize with others and accept and understand their position develops, which allows one to pay attention to the difficulties and needs of future generations and take actions motivated by concern for their well-being. It is emphasized that philosophical education provides an opportunity to gain an idea of the influence of socio-cultural conditions on worldview, helps to see beyond national and cultural boundaries, cultivating tolerance, forming intercultural sensitivity and awareness, which leads to an increase in the scope of responsibility, the inclusion of representatives of diverse communities in it, and is of decisive importance for successfully overcoming disagreements, setting and achieving common goals oriented towards the future, building a responsible society.

Key words: responsibility to the future, future generations, philosophical education, critical thinking, responsible society.

Citation. Gorina T.S. Through Philosophical Education to the Awareness of Responsibility to the Future. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 66-72. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.9>

УДК 1:37
ББК 87.000.4

Дата поступления статьи: 14.11.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ЧЕРЕЗ ФИЛОСОФСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ К ОСОЗНАНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПЕРЕД БУДУЩИМ

Татьяна Сергеевна Горина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу роли философского образования в осознании ответственности перед будущим. Такая ответственность связана с обязательствами, при реализации которых различные субъекты должны учитывать долгосрочные последствия своих действий, их влияние на новые поколения, заботиться о том, чтобы эти поколения унаследовали более совершенный мир, имели доступ к различным возможностям и ресурсам. Выделяются компоненты ответственности перед будущим, основания ее вменения и принятия. Указывается, что в осознании ответственности перед будущим большую роль играет критическое мышление, в развитии которого существенную роль играет философское образование. Критическое мышление необходимо для принятия обоснованных, ответственных решений, понимания того, как личный выбор воздействует на более широкие общественные проблемы. Представления о взаимосвязанности происходящих в мире процессов,

получаемые благодаря философскому образованию, помогают ставить долгосрочные результаты выше сиюминутных выгод, осмысливать и преодолевать глубинные причины настоящих и будущих проблем, признавать важность превентивных мер. Отмечается, что в процессе работы с философскими текстами формируется уважение к различным точкам зрения, развивается способность сопереживать другому, принимать и понимать его позицию, что позволяет обратить внимание на трудности и потребности будущих поколений, предпринимать действия, мотивированные заботой об их благополучии. Подчеркивается, что философское образование дает возможность получить представление о влиянии социокультурных условий на мировоззрение, помогает видеть перспективу за пределами национальных и культурных границ, воспитывая толерантность, формируя межкультурную чувствительность и осведомленность, что приводит к увеличению сферы ответственности, включению в нее представителей разнообразных общностей и имеет решающее значение для успешного преодоления разногласий, постановки и достижения общих целей, ориентированных на построение ответственного общества.

Ключевые слова: ответственность перед будущим, будущие поколения, философское образование, критическое мышление, ответственное общество.

Цитирование. Горина Т. С. Через философское образование к осознанию ответственности перед будущим // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 66–72. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.9>

Изучение ответственности для философов нередко является задачей второго уровня, которая рассматривается в связи с другими проблемами, выступающими в качестве основного предмета исследования: свобода, справедливость, стыд, вина, обязанности и т. п. Однако хрупкость, неопределенность, нелинейность и непредсказуемость современного мира заставляют как философов, так и представителей других наук всё чаще обращать внимание на ответственность.

Анализ ответственности в философии традиционно ориентирован на изучение прошлого и предполагает ретроспективную ответственность за уже сложившиеся ситуации. Приобретающие все большую значимость задачи установления желаемого положения дел, определения субъектов, которые способны предотвратить страдания и бедствия новых поколений, смещают исследовательский фокус на ответственность перед будущим, формированию которой способствует философское образование.

Ответственность перед будущим связана с обязательствами, при реализации которых индивиды, организации, сообщества должны учитывать долгосрочные последствия своих действий, их влияние на новые поколения, и проявлять о том, чтобы эти поколения унаследовали более совершенный мир, имели доступ к различным возможностям и ресурсам. Такая ответственность охватывает различные аспекты. Ее экологическая составляющая подразумевает устойчивое использование природных ресурсов, предотвращающее

их истощение и деградацию; принятие мер по смягчению последствий изменения климата путем сокращения выбросов парниковых газов и развития возобновляемых источников энергии; поддержание биоразнообразия; разработку инноваций в области чистых технологий и др. Эти меры позволят оставить будущим поколениям здоровую среду существования.

Ответственность перед будущим предполагает как инвестиции в образование, обеспечивающие новым поколениям возможности для индивидуального и общественного развития, так и сохранение и передачу культурного наследия и традиций. Развитие культуры участия, гражданской активности, вовлечение отдельных индивидов и сообществ в процессы принятия решений важно для того, чтобы защитить потребности будущих поколений, представить их интересы в разных сферах жизни общества. Выступая за социальную справедливость, охрану окружающей среды, ответственное потребление и т. п., люди смогут способствовать изменениям в корпоративной практике, политике правительства и тем самым влиять на формирование общего будущего.

При изучении ответственности перед будущим исследуются как возможности субъекта сделать что-либо для решения проблем и воплощения модели желаемого будущего, так и его готовность взять на себя ответственность последствия этих действий [Безрукова 2015; Гусейнов 2021; Зарубина 2016; Sjestad, Baumeister 2019; Syropoulos,

Markowitz 2024]. Ответственность перед будущим может иметь исправительный характер, быть связанной с возмещением ранее причиненного ущерба. При вменении такой ответственности важно учитывать, что в ряде случаев субъект, который нанес вред, отличается от того, кто лучше способен его исправить. Обсуждается вопрос о цене таких исправительных действий, а также о распределении ответственности между индивидуальными и коллективными субъектами [Наше общее будущее 2023; Hamington, Flower (eds.) 2021; Gardiner 2017; French, Wettstein (eds.) 2014].

Большое количество проблем, с решением которых связана ответственность перед будущим – голод, насилие, кризис в области здравоохранения, нищета, природные катаклизмы, безработица и т. п., – а также ограниченность ресурсов предполагают расстановку приоритетов через определение значимости такого рода проектов. Исследователи предлагают следующие критерии сравнения проектов: цена, удовлетворение определённых видов потребностей и интересов, отклик на нужды тех или иных социальных групп и др. Основанием вменения и принятия ответственности перед будущим может быть не только стремление и способность исправить нанесенный вред, но и такие принципы и ценности как честность, уважение, забота, доверие, гражданство, справедливость, долг, коллективные обязательства (см., например: [Горшков, Крумм, Петухов (ред.) 2011; Нестик и др. 2019; Adam, Groves 2011; Brown 2009]).

История развития философии и философского образования демонстрирует серьезное влияние философской мысли на формирование ценностей общества, в том числе на встраивание ответственности в их иерархию, понимание и признание необходимости индивидуального и коллективного ответственного поведения, что приводит к значительным культурным трансформациям, изменениям моральных стандартов.

Так, идеи Дж. Локка об индивидуальных правах, общественном договоре, роли разума и эмпирических доказательствах нашли отражение в современных концепциях свободы, ответственности, управления обществом. По мнению Дж. Локка, уже в естественном состоянии «каждый из нас, поскольку он обя-

зан сохранять себя и не оставлять самовольно свой пост, обязан по той же причине, когда его жизни не угрожает опасность, насколько может, сохранять остальную часть человечества» [Локк 1988, 265]. Философские взгляды И. Канта об автономии и моральном долге способствовали развитию современной этики, представлениям о правах человека, побуждая людей мыслить самостоятельно и действовать в соответствии с универсальными моральными принципами. Кант считал, что ответственность человека основывается на рациональном и свободном решении. Критикуя «отеческое правление», он указывал, что воспитанию ответственности человека как гражданина государства способствует «правление отечественное» [Кант 1965]. Экзистенциализм Ж.-П. Сартра, подчеркивающего роль индивидуальной свободы и ответственности, побуждает людей бороться за гражданские права и личную автономию, бросать вызов репрессивным общественным нормам [Сартр 1990]. Теории ответственности, разработанные К. Ясперсом [Ясперс 1999], Х. Арендт [Арендт 2013], Г. Йонасом [Йонас 2004], направляют социальное взаимодействие, помогая сторонам найти для него общие принципы и основания. Г. Йонас отмечает, что задача, которую ставит принцип ответственности, состоит в том, чтобы «сберечь в неповрежденном виде мир и сущность человека, неизменно пребывающего в двойственности своей свободы, неподвластной никаким изменениям условий, уберечь их от покушений его собственного могущества» [Йонас 2004, 39].

Ответственность перед будущим требует наличия черт, присущих хорошему, критическому мышлению [Lipman 1995; Paul, Elder 2021], развитие которого возможно средствами философского образования и необходимо для принятия обоснованных, ответственных решений в различных сферах жизни, создания справедливых социальных отношений, понимания того, как личный выбор влияет на более широкие общественные проблемы. Философское образование формирует аналитические навыки, позволяет выстраивать последовательные рассуждения, изучать аргументы, выявлять логические ошибки, бороться с двусмысленностью. Благодаря ему развивается способность исследовать и проверять обще-

принятые убеждения, устоявшиеся представления и практики, критически оценивать информацию и ее источники, существующие образы будущего и способы их воплощения.

Философия учит мыслить системно, соединять в единое целое различные фрагменты, а потому – воспринимать реальность как совокупность взаимосвязанных элементов, а не набор изолированных фактов. Понимание связанности, взаимовлияния процессов, происходящих в мире, ориентирует человека на решение не только локальных, но и глобальных задач; помогает ставить долгосрочные результаты выше сиюминутных выгод, определять и преодолевать глубинные причины настоящих и будущих проблем, а не их поверхностные симптомы. Обучая думать вне общепринятых рамок, рассматривать объект с разных сторон, философия способствует развитию творческого подхода к социальным проблемам, в том числе разработке инновационных, хотя и неочевидных на первый взгляд, стратегий борьбы с ними.

Философское образование стимулирует индивида к непрерывному поиску знаний, побуждает его оставаться любознательным и заинтересованным на протяжении всей жизни, не бояться сложных вопросов, поощряет взаимодействие с новым опытом и информацией, что является важным условием формирования ответственной личности, обладающей мышлением, ориентированным на будущее. Философское образование дает не просто возможность осваивать те или иные навыки и практики мышления, но и предоставляет инструментарий для того, чтобы понять, как эти практики можно трансформировать.

Философские дискуссии об общем благе, справедливости, счастье, человеческом достоинстве, правах и обязанностях приводят к пониманию долга по отношению к другим людям, побуждают предпринимать действия, направленные на установление и поддержание мира. Изучение этических теорий и возможностей их применения заставляет человека задуматься о своем воздействии на природу и тех, кто находится за пределами его непосредственного окружения, воспитывая ответственность перед будущим и более сознательное отношение к реальности. Философия как занятие, как мышление о предме-

тах, «когда они рассматриваются под углом зрения конечной цели истории и мироздания» [Мамардашвили 1992, 58], помогает ориентироваться в неоднозначных с моральной точки зрения личных и профессиональных ситуациях, вырабатывать собственную моральную позицию, разбираться в этических противоречиях с учетом ответственности перед будущими поколениями, обеспокоенности их судьбой.

Следование нормам морали, транслируемым в процессе философского образования, позволяет ему влиять на становление гуманного будущего, в том числе благодаря регулированию этических последствий технического прогресса, содействию обществу в разработке моральных оснований применения новых технологий, признанию прямой зависимости между расширяющимися технологическими возможностями человека и увеличением его ответственности.

В формировании ответственности перед будущим большую роль играет работа с философскими текстами, в ходе которой индивид знакомится с различными точками зрения, учится анализировать противоположные взгляды, благодаря чему обнаруживаются и преодолеваются предрассудки и предубеждения, возникает уважение к иному образу жизни, нравам, привычкам. Философское обучение часто включает выполнение упражнений по активному слушанию, что позволяет учиться опыту и состоянию других людей в социальном взаимодействии, развивает эмпатию и сострадание. Способность сопереживать другому, понимать и принимать его позицию помогает обратить внимание на трудности и потребности будущих поколений, предпринимать действия, мотивированные заботой об их благополучии.

Изучение философских концепций различных периодов дает возможность получить представление о влиянии социокультурных условий на мировоззрение, позволяет видеть за пределами национальных и культурных границ, воспитывая толерантность, формируя межкультурную чувствительность и осведомленность [Hammer, Bennett, Wiseman 2003; Bennett 2004]. Такая более широкая перспектива важна для взаимодействия с носителями различных точек зрения во все более вза-

имосвязанном мире: она увеличивает сферу ответственности, включает в нее представителей разнообразных общностей, что имеет решающее значение для постановки и достижения общих целей, ориентированных на будущее. Философское образование поощряет дискуссии и диалог, развивая навыки, необходимые для конструктивного обсуждения спорных вопросов, внося вклад в создание безопасной среды для сотрудничества и переговоров, успешного преодоления разногласий, способствуя достижению взаимопонимания и социальной сплоченности, построению ответственного общества.

Таким образом, философское образование играет существенную роль в развитии критического мышления, этических представлений человека, влияет на становление вовлеченных в жизнь общества и социально ответственных граждан, уважительно относящихся к иной точке зрения, готовых к диалогу, глубоко понимающих сложные социальные проблемы. Побуждая людей учитывать отдаленные результаты своих действий, проявлять осторожность при принятии решений, которые могут иметь необратимые последствия для будущих поколений, признавать важность превентивных мер, философское образование способствует формированию ответственности перед будущим, участвует в создании справедливого, устойчивого общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт 2013 – *Арендт Х.* Ответственность и суждение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013.
- Безрукова 2015 – *Безрукова О.А.* Эмпирические измерения отдельных проявлений этики ответственности перед будущим // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 2 (38). С. 103–111.
- Горшков, Крумм, Петухов (ред.) 2011 – *Горшков М.К., Крумм Р., Петухов В.В. (ред.)*. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. М.: Весь Мир, 2011.
- Гусейнов 2021 – *Гусейнов А.А.* Человек и его ответственность перед будущим // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 57. С. 113–119.
- Зарубина 2016 – *Зарубина Н.Н.* Молодежь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 52–63.
- Йонас 2004 – *Йонас Г.* Принцип ответственности. М.: Айрис-Пресс, 2004.
- Кант 1965 – *Кант И.* О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4, ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 59–106.
- Локк 1988 – *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135–405.
- Мамардашвили 1992 – *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс: Культура, 1992.
- Наше общее будущее 2023 – Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). М.: ИНФРА-М, 2023.
- Нестик и др. 2019 – *Нестик Т.А., Дмитриева Ю.А., Кузнецова О.Е., Ларина Г.Н., Николаев Е.Л.* Ответственность личности перед предшествующими и будущими поколениями: теоретико-эмпирическое исследование // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 29–41.
- Сартр 1990 – *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
- Ясперс 1999 – *Ясперс К.* Вопрос о виновности. М.: Прогресс, 1999.
- Adam, Groves 2011 – *Adam B., Groves Ch.* Futures Tended: Care and Future-Oriented Responsibility // Bulletin of Science, Technology & Society, 2011. Vol. 31, iss. 1. P. 17–27. DOI: 10.1177/0270467610391237
- Bennett 2004 – *Bennett M. J.* Becoming Interculturally Competent // Wurzel J.S. (ed.) Toward Multiculturalism: A Reader in Multicultural Education. Newton, MA: Intercultural Resource Corporation, 2004.
- Brown 2009 – *Brown A.* Personal Responsibility: Why it Matters. L.: Continuum, 2009.
- French, Wettstein (eds.) – *French P.A., Wettstein H.K.* (eds.) Forward-Looking Collective Responsibility. Boston, MA: Wiley Periodicals, 2014.
- Gardiner 2017 – *Gardiner S.M.* Accepting Collective Responsibility for the Future // Journal of Practical Ethics. 2017. Vol. 5, № 1. P. 22–52.
- Hamington, Flower (eds.) – *Hamington M., Flower M.* (eds.) Care Ethics in the Age of Precarity. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2021.
- Hammer, Bennett, Wiseman 2003 – *Hammer M.R., Bennett M.J., Wiseman R.* Measuring Intercultural Sensitivity: The Intercultural Development Inventory [International Journal of Intercultural Relations. 2003. Vol. 27, № 4. P. 421–443] // [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(03\)00032-4](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(03)00032-4)

- Lipman 1995 – *Lipman M.* Good Thinking // *Inquiry: an Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 1995. Vol. 15, № 2. P. 37–41.
- Paul, Elder 2021 – *Paul R., Elder L.* Critical Thinking: Tools for Taking Charge of Your Learning and Your Life. Lanham: Rowman & Littlefield, 2021.
- Sjestad, Baumeister 2019 – *Sjestad H., Baumeister R.F.* Moral Self-Judgment is Stronger for Future than Past Actions [Motivation and Emotion. 2019. Vol. 43, № 4. P. 662–680] // <https://doi.org/10.1007/s11031-019-09768-8>
- Syropoulos, Markowitz 2024 – *Syropoulos S., Markowitz E.* Responsibility Towards Future Generations is a Strong Predictor of Proenvironmental Engagement [Journal of Environmental Psychology. 2024. Vol. 93, 102218] // <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2023.102218>
- Nestik T.A., Dmitrieva Yu.A., Kuznetsova O.E., Larina G.N., Nikolaev E.L., 2019. Individual Responsibility to Previous and Future Generations: Theoretical and Empirical Study. *Voprosy psichologii*, no. 3, pp. 29-41.
- Sartre J.P., 1990. *Existentialism Is Humanism. Twilight of the Gods*. Moscow, Politizdat, pp. 319-344.
- Jaspers K., 1999. *The Question of Guilt*. Moscow, Progress Publ.
- Adam B., Groves Ch., 2011. Futures Tended: Care and Future-Oriented Responsibility. *Bulletin of Science, Technology & Society*, vol. 31, iss. 1, pp. 17-27. DOI: 10.1177/0270467610391237.
- Bennett M.J., 2004. Becoming Interculturally Competent. Wurzel J.S. (ed.) *Toward Multiculturalism: A Reader in Multicultural Education*. Newton, MA, Intercultural Resource Corporation.
- Brown A., 2009. *Personal Responsibility: Why It Matters*. London, Continuum.
- French P.A., Wettstein H.K. (eds.), 2014. *Forward-Looking Collective Responsibility*. Boston, MA, Wiley Periodicals.
- Gardiner S.M., 2017. Accepting Collective Responsibility for the Future. *Journal of Practical Ethics*, vol. 5, no. 1, pp. 22-52.
- Hamington M., Flower M. (eds.), 2021. *Care Ethics in the Age of Precarity*. Minneapolis, MN, University of Minnesota Press.
- Hammer M.R., Bennett M.J., Wiseman R., 2003. Measuring Intercultural Sensitivity: The Intercultural Development Inventory. *International Journal of Intercultural Relations*, no. 27 (4), pp. 421-443. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(03\)00032-4](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(03)00032-4)
- Lipman M., 1995. Good Thinking. *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, vol. 15, no. 2, pp. 37-41.
- Paul R., Elder L., 2021. *Critical Thinking: Tools for Taking Charge of Your Learning and Your Life*. Lanham, Rowman & Littlefield.
- Sjestad H., Baumeister R.F., 2019. Moral Self-Judgment Is Stronger for Future Than Past Actions. *Motivation and Emotion*, vol. 43, no. 4, pp. 662-680. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11031-019-09768-8>
- Syropoulos S., Markowitz E., 2024. Responsibility Towards Future Generations Is a Strong Predictor of Pro Environmental Engagement. *Journal of environmental psychology*, vol. 93, 102218. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2023.102218>

REFERENCES

- Arendt H., 2013. *Responsibility and Judgment*. Moscow, Izd-vo in-ta Gaidara.
- Bezrukova O.A., 2015. Empirical Measurement of Individual Manifestations of the Ethics of Responsibility for the Future. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Socialnye nauki*, no. 2 (38), pp. 103-111.
- Gorshkov M.K., Krumm R., Petuhov V.V. (eds.), 2011. *Twenty Years of Reforms Through the Eyes of Russians: Experience of Long-Term Sociological Measurements*. Moscow, Ves Mir.
- Guseynov A.A., 2021. Man and His Responsibility to the Future. *Vedomosti prikladnoj etiki*, no. 57, pp. 113-119.
- Zarubina N.N., 2016. Youth in a Time of Anomie: Who Will Take Responsibility for Russia's Future? *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 2, pp. 52-63.
- Jonas H., 2004. *The Principle of Responsibility*. Moscow, Ajris-Press.
- Kant I., 1965. On the Proverb "This May Be True in Theory, but It Is Not Suitable for Practice". Kant I. *Works in Six Volumes. Vol. 4, part 2*. Moscow, Mysl Publ., pp. 59-106.
- Locke J., 1988. Two Treatises of Government. Locke J. *Works: In 3 vols. Vol. 3*. Moscow, Mysl Publ., pp. 135-405.
- Mamardashvili M.K., 1992. *How I Understand Philosophy*. Moscow, Progress Publ., Kultura Publ.
- Our Common Future. Report of the World Commission on Environment and Development (WCED), 2023. Moscow, INFRA-M Publ.

Information About the Author

Tatyana S. Gorina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gorina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5114-1821>

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Горина, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gorina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5114-1821>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.10>

UDC 101.1:316
LBC 87.6

Submitted: 29.08.2024
Accepted: 09.12.2024

ABOUT THE CHOICE OF PHILOSOPHICAL EDUCATION

Andrey A. Soloviev

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The relevance of this topic is defined by specifics of professional self-determination, with personal and social contradictions to make a choice. The purpose of the work is to clarify methods for identifying different factors that influence the choice of the philosophical education. Rational and irrational motives of applicants are considered. Identifying ways to search for the value foundations of professional self-determination is a main task of this theme. At the same time, the choice of philosophical education, although it includes universal prerequisites that influence the choice of specialty, also allows some features. A judgment is presented according to which choice cannot be unconscious (extremely emotional) or determined exclusively by social coercion but presupposes something individually significant, determined by an amount of special knowledge and skills. In philosophical education, they are “terms of reading” that influence different aspects of life and thereby determine the interests of the applicant. In addition, the decision on a professional choice is the result of the evolution of approximate images of individual professional trajectories. Therefore, those who choose one direction or another often focus on people who are already doing something similar, comparing themselves with them. It is shown that the reasons for choosing a philosophical direction can be a variety of basis, both external and internal, including interests, abilities, personal and social needs. At the same time, the author believes that professional self-determination within the framework of a philosophical specialty does not finish with admission, but it can happen several times at different stages of life: student, graduate, specialist.

Key words: philosophical education, field of study “Philosophy”, applicant, professional choice, value choice, personal and professional self-determination.

Citation. Soloviev A.A. About the Choice of Philosophical Education. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 73-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.10>

УДК 101.1:316
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 29.08.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

О ВЫБОРЕ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Андрей Александрович Соловьев

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность темы, вынесенной в заголовок, связана с особенностями профессионального самоопределения, с личностными и социальными противоречиями, возникающими при необходимости осуществления выбора. Цель работы – выявление факторов, влияющих на появление интереса к философскому образованию. Рассмотрены различные мотивы абитуриентов, как рациональные, так и иррациональные. В целом задача сводится к выявлению способов поиска ценностных оснований профессионального самоопределения. При этом уточняется, что выбор философского образования хотя и включает в себя общие предпосылки, влияющие на выбор специальности, однако предполагает и ряд особенностей. Представлена позиция, согласно которой выбор не может быть неосознанным (связанным исключительно с эмоциональными факторами) или определяться исключительно социальным принуждением, но предполагает нечто индивидуально значимое, детерминированное некоторым комплексом знаний и умений. Применительно к философскому образованию этим комплексом становится специальный «круг чтения», влияющий на разные стороны жизни и тем самым определяющий интересы абитуриента. Кроме того, профессиональный выбор сопряжен с примерным образом того, что будет делать человек в профессии, поэтому зачастую

выбирающий то или иное направление ориентируется на людей, уже занимающихся чем-то подобным, сравнивает себя с ними. Показано, что основанием для выбора философского образования могут быть самые разнообразные причины как внешнего, так и внутреннего характера, включающие интересы, способности, личные и общественные потребности. При этом профессиональное самоопределение не заканчивается поступлением на направление подготовки «Философия», но происходит на разных стадиях профессионального становления: студента, выпускника, специалиста.

Ключевые слова: философское образование, направление подготовки «Философия», абитуриент, профессиональный выбор, ценностный выбор, личностное и профессиональное самоопределение.

Цитирование. Соловьев А. А. О выборе философского образования // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 73–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.10>

Вопросы определения ценностных оснований выбора абитуриентами философского образования требуют предварительного прояснения оснований выбора и связанных с ним личностных и социальных противоречий. Этой проблематике посвящены работы Д.Б. Волкова [Волков 2018], Б.М. Кедрова [Кедров 1967], К.А. Новикова [Новиков 1981]. Особенности профессионального самоопределения рассматривались К.С. Буровым (Буров, 2023), В.И. Кудашовым [Кроль, Кудашов 2017], С.А. Писаревой, М.А. Тряпицыной [Писарева, Тряпицына 2023], А.А. Поповым, М.С. Аверковым, М.А. Матюниной [Попов, Аверков, Матюнина 2022]. Различные аспекты философского образования изучались В.Г. Горбачевым [Горбачев 2015], Г.А. Ермоленко, С.Б. Кожевниковым [Ермоленко, Кожевников 2019], А.Б. Невелевым, А.А. Кротовым [Невелев, Кротов, Камалетдинова 2018], Н.В. Омельченко [Омельченко 1998].

Проблема выбора является одной из самых сложных, но при этом интересных аксиологических проблем. Разбирать выбор абстрактно, без соотнесения с какой-либо сферой довольно сложно, поэтому имеет смысл рассматривать данное понятие в контексте определенной деятельности. Нас в данном случае интересует область профессионального самоопределения, где выбор имеет преимущественно субъективный характер.

Б.М. Кедров связывает выбор субъекта с постановкой цели и установлением средств ее достижения, вместе с тем в нем находят отражение объективная необходимость и осознанные субъектом требования общественного развития [Кедров 1967].

К. Новиков отмечает, что разным ситуациям может соответствовать различный по своему характеру выбор, причем дело не толь-

ко «в веере возможных исходов», но и в невозможности сравнить их по степени осуществимости. Субъект выступает как свободное существо только понимая главную тенденцию развития социального процесса. Свобода же выбора сводится к выражению «позитивной направленности активности человека и результативности его действий» [Новиков 1981, 96].

Исходя из этого отметим, что при всей организованности профессионального ориентирования маневров для самовыражения немало. Обычно человек, ориентируясь на какую-либо профессию, абстрактно представляет себе, как будет в ней существовать. Создается образ деятельности, ориентированный на тех людей, которые этой деятельностью уже занимаются. В большинстве случаев, конечно, это будет очень приблизительная картина, которая, скорее всего, лишь частично отразит реальные характеристики, присущие представителям профессий.

В ситуации выбора человеку необходимо на чем-то остановиться. При этом, хотя существует множество причин, которые могут повлиять на выбор философского образования, мы не будем рассматривать те случаи, когда выбор направления «Философия» определяется не интересом (пусть самым незначительным или «наивным») к данной сфере, а какими-либо иными факторами. Несмотря на то, что поступление на определенное направление подготовки является целью абитуриента, отметим, что вряд ли с нее начинается выбор профессии. И.В. Яковлева справедливо отмечает, что сами цели не являются «исходным элементом проектирования образования» – им обычно предшествуют смыслы, намерения и ценности [Яковлева 2020, 42]. Таким образом, при изучении выбора абитуриента необходимо

выявить его ценностные основания – некоторые глубинные представления в сознании субъекта, ставшие решающими в профессиональном самоопределении.

На самой ранней стадии развития у ребенка формируется образ жизни, включающий интересы и связанные с ними навыки. Позднее человек осуществляет операцию соотнесения, выявляющую «качества и возможности собственной личности, необходимые в той или иной профессии», сопоставляя их с качествами, являющимися признаками «профессиональной роли», что может стать мотивацией для профессионального образования, реализующего потребности саморазвития [Кроль 2018, 81]. Самым простым объяснением выбора философского образования будет поэтому сочетание в нем универсальности и специфичности. В философии есть нечто «таинственное», что-то такое, что не встречается в обыденной жизни и не могло надоесть в школе. Здесь возможна корреляция с молодежными субкультурами, с текстами, кажущимися подросткам злободневными и протестными – все это может вскружить голову некоторым абитуриентам, повысить интерес к отдельным философским направлениям (к примеру, иррационалистическому).

Но выбор часто опирается и на имеющиеся знания, все-таки профессия философа хотя и «загадочна», однако предполагает наличие фундаментальных навыков и знаний. В чистом виде дисциплина «Философия» в школах преподается редко, но часто интерес к ней активизируется в рамках изучения других предметов [Буров 2023, 48]. Применительно к философскому образованию это может быть так называемый «круг чтения». При этом это не обязательно чтение философских текстов. Оно может быть самым разнообразным и включать, в том числе, учебную литературу по самым разным предметам. Человек, имеющий большой опыт «серьезного» чтения, демонстрирует не только привычку к нему, но и содержательный интерес, на основе которого формируются ценностные основания будущего выбора.

Способности вообще фундируются различными сторонами жизни и в некоторых ситуациях увязываются с выбором профессии. По Д.Н. Узнадзе, они являются определяю-

щими, то есть выбор человеком профессиональной деятельности определен социальной востребованностью его способностей [Абульханова-Славская и др. 2018].

Для овладения искусством постановки и разрешения мировоззренческих вопросов, очевидно, необходимы некоторые (внутренние) условия, к которым относятся как способности, так и навыки, формирующиеся определенными видами деятельности. Кажется, что способности в этой сфере не являются определяющими, но все-таки их значение нельзя умалять. Другое дело, что вряд ли большинство абитуриентов имеют ясное представление о том, что требуется в будущей профессии. Для проверки своей способности понимания философских текстов необходимо, во-первых, иметь опыт чтения последних, во-вторых, иметь доступ к среде, дающей возможность услышать критическую оценку своих интерпретаций.

А.И. Пигалев отмечал, что для занятий философией необходима определенная «техника мышления», которая также нужна и для выявления «философского дара». Техника эта заключается в рассмотрении предмета в его внутренней логике, а также в умении «сформулировать проблему именно как философскую» [Пигалев, Карчагин 2022, 8]. Важно поэтому отметить, что философская деятельность – это, прежде всего, работа исследовательская и творческая. Речь здесь идет не только об овладении уже имеющимся знанием, но и о том, что само обучение философии – это практически всегда дискуссия, диспут как форма творческого поиска, то есть почти на каждом занятии возможно свое «мини-исследование».

Таким образом, «философский дар» выявляется уже в ходе получения философского образования, и овладение «техникой» философского мышления – это способ выявления соответствующих способностей. Можно согласиться с утверждением, что «процесс профессионального самоопределения имеет перманентный характер» и сопровождается «экзистенциальными кризисами», а выбор профессии является способом «придать смысл своему существованию» [Кроль, Кудашов 2017]. Хотя основания выбора профессиональной траектории жестко не определены, они

реализуются на каждом из четырех этапов этого выбора: при поступлении в вуз (первый этап – «абитуриент»); в ходе обучения (второй этап – «студент»); при поступлении на работу по специальности после завершения обучения (третий этап – «выпускник»); в ходе дальнейшей профессиональной деятельности в избранном направлении (четвертый этап – «специалист»).

Помимо вышесказанного, ценностные основания выбора философского образования в значительной степени связаны с его социальной необходимостью. Н.Б. Шипулина отмечает, что последняя обусловлена важностью воспроизводства философского и культурологического сообщества в регионах [Шипулина 2019, 43]. В этом смысле соединяется личный интерес к специальности и общественная потребность. У абитуриента могут быть интересы и способности одновременно в нескольких областях, и тогда выбор будет сделан в пользу того, что актуально и перспективно. Если говорить о философии, то ее актуальность может распространяться не только на текущий момент времени, но и на последующие стадии социального развития.

Насколько способности и базовые навыки, необходимые для занятия философией, важны для выбора этой специальности или достаточно только интереса к ней? Очевидно, возможны различные сценарии, приводящие абитуриента к выбору направления подготовки «Философия» при приблизительно одинаковых исходных данных. Согласно «концепции контроля» субъект может принимать самые разные решения при одних и тех же исходных условиях [Gebharter, Sekatskaya, Schurz 2022, 1892–1893]. Соответственно абитуриент, имея все предпосылки для поступления на некоторое направление подготовки, мог выбрать совсем другой вариант, и этому выбору также можно будет дать рациональное объяснение. Полагаем, что навыки специального чтения и способность правильно интерпретировать специальные тексты, необходимые на всех этапах занятия философией (от обучения до исследования и преподавания) являются как основанием интереса к философии, так и следствием его. Философия предполагает неразрывную связь между личностным и профессиональным самоопределением: оценивая соб-

ственные возможности и перспективы овладения философской специальностью, человек проявляет способность к рефлексии, чрезвычайно востребованную в философской деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова-Славская и др. 2018 – *Абульханова-Славская К.А., Славская А.Н., Леванова Е.А., Пушкарева Т.В.* Теория личности Дмитрия Николаевича Узнадзе // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 4. С. 75–88.
- Буров 2023 – *Буров К.С.* Методологические основания совершенствования готовности педагогических работников к сопровождению профессионального самоопределения школьников // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2023. № 2. С. 47–57.
- Волков 2018 – *Волков Д.* Свобода воли. Иллюзия и возможность. М.: Карьера Пресс, 2018.
- Горбачев 2015 – *Горбачев В.Г.* Философское образование в контексте неоднозначности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–1. С. 40–43.
- Ермоленко, Кожевников 2019 – *Ермоленко Г.А., Кожевников С.Б.* Философское образование в современном мире: вызовы и приоритеты // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 53–58.
- Кедров 1967 – *Кедров Б.М.* Некоторые размышления // Наука и жизнь. 1967. № 2. С. 145–148.
- Кроль, Кудашов 2017 – *Кроль Е.Р., Кудашов В.И.* Социализация как основание экзистенциального выбора профессии // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, № 1. С. 880–884.
- Кроль 2018 – *Кроль Е.Р.* Интерсубъективный аспект профессионального самоопределения // Философия образования. 2018. № 3. С. 74–83.
- Невелев, Кротов, Камалетдинова 2018 – *Невелев А.Б., Кротов А.А., Камалетдинова А.А.* Современное философское образование: национальный приоритет // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 2. С. 114–116.
- Новиков 1981 – *Новиков К.А.* Свобода воли и марксистский детерминизм. М.: Политиздат, 1981.
- Омельченко 1998 – *Омельченко Н.В.* Ценности философского образования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 6. Университетское образование. 1998. № 1. С. 78–85.

- Пигалев, Карчагин 2022 – *Пигалев А.И., Карчагин Е.В.* «Философия – это текст»: беседа с Александром Ивановичем Пигалевым // *Logos et Praxis*. 2022. № 2. С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.1>
- Писарева, Тряпицына 2023 – *Писарева С.А., Тряпицына А.П.* Содействие самоопределению личности средствами образования (по материалам исследования педагогических лабораторий Герценовского университета) // *Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования*. 2023. № 8. С. 48–54.
- Попов, Аверков, Матюнина 2022 – *Попов А.А., Аверков М.С., Матюнина М.А.* Самоопределение: модель и способ организации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 65. С. 154–170.
- Шипулина 2019 – *Шипулина Н.Б.* Формирование и воспроизводство интеллектуальной элиты Волгограда: межпоколенные стратегии и «горизонтальные» связи // *Грани познания*. 2019. № 4. С. 38–44.
- Яковлева 2020 – *Яковлева И.В.* Аксиология образования как формирующаяся система: социально-философская рефлексия // *Философия образования*. 2020. № 2. С. 31–47.
- Gebharter, Sekatskaya, Schurz 2022 – *Gebharter A., Sekatskaya M., Schurz G.* Free Will, Control, and the Possibility to do Otherwise from a Causal Modeler's Perspective // *ERKENNTNIS*. 2022. № 4. P. 1889–1906.
- kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4–1, pp. 40–43.
- Ermolenko G.A., Kozhevnikov S.B., 2019. Philosophical Education in the Modern World: Challenges and Priorities. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 4, pp. 53–58.
- Kedrov B.M., 1967. Some Thoughts. *Nauka i zhizn*, no. 2, pp. 145–148.
- Kroll E.R., Kudashov V.I., 2017. Socialization as a Basis of Profession's Existential Choice. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire*, vol. 7, no. 1, pp. 880–884.
- Kroll E.R., 2018. The Intersubjectivity Aspect of the Professional Self-Determination. *Filosofiya obrazovaniya*, no. 3, pp. 74–83.
- Nevelev A.B., Krotov A.A., Kamaletdinova A. Ya., 2018. Modern Philosophical Education: National Priority. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 114–116.
- Novikov K.A., 1981. *Free Will and Marxist Determinism*. Moscow, Politizdat. 128 p.
- Omelchenko N.V., 1998. Values of Philosophical Education. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6. Universitetskoe obrazovanie*, no. 1, pp. 78–85.
- Pigalev A.I., Karchagin E.V., 2022. “Philosophy is Texts”: Conversation with Alexander Ivanovich Pigalev. *Logos et Praxis*, vol. 21, no. 2, pp. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.1>
- Pisareva S., Tryapitsyna A., 2023. Promoting Personal Self-Determination by Means of Education (Based on the Study Materials of Pedagogical Laboratories of Herzen University). *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya*, no. 8, pp. 48–54.
- Popov A.A., Averkov M.S., Matyunlna M.A., 2022. Self-Determination: Model and Method of Organization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 65, pp. 154–170.
- Shipulina N.B., 2019. Development and Reproduction of Intellectual Elite in Volgograd: Inter-Generational Strategies and “Horizontal” Connections. *Grani poznaniya*, no. 4, pp. 38–44.
- Yakovleva I.V., 2020. Axiology of Education as a Forming System: Social-Philosophical Reflection. *Filosofiya obrazovaniya*, no. 2, pp. 31–47.
- Gebharter A., Sekatskaya M., Schurz G., 2022. Free Will, Control, and the Possibility to Do Otherwise from a Causal Modeler's Perspective. *ERKENNTNIS*, no. 4, pp. 1889–1906.

REFERENCES

- Abulkhanova-Slavskaya K.A., Slavskaya A.N., Levanova E.A., Pushkareva T.V., 2018. Theory of the Identity of Dmitry Uznadze. *Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psihologiya*, no. 4, pp. 75–88.
- Burov K.S., 2023. Methodological Foundations for Improving Teachers' Readiness to Support Schoolchildren's Career Guidance. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikacii kadrov*, no. 2, pp. 47–57.
- Volkov D., 2018. *Free Will. An Illusion or an Opportunity*. Moscow, Karyera Press. 368 p.
- Gorbachev V.G., 2015. Philosophy Education in Context of Ambiguity. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki*,

Information About the Author

Andrey A. Soloviev, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University, Prosp. im. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, lokotigr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2943-9108>

Информация об авторе

Андрей Александрович Соловьев, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права, Волгоградский государственный технический университет, просп. им. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, lokotigr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2943-9108>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.11>

UDC 316.4.057.4

LBC 60.53

Submitted: 15.10.2024

Accepted: 09.12.2024

HUMAN SUBJECTIVITY IN MODERN SOCIAL THEORIES

Pavel V. Pavlov

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Dmitry I. Zakusilov

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Abstract. The article analyzes the problems of human subjectivity in modern social theories that focus on the concepts of “post-capitalism” and “post-labor world.” Social theories of such authors as Paul Mason, Nick Srnicek, Alex Williams, and Andy Merrifield are used. The paper describes processes of constructing a “new subjectivity” of a person within the framework of these theories. For example, the influence of neoliberalism on subjectivity, or as it is called, “capitalist subjectivity,” and the conditions for the formation of the subject of post-capitalism are considered. In this context, the problems of “neoliberal” (“capitalist”) and “post-capitalist” subjectivity, the development of new information technologies and the “network” economy aimed at the formation of a “new person” (“network individuals”) are characterized. The article pays special attention to the appeal of modern social theorists to the ideas expressed by K. Marx in “Grundrisse” (“Economic Manuscripts of 1857–1859”) about free time, due to which real human development takes place. At the same time, modern social theories emphasize the significant role of “universal intelligence” and “intangible” (“intellectual”) labor, automation, and new technologies that reduce working hours and ensure the growth of free time and the formation of a post-labor society and a new work ethic. Moreover, the article highlights the risks posed by the “post-labor world” and new technologies. First of all, the risks of precarization are considered. In this regard, the complexity and inconsistency of the problems of the formation of a “new subjectivity” in modern social theories is pointed out. It is concluded that the problem of human subjectivity requires further analysis taking into account the current socio-economic conditions of the labor market affecting the relevance of professions and the design of civil law relations, which is due to both the growth of information technology and a change in the values of the subject of action.

Key words: subjectivity, man, capitalism, post-capitalism, post-labor world, free time, social theories.

Citation. Pavlov P.V., Zakusilov D.I. Human Subjectivity in Modern Social Theories. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 79-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.11>

СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ

Павел Викторович ПавловЮжно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Российская Федерация**Дмитрий Игоревич Закусилов**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется проблематика субъектности человека в современных социальных теориях, в центре внимания которых находятся концепты «посткапитализма» и «мира посттруда». Речь идет о социальных теориях таких авторов, как Пол Мейсон, Ник Срничек, Алекс Уильямс, а также Энди Меририлд. В работе дается характеристика процессов конструирования «новой субъектности» человека, в рамках указанных теорий рассматривается «капиталистическая субъектность», влияние неолиберализма на субъектность, условия формирования субъекта посткапитализма. В этом контексте охарактеризованы проблемы «неолиберальной» («капиталистической») и «посткапиталистической» субъектности, развития новых информационных технологий и «сетевой» экономики, направленной на формирование «нового человека» («сетевых индивидов»). Особое внимание в статье уделяется обращению современных социальных теоретиков к высказанным К. Марксом в «Grundrisse» («Экономические рукописи 1857–1859 годов») идеям о свободном времени, благодаря которому происходит действительное развитие человека. При этом в современных социальных теориях подчеркивается значительная роль «всеобщего интеллекта», «нематериального» («интеллектуального») труда, автоматизации и новых технологий, которые уменьшают рабочее время и обеспечивают рост свободного времени и формирование посттрудового общества и новой трудовой этики. Вместе с тем в статье отмечаются риски, обусловленные «миром посттруда» и новыми технологиями. Речь идет, прежде всего, о рисках прекаризации. В этой связи указывается на сложность и противоречивость проблематики становления «новой субъектности» человека в современных социальных теориях. Делается вывод о том, что проблематика субъектности человека требует дальнейшего анализа с учетом современных социально-экономических условий функционирования рынка труда, влияющих на актуальность профессий, оформление гражданско-правовых отношений, что обусловлено как ростом информационных технологий, так и изменением ценностных установок субъекта действия.

Ключевые слова: субъектность, человек, капитализм, посткапитализм, мир посттруда, свободное время, социальные теории.

Цитирование. Павлов П. В., Закусилов Д. И. Субъектность человека в современных социальных теориях // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 79–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.11>

Эпоха современного капитализма, обещающая всемерное развитие «индивидуальной свободы», предельно разобщает людей, разрушая межличностные связи и социальные отношения. В свое время Зигмунт Бауман, характеризуя современный мир как эпоху «текучей современности» [Бауман 2008], поставил вполне точный диагноз: в радикальных поисках «индивидуальности» утрачивается «социальность», но при этом разобщенные «индивидуумы» не обретают желаемой свободы. Отказ от «общественного» на деле оборачивается утратой подлинной индивидуальности и свободы.

Впрочем, в последнее время предлагается ряд теоретических концептов, таких как «посткапитализм», «мир посттруда», в рамках которых предлагается мыслить «освобождение» человека и формирование «новой субъектности». Речь идет, прежде всего, о социальных теориях, которые предложили Пол Мейсон, Ник Срничек и Алекс Уильямс. В определенном смысле к этим теориям примыкают идеи Энди Меририлда. Необходимо отметить, что теории «посткапитализма» и «посттруда» являются разнородными как по теоретико-методологическим предпосылкам, так и по своему содержанию. Между тем, в

этом многообразии можно выделить и проанализировать некоторые характерные подходы к пониманию «новой субъектности» человека. Что же представляет собой «новая субъектность» в современных социальных теориях?

Прежде всего, в современных социальных теориях констатируется, что пролетариат утратил свою субъектность, практически перестал быть действительным субъектом исторического процесса. Решающую роль в этом сыграла неолиберальная политика, разобившая рабочий класс и ставшая ключевым фактором в формировании субъектности. Как отмечают Н. Срничек и А. Уильямс, к началу 1990-х гг. «рабочий класс практически полностью утратил роль привилегированного политического субъекта, зато стал заметен гораздо более широкий набор социальных идентичностей, общественных желаний и типов притеснения» [Срничек, Уильямс 2019, 36]. При этом в реалиях сегодняшнего дня обретение пролетариатом былой субъектности мыслится «маловероятным»: от прежней субъектности «остался лишь разрозненный набор частично пересекающихся интересов и противоречивых опытов» [Срничек, Уильямс 2019, 228]. Сегодня же господствует «капиталистическая субъектность», которая активно конструируется неолиберальной идеологией. И ключевой вопрос заключается в следующем: существуют ли альтернативы современной «неолиберальной субъектности»?

Весьма подробно исследуя становление неолиберализма, Н. Срничек и А. Уильямс подчеркивают существенную функцию неолиберальной идеологии: речь идет о «производстве субъектности». По их словам, «неолиберализм создает субъектность. Согласно его парадигме, мы являемся конкурирующими субъектами – эта роль содержит в себе и превосходит капиталистического производящего субъекта. Императив неолиберализма ведет этих субъектов к постоянному самосовершенствованию в каждом аспекте существования. Беспреданное образование, вездесущее требование работоспособности, постоянная нужда в самообновлении – все это соответствует неолиберальному понятию субъектности» [Срничек, Уильямс 2019, 96]. Не удивительно, что для бесконечно конкурирующего, ра-

ботоспособного и «самосовершенствующегося» «неолиберального субъекта» характерны, как пишут Срничек и Уильямс, «стресс, тревожность, депрессия, синдром дефицита внимания», однако более важным оказывается то обстоятельство, что «внедрение неолиберальной идеологии в повседневную жизнь стало также первоисточником политической пассивности» [Срничек, Уильямс 2019, 96].

Предлагая альтернативы, Н. Срничек и А. Уильямс говорят о «новой субъектности», противопоставляя ее пониманию нынешней «капиталистической субъектности», формируемой господствующей неолиберальной идеологией. Альтернативы они усматривают в будущем посткапиталистическом или посттрудовом обществе («мире посттруда»), которое базируется на «полной автоматизации экономики» (благодаря чему происходит освобождение человека от «изнурительного труда» и осуществляется рост производства), сокращении рабочего времени (рабочей недели), «безусловном базовом доходе», а также на преодолении трудовой этики, которая определяет капиталистическое общество. И здесь Срничек и Уильямс обращаются к идеям К. Маркса. Они подчеркивают, что «Маркс сделал сокращение рабочей недели ключевым элементом всего своего посткапиталистического воззрения, утверждая, что именно оно представляет собой “базовую предпосылку” для достижения “царства свободы”» [Срничек, Уильямс 2019, 167]. Принципиально важным является то обстоятельство, что «для Маркса первым принципом посткапитализма было “развитие человеческих сил, которое является самоцелью”», поскольку главное в учении Маркса – это идея «всеобщего освобождения» [Срничек, Уильямс 2019, 260].

Трансформацию субъекта, появление «нового субъекта» Н. Срничек и А. Уильямс связывают с кардинальными изменениями в трудовой этике: речь идет о том, чтобы более не рассматривать труд в качестве «высшего блага». Именно здесь они усматривают «поводы для надежды, поскольку в рабочей этике должен произойти сдвиг, необходимый для посттрудового общества. Этот проект приведет к трансформации субъекта: возникнут условия для массового превращения эгоистичных индивидуумов, созданных капита-

лизмом, в общественные и творческие формы общественного выражения, освобожденные концом труда» [Срничек, Уильямс 2019, 255].

Можно сказать, что Н. Срничек и А. Уильямс – технологические оптимисты, поскольку они отводят первостепенную роль развитию новых технологий и «автоматизации труда» в деле освобождения человека и формирования его новой субъектности. При этом они отрицают, что грядущее посткапиталистическое (посттрудовое) будущее выявляет изначальную «сущность» человека, которая «скрыта» капитализмом. Новые технологии открывают возможности для развития человека и его будущего, которое не представляется возможным определить заранее, зафиксировать в готовых абстрактных формулировках. «Чтобы попасть в посткапиталистическое будущее, – подчеркивают Срничек и Уильямс, – нужно развернуться от пролетаризации человека к новому субъекту, изменившемуся и способному меняться дальше. Этот субъект не может быть определен заранее, его черты проявляются только по мере практического и концептуального развития событий» [Срничек, Уильямс 2019, 259].

Конечно, здесь возникает хорошо известный вопрос: не способствуют ли освобождение от труда и максимум свободного времени лишь увеличению «бездумного потребления» и появлению различного рода превратных форм активности, весьма далеких от действительного развития субъекта? И в этом случае Н. Срничек и А. Уильямс демонстрируют оптимизм, противопоставляя его пессимизму, который порожден современным капитализмом. Дело в том, полагают они, что необходимо учитывать приоритет творческой деятельности в жизни человека, и поэтому гипотеза о том, что «посттрудовое общество разовьет в людях еще большую страсть к бездумному потреблению, не берет в расчет человеческую способность к творчеству и новым открытиям и апеллирует к пессимизму, вызванному текущей капиталистической субъектностью» [Срничек, Уильямс 2019, 259]. Что же касается будущего «субъекта посткапитализма», то для него как раз принципиальной становится именно творческая деятельность.

Идея развития новых технологий как пути к освобождению и появлению «новой

субъектности» находится в центре внимания Пола Мейсона, его теоретической версии будущего «посткапитализма». П. Мейсон делает акцент на развитии новых информационных технологий, отмечая, что начиная с 1990-х гг. становится очевидным, что под воздействием этих технологий происходят существенные изменения капитализма. Появились, отмечает Мейсон, такие концепты, как «экономика знаний», «информационное общество», «когнитивный капитализм», однако при этом считалось, что новые информационные технологии и капитализм поддерживают и взаимно укрепляют друг друга.

П. Мейсон предлагает существенно иной взгляд: «информационное общество» выступает лишь как переходная ступень к новому состоянию – посткапитализму. Его основной тезис гласит: «Информационные технологии не создают новую, более стабильную форму капитализма, а расшатывают его, разъедая рыночные механизмы, подтачивая права собственности и разрушая прежние взаимосвязи между зарплатами, трудом и прибылью» [Мейсон 2016, 165]. Более того, Мейсон предлагает «еще более радикальную мысль: информационные технологии ведут нас к посткапиталистической экономике» [Мейсон 2016, 165].

Речь идет о новой, «сетевой» экономике, в основе которой – «сетевые отношения», «сетевой образ жизни». Посткапитализм и посткапиталистическая экономика возникают тогда, когда современные технологии и сетевые отношения разрушают иерархические структуры капитализма и рыночные механизмы. Но Мейсона интересует не только новая, «посткапиталистическая экономика», важнее для него – переход к «новому человеку», который формируется этой новой экономикой. У Мейсона новый посткапиталистический субъект представлен «новым поколением сетевых людей», «индивидами, подключенными к сети». Эти «сетевые индивиды» способны «черпать знания из относительно открытой глобальной системы. Их жизнь подчинена сетевому ритму – от работы и потребления до отношений и культуры» [Мейсон 2016, 168].

При этом, согласно Мейсону, подобный переход от капитализма к посткапитализму были намечен К. Марксом в «Grundrisse»

(«Экономические рукописи 1857–1859 годов»). Здесь, как пишет Мейсон, «мы сталкиваемся с иной моделью перехода: обеспеченный знаниями уход от капитализма, в котором главное противоречие лежит между технологиями и рыночным капитализмом. В этой модели, которую Маркс набросал на бумаге в 1858 году и о которой левые узнали лишь через сто с лишним лет, капитализм гибнет потому, что не может сосуществовать с коллективным знанием. Классовая борьба перетекает в борьбу за человечность и за возможность получать образование в свое свободное время» [Мейсон 2016, 198].

По мнению Мейсона, в «Grundrisse» Маркс предлагает подход, согласно которому «социальное знание» и «всеобщий интеллект» – знание, накопленное человечеством, – способствуют разрушению рыночного механизма. «Социально создаваемая информация», воплощенная в машинах, создает «новую динамику, которая разрушает старые механизмы, создающие цены и прибыль», поэтому в концепции Маркса, продолжает Мейсон, «капитализм был вынужден развивать интеллектуальные способности рабочего. И в его концепции информация накапливалась и распределялась в чем-то под названием “всеобщий интеллект”, который представлял собой разум всех людей на Земле, связанных между собой благодаря социальному знанию, каждое улучшение которого приносит выгоду всем. Коротко говоря, в его концепции описывалось нечто похожее на информационный капитализм, в котором мы живем» [Мейсон 2016, 199].

Получается, согласно П. Мейсону, что Маркс «предсказал» современный «информационный капитализм». Однако главное для Маркса – это возможность «освобождения», «свободы от труда», идея свободного времени как ключевого фактора формирования нового субъекта. Маркс подчеркивает в «Grundrisse»: «Свободное время – представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности – разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он и вступает затем в непосредственный процесс производства» [Маркс, Энгельс 1969, 221]. Причем, продолжает Маркс, этот появившийся благодаря сво-

бодному времени «иной субъект» способен сосредотачивать в себе «накопленные обществом знания» и творчески применять, «предметно воплощать» их.

Согласно П. Мейсону, технологические новации принципиальным образом изменяют природу труда, стирают границы между досугом и трудом, благодаря чему появляются «множественные экономические индивидуальности, являющиеся той экономической основой, на которой появился новый тип человека со множеством “я”. Этот новый тип человека, сетевой индивид, представляет собой носителя посткапиталистического общества, которое могло бы возникнуть» [Мейсон 2016, 207]. Именно «сетевое человечество», полагает П. Мейсон, представляет собой «новый исторический субъект», который приходит на смену рабочему классу. И здесь интересно то, что «стиль жизни» этого «нового субъекта» определяется уже вовсе не солидарностью, которая в прежние времена была характерна для рабочего класса. Как подчеркивает Мейсон, отличительной чертой «стиля жизни» «сетевого человечества» («разнообразного глобального населения»), выступающего в качестве «нового исторического субъекта», является, прежде всего, «непостоянство».

Весьма характерно, что современные социальные теоретики обращаются к Марксу, к его идеям о свободном времени, высказанным в «Grundrisse». Согласно П. Мейсону, именно здесь содержится «самая революционная мысль, которую когда-либо высказывал Маркс: сведение труда к минимуму может создать человека, способного полностью использовать все накопленное знание общества; создать индивида, которого преобразовала толща произведенных обществом знаний и у которого впервые в истории свободного времени оказалось больше, чем рабочего» [Мейсон 2016, 200].

Схожий интерес к идеям «Grundrisse» обнаруживается и в концепции Энди Мерифилда, который полагает, что самое главное и актуальное в Марксе сегодня – это его идея свободного времени, благодаря которому происходит развитие человека. Марксизм, по мысли Э. Мерифилда, говорит прежде всего об «освобожденном времени» и «праве на свободное время» [Мерифилд 2020]. Обращаясь

к марксовой мысли о свободном времени как мере действительного богатства, Мерифилд пишет: «Если из творчества Маркса что-то и стоит вынести, так это то, что *время* – наша самая драгоценная собственность, потенциальный источник общественных и личных богатств, настоящий человеческий капитал... Умение распоряжаться свободным временем чрезвычайно важно для личности человека... В обществе, где время освобождено и люди могут распоряжаться им по своему усмотрению, “вторая жизнь” (как ее называл Маркс) человека вне рабочего места станет его “реальной жизнью”» [Мерифилд 2018, 165–166].

В «Grundrisse» Маркс стремится показать путь к «царству свободы» через преодоление необходимости «нескончаемой работы и нескончаемого отчуждения» [Мерифилд 2020], обозначить путь к действительным возможностям всестороннего творческого развития индивидуальностей. Как подчеркивает Маркс, «главной основой богатства» становится «развитие общественного индивида», а «не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает»: когда «труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства... *Прибавочный труд рабочих масс* перестал быть условием для развития всеобщего богатства... Происходит свободное развитие индивидуальностей...» [Маркс, Энгельс 1969, 214]. И здесь принципиально то, что, как далее специально отмечает Маркс, речь идет не просто о сокращении «необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда», но, прежде всего, о «сведении необходимого труда общества к минимуму». И как раз именно «благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» происходит подлинное развитие индивидуальностей (художественное, научное и т. д.) [Маркс, Энгельс 1969, 214].

Свободное время становится мерой подлинного богатства, обеспечивая реальную возможность «свободного развития индивидуальностей», творческого развития человека, его самостоятельности в самых различных сферах. При этом важную роль в «освобождении» времени и человека играют новые тех-

нологии. Как полагает Э. Мерифилд, важной заслугой Маркса было то, что он вполне ясно осознавал колоссальные возможности новых технологий в деле «преобразования природы» и в качестве средств, которые способствуют освобождению человека от изнурительного труда. Развитие новых технологий и «технологическое применение науки» приводят к тому, что существенным становится не столько физический труд, сколько труд интеллектуальный. Важнейшее значение приобретают накопленные человечеством знания («общественное знание», «всеобщий интеллект»).

Э. Мерифилд, подобно П. Мейсону, подчеркивает первостепенную роль «всеобщего интеллекта», «нематериального» («интеллектуального») труда, автоматизации и высоких технологий, которые уменьшают рабочее время и обеспечивают рост свободного времени. Но такая реальность, отмечает Мерифилд, была уже спрогнозирована Марксом в «Grundrisse»: «Маркс пишет о наличии всех необходимых средств и инструментов, чтобы обеспечить свободное время и снизить время труда до минимума. Время каждого может быть освобождено для того, чтобы дать ему возможность вести более полноценную и счастливую жизнь *после* работы» [Мерифилд 2018, 113]. При этом Мерифилд уверен, что «такое будущее без работы (post-work) недостижимо в мире труда ради труда» [Мерифилд 2018, 113].

Конечно, современные социальные теории понимают «риски» и «угрозы», которые порождаются «миром посттруда» и новыми технологиями. Речь идет, прежде всего, о прекаризации и росте безработицы, а также о разобщении людей и превращении свободного времени в пустое и бессмысленное «времяпрепровождение». Но вместе с тем в современных социальных теориях подчеркиваются и «огромные возможности», которые несет с собой «посттрудовой мир» [Мерифилд 2020]. Что касается свободного времени, то речь идет о том, что оно должно быть направлено на действительное творческое развитие и образование человека, о чем и говорил Маркс.

Между тем, конечно, следует отметить сложность и противоречивость проблематики

становления «новой субъектности» человека в современных социальных теориях. Дискуссионным остается вопрос о новом субъекте исторического процесса, о котором говорят теоретики посткапитализма и «мира посттруда». Так, П. Мейсон указывает на «сетевых индивидов» в качестве посткапиталистического субъекта, а Н. Срничек и А. Уильямс подчеркивают творческий характер этого будущего субъекта. Впрочем, не так давно надежды возлагались на «творческую элиту», «креативный класс» [Florida 2002], однако в рамках сегодняшних социально-экономических реалий становится понятно, что «креативный класс» в значительной степени сменяется прекариатом, ключевая черта которого – нестабильная занятость и отсутствие действительных социальных гарантий. Как отмечает Е.В. Мареева, сам «креативный класс» оказался разделенным на элиту и эксплуатируемый прекариат, ряды которого массово пополняют люди «творческих профессий» [Мареева 2018]. При этом в современном обществе наблюдается не только прекаризация труда, но и более масштабное явление – «прекаризация жизни» [От прекарной занятости... 2022; Тощенко 2018; 2020]. В свете указанных реалий проблема субъектности человека, ее противоречивого становления в современном мире требует дальнейшего обстоятельного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман 2008 – Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Мареева 2018 – Мареева Е.В. Прекариат в системе духовного производства. Эксплуатация по-новому // Свободная мысль. 2018. № 2. С. 77–82.
- Маркс, Энгельс 1969 – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46, ч. II. М.: Политиздат, 1969.
- Мейсон 2016 – Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ad Marginem Press, 2016.
- Мерифилд 2018 – Мерифилд Э. Любитель. Искусство делать то, что любишь. М.: Ad Marginem Press, 2018.
- Мерифилд 2020 – Мерифилд Э. Магический марксизм. М.: Ad Marginem Press, 2020.
- Срничек, Уильямс 2019 – Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
- Тощенко 2018 – Тощенко Ж.Т. Прекариат: от прото-класса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Тощенко 2020 – Тощенко Ж.Т. Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 3–13.
- Тощенко (ред.) 2022 – Тощенко Ж.Т. (ред.). От прекарной занятости к прекаризации жизни. М.: Весь Мир, 2022.
- Florida 2002 – Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. N. Y.: Basic Books, 2002.

REFERENCES

- Bauman Z., 2008. *Liquid Modernity*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Mareeva E. V., 2018. Precariat in the System of Spiritual Production. Exploitation in a New Way. *Svobodnaya Mysl*, no. 2, pp. 77-82.
- Marx K., Engels F., 1969. *Works. Vol. 46. Part II*. Moscow, Politizdat.
- Mason P., 2016. *Postcapitalism. A Guide to Our Future*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Merrifield A., 2018. *Amateur. The Pleasures of Doing What You Love*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Merrifield A., 2020. *Magical Marxism*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Srnicek N., Williams A., 2019. *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. Moscow, Strelka Press.
- Toshchenko Zh.T., 2018. *Precariat: From the Proto-Class to the New Class*. Moscow, Nauka Publ.
- Toshchenko Zh.T., 2020. Precarious Employment – Phenomenon of Modern Economics. *Sociologicheskie issledovanija*, no. 8, pp. 3-13.
- Toshchenko Zh.T. (ed.), 2022. *From Precarious Employment to the Precarization of Life*. Moscow, Ves Mir Publ.
- Florida R., 2002. *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. New York, Basic Books.

Information About the Authors

Pavel V. Pavlov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Prosveshcheniya St, 132, 346428 Novocherkassk, Russian Federation, pvpravlov2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9700-5136>

Dmitry I. Zakusilov, Candidate for a Degree, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Prosveshcheniya St, 132, 346428 Novocherkassk, Russian Federation, zakusilov_di@rostgmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6455-9204>

Информация об авторах

Павел Викторович Павлов, доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 346428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, pvpravlov2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9700-5136>

Дмитрий Игоревич Закусилов, соискатель кафедры Социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, ул. Просвещения, 132, 346428 г. Новочеркасск, Российская Федерация, zakusilov_di@rostgmu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6455-9204>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.12>

UDC 165.15
LBC 87.22

Submitted: 08.10.2024
Accepted: 09.12.2024

GNOSEOLOGICAL JUSTIFICATION OF HYPOSTATISATION AND REIFICATION

Dmitry V. Zykov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Hypostasis and reification are usually considered from a nominalistic position as a semantic error leading to an illegal doubling of the world. Within the framework of this discourse, it is argued that general concepts (ideas, universals) in the Platonic sense do not exist, but only individual things. However, human existence is conditioned not only by the givenness of biophysical reality but also by the givenness of sign-symbolic reality. The reality of constructed, artificial meanings and objects of consciousness has a self-sufficient beginning, which actualizes the need to rethink the problem of doubling the world. Hypostases are not limited to Platonic ideas but are found everywhere where the gnoseological procedure of identifying the entire content of an object with one of its possible features in a certain interval of abstraction occurs. For example, when we see in a specific person as an object exclusively their biological or social role (“father,” “mother,” “husband,” “wife,” “king,” “deputy,” “lawyer,” “teacher,” etc.) or call a stick with a piece of fabric attached to it a flag, we hypostatize and reify general concepts. The article substantiates that hypostatization and reification are a special kind of cognitive practice (often unconscious and not explicated) for the “creation” of social reality, and therefore their use is epistemologically justified and necessary. The latter is determined by the special ontology of objects of psychosocial reality, the mode of existence of which does not presuppose sensory-visual referents but presupposes their construction by our consciousness as superorganic meanings, values, and norms with their subsequent projection (imposition) on biophysical objects in the process of communication. As a result, there is a mutual transformation of symbols into things and things into symbols.

Key words: hypostatization, reification, doubling of the world, nominalism, realism, conceptualism, universals, psychosocial objects.

Citation. Zykov D.V. Gnoseological Justification of Hypostatization and Reification. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 87-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.12>

УДК 165.15
ББК 87.22

Дата поступления статьи: 08.10.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРАВДАНИЕ ГИПОСТАЗИРОВАНИЯ И РЕИФИКАЦИИ

Дмитрий Валерьевич Зыков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Гипостазирование и реификация обычно рассматриваются с номиналистических позиций как семантическая ошибка, ведущая к незаконному удвоению мира. В рамках данного дискурса утверждается, что общих понятий (идей, универсалий) в платоновском смысле не существует, а есть лишь отдельные вещи. Однако бытие человека обусловлено не только данностью биофизической, но и данностью знаково-символической.

Реальность сконструированных, искусственных смыслов и объектов сознания обладает самодовлеющим началом, что актуализирует необходимость переосмысления проблемы удвоения мира. Гипостазии не сводятся только к платоновским идеям, но встречаются повсюду, где происходит гносеологическая процедура отождествления всего содержания предмета с одним из его возможных признаков в определенном интервале абстракции. К примеру, когда мы видим в конкретном человеке как предмете исключительно его биологическую или социальную роль («отец», «мать», «муж», «жена», «король», «депутат», «юрист», «педагог», и т. д.) или называем палку с прикрепленным к ней куском ткани флагом, – мы гипостазируем и реифицируем общие понятия. В статье обосновывается, что гипостазирование и реификация являются особого рода когнитивными практиками (зачастую не осознаваемыми и не эксплицируемыми) по «созданию» социальной реальности, а потому их использование гносеологически оправданно и необходимо. Последнее обусловлено особой онтологией объектов психосоциальной реальности, модус существования которых не предполагает чувственно-наглядных референтов, но связан с их конструированием нашим сознанием в качестве сверхчувственных значений, ценностей и норм с последующей их проекцией (наложением) на биофизические объекты в процессе коммуникации. В результате происходит взаимопревращение символов в вещи и вещей в символы.

Ключевые слова: гипостазирование, реификация, удвоение мира, номинализм, реализм, концептуализм, универсалии, психосоциальные объекты.

Цитирование. Зыков Д. В. Гносеологическое оправдание гипостазирования и реификации // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 87–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.12>

Весь состав мира можно разделить на две категории явлений: физические и идеальные (экономические, правовые, религиозные, лингвистические и т. п.). Различие между ними в том, что носителями последних являются сознательные существа [Мамардашвили 2012, 158]. В связи с этим человек живет в удвоенном мире. Ему дан в чувственных наглядных представлениях физический мир, визуализированный как факт сознания, как онтологически первичная по отношению к сознанию объективная материальная реальность, с которой нельзя не считаться. Но человеком его делает другой мир – знаково-символический. Это – объективная и субъективная идеальные реальности бесконечного множества смыслов, с которыми также нельзя не считаться. И хотя ценности, нормы и смыслы не наблюдаемы, за ними не стоят физические референты, они выступают в не меньшей мере данностями, чем материальные факторы, но данностями другого рода и модуса существования, представляя собой в конечном итоге исключительно конструкции «сферы сознания» [Мамардашвили, Пятигорский 2011, 39–54].

Чтобы глубже понять сущность психосоциальной реальности важно рассмотреть саму проблему удвоения мира с точки зрения модуса существования общих понятий. Проблема модуса существования общих понятий или абстрактных сущностей традиционно рас-

сматривается в контексте спора номиналистов и реалистов об универсалиях. Проблема универсалий зародилась не в средние века, она связана с самим фактом существования мышления и в этом смысле является неустранимой. Всякий раз, когда мы задаемся проблемой мышления, мы сталкиваемся с проблемой номинализма – реализма и вынуждены ее решать [Сорокин 2000, 371–374]. До сих пор есть немалая путаница в понимании самого удвоения мира, его последствий и связанной с ним проблемы гипостазирования. Как мы можем не удваивать сущности, если мы живем в двух мирах: мире биофизических объектов и мире психосоциальных смыслов, норм и значений?

Как правило, гипостазирование определяется как «логическая (семантическая) ошибка, заключающаяся в опредмечивании абстрактных сущностей, в приписывании им реального, предметного существования» [Воленский 2004]. «Эту ошибку допускает, например, тот, кто считает, что наряду со здоровыми и больными людьми в реальном мире есть еще такие отдельные “существа”, как “здоровье” и “болезнь”». Авторы определения видят в гипостазировании опасность, хотя признают, что данный метод существует не только в обыденном рассуждении, художественной литературе и философии, но и в научных теориях, этике, юриспруденции [Ивин, Никифоров 1997, 57].

Действительно нельзя сомневаться, что существуют белые вещи, сладкая пища, квадратные столы, твердые предметы, правила поведения. И сложно поверить, что существуют в качестве самостоятельного предмета «белизна», «сладкость», «квадратность», «твердость», «правильность». Это означало бы, что вещи, называемые белыми, сладкими, квадратными, твердыми, правильными дополняются вещами, именуемыми «белизной», «сладкостью», «квадратностью», «твердостью», «правильностью». По распространенному мнению, в такой методике и заключается смысловая ошибка – незаконное удвоение мира.

Утверждение о семантической ошибке при гипостазировании указывает на номиналистскую позицию в этом вопросе. Так, один из ведущих представителей логического позитивизма Р. Карнап писал: «Как я понимаю, гипостазирование, или субстанциализация, или овеществление состоит в ошибочном признании вещами объектов, которые не являются вещами. Примерами гипостазирования свойств (или идей, универсалий, или т. п.) в этом смысле являются такие формулировки, как “идеи имеют самостоятельное существование”, “они обитают в надзвездном мире”, “они уже существовали в божественном разуме до того, как воплотились в вещах” и т. п., если только эти формулировки мыслятся буквально, а не только как поэтические метафоры. Мы здесь оставляем в стороне вопрос, следует ли эти гипостазирования приписывать самому Платону или, скорее, его истолкователям. Эти формулировки, если их понимать буквально, являются псевдопредложениями, лишенными познавательного содержания, и поэтому не являются ни истинными, ни ложными» [Карнап 1959, 56]. Но позитивизм как объективистская методология в вопросах понимания смыслов и их феноменологии не состоятелен. Если удвоение мира понимать с позиций номинализма (позитивизма) как некую смысловую ошибку, то непонятен онтологический статус и местоположение идей, смыслов, значений, культуры в целом, равно как «тайной за семью печатями» остается сама по себе возможность понимания между людьми, интерсубъективности и интеробъективности.

В упомянутых определениях под гипостазированием имеется в виду только платонизм. У Платона «...не идеи обозначают предметы в сознании, а предметы есть знаки идей – предметы фактические, материальные или какие-нибудь другие, в том числе и человеческая психика, суть выполнения идей, понимаемые как их обозначения» [Мамардашвили, Пятигорский 2011, 93]. «Истинно реальный мир, по Платону, это мир идей; все, что мы можем попытаться сказать о вещах в чувственном мире, заключается в том, что эти вещи разделяют природу таких-то и таких-то идей, которые и составляют их характер» [Рассел 2009, 82]. Иными словами, мы не можем помыслить лошадь каурой, гнедой, иноходцем, рысаком и т. д., не имея заранее данного общего понятия «лошадь». При этом не надо думать, что идеи (универсалии, общие понятия) существуют в умах, хотя они и постигаются умом. Сущность универсалий заключается в их умопостигаемом характере, в их противоположности конкретным вещам, данным в ощущениях, это все то, что обще многим конкретностям, но их бытие – это сама вечность, постоянная и нетленная. «Белизна», «сладкость», «справедливость», «лошадь», «болезнь» как универсалии существуют в объективном идеальном мире.

Как известно, амбициозная программа позитивизма по очищению наших знаний от метафизики потерпела неудачу, превратившись в очередную форму дискурса, теорию, имеющую гораздо более скромные границы применимости, чем казалось. Как представляется, такой исход был обусловлен изначальной противоречивостью, двусмысленностью утверждений самой позитивной философии. В частности, с одной стороны, утверждалась субъективность наших восприятий, их приватность: все, что мы познаем в предметах, вкладывается в них нами самими, а пространство и время – свойства нашего чувственного восприятия (хотя это было верно только по отношению к непосредственному опыту восприятия). В этом смысле позитивную философию нельзя разделить с субъективным идеализмом. Но, с другой стороны, в отношении «научных фактов», устанавливаемых посредством наблюдений, измерений, экспериментов, вычислений, точных приборов, позитивная

философия утверждала, что в этом случае происходит знакомство с самой сущностью вещей, с объективным миром, где пространство и время оказываются свойствами реального материального мира. В своих притязаниях на научность позитивисты неосознанно (в отличие от материалистов) отождествляли материальный мир с объективной реальностью.

В современных трактовках мир идей Платона именуется объективным миром возможностей, существование которого доказано логически [Рассел 2009, 82–93]. Объективный идеальный мир возможностей предполагается существующим наряду с объективной материальной реальностью. Идеальное понимается как возможное материальное, а материальное как реализованное возможное (один из многих вариантов проявления объективной материальной реальности), предполагая изучение того, что может быть, что возможно и чего не может быть, что невозможно в принципе [Лебедев 2022, 2–3]. К примеру, апельсин, лежащий на столе, имеет несколько сценариев окончания своего существования, и какая из идеальных возможностей реализуется, таким и будет «судьба» апельсина в материальном мире (упал за стол и сгнил, был употреблен, был не до конца съеден и выкинут, засох на столе и т. д., но не взлетел на крыльях и не превратился в розового слона). Понятное дело, с символами, значениями, нормами все гораздо сложнее.

Гипостазирование основано на игнорировании качественной разницы между предметами, индивидами, способными к самостоятельному существованию в физическом мире, и их признаками, способными существовать лишь в составе предметов. Различается два вида гипостазирования. «Первое характерно для платонизма и сводится к утверждению, что абстрактные сущности (универсалии) существуют самостоятельно – в реальном или “надмировом” пространстве... Другой вид гипостазирования отождествляет предмет с одним из его признаков, при этом трактует его как признак только в границах интервала гипостазирования, задаваемого целями исследования» [Левин 2010, 528]. Гипостазирование – вполне оправданная познавательная процедура, если действовать в определенном ин-

тервале абстракции. «Вывод о том, что в границах интервала гипостазирования – вполне правомерная познавательная процедура, получен гносеологическим анализом. Но поиск конкретного интервала, в котором содержание предмета можно свести к интересующему исследователя признаку, – это уже задача конкретной науки. Более того, именно в способности находить такие интервалы проявляется профессионализм исследователя» [Левин 2005, 49].

Полисемантическая социально-психологическая реальность находится и происходит во внутренних процессах сознания людей. Значения и смыслы объективируются, «материализуются» в форме «проекций» на биофизические объекты, выступающие сенсорными проводниками указанных нематериальных смыслов и значений. Когда происходит такое наложение или приписывание значений и смыслов биофизическим объектам, сама сущность последних изменяется. Люди могут руководствоваться разными стратегиями поведения в зависимости от того, какие ценности, проекции, фантазмы они принимают за ключевые в том или ином контексте. Изменяется под влиянием психосоциальных проекций и сущность вещей. И «...такой незначительный объект, как палка с прикрепленным куском дешевой ткани, становится национальным флагом, за который многие приносятся в жертву и оказываются убиты» [Сорокин 2010, 931].

В этом примере как раз и демонстрируется второй вид гипостазирования, через наделение палки с прикрепленной тканью определенным «вещественным» значением (одним из возможных признаков). Данные признаки предметов, существующие не в реальном пространстве и времени, а в смысловом, становятся самостоятельным объектом существования в реальном пространстве и времени – флагом. В другом смысловом пространстве те же предметы в виде палки и куска ткани могут быть отождествлены с другими возможными приписываемыми им признаками и превратиться во вражеский флаг или даже в швабру, которая также состоит из палки и ткани, но сущностно представляет собой другую вещь. При таком виде гипостазирования также игнорируется качественная разница между

предметом, существующим в физическом мире, и его возможными признаками, которые могут существовать только в составе предмета, а на самом деле превращаются через наделение их бытийностью в самостоятельные предметы.

Л.А. Микешина обращает внимание на то, что необходимо заново изучить такие неоднозначные методы как гипостазирование и реификация, которые отличаются от обычного логического обобщения данных. Автор подмечает, что большинство текстов социально-гуманитарной направленности, оперирующие общими понятиями, имплицитно содержит как условие своей возможности методы гипостазирования и реификации, «...однако чаще всего они не осознаются как особого рода когнитивные практики и не эксплицируются эпистемологами и методологами» [Микешина 2010, 46].

В определениях, данных Р. Карнапом, А.А. Ивиным, А.Л. Никифоровым и им подобных, не проводится различия взаимосвязанных понятий гипостазирования и реификации. Более продуктивным кажется следующий подход: «В чем отличие реификации от гипостазирования, почему существуют два термина, как они соотносятся? Далее я буду исходить из того, что гипостазирование – это утверждение о реальном существовании того, что зафиксировано в понятии, реификация – это утверждение о его предметной (вещественной) форме» [Микешина 2010, 47]. Автор подчеркивает, что в определении гипостазирования как семантической ошибки, заключающейся в опредмечивании абстрактных сущностей, приписывании им реального существования, фиксируется только отрицательное значение данного понятия. Понятие ошибки содержит отрицательную коннотацию и требование ее исправления. А между тем «гипостазированные сущности в сфере культуры и социума могут быть оправданы, если, реифицируясь через институты, коммуникации и деятельность людей, они обретают объективное существование по принятым в обществе правилам» [Микешина 2010, 54]. История термина «овеществление», или «реификация», начинается с теории отчуждения К. Маркса и ее частного случая – теории товарного фетишизма. Среди тех, кто внес вклад в развитие

этой концепции, следует назвать, прежде всего, Г. Лукача и А. Хоннета, осмысливших в современных условиях процессы овеществления человека и очеловечивания вещей как особые гносеологические процедуры [Todd 2014].

Сверхчувственные значения, ценности, нормы в своих объективированных формах существования приписываются биофизическим объектам или как бы накладываются, дополняются новыми смыслами, в результате чего они становятся совершенно отличными как посредники таких психосоциальных проекций от того, чем они были до такого преобразования. «Это означает, что все царство психосоциальной реальности, его наука и технологии, его религия и философия, его право и нравственность, его экономика и политика, его “образы жизни” и его люди-деятели, “друг”, “враг”, “грешник”, “святой”, “генерал”, “монарх”, “священник”, “плотник”, “учитель”, “ученик”, “герой”, “муж”, “жена” и любые другие психосоциальные особенности накладываются или проецируются как фантазмы на биофизические явления» [Сорокин 2010, 932].

Объективно существуют только человеческие тела разных пола, возраста, расы и их полиморфические соматические композиции. И с этой точки зрения не существует таких человеческих организмов, которые можно было отнести к классам и видам «цари», «священники», «преступники», «студенты», «генералы», «профессора», «господа», «рабы», «спортсмены», «тираны», «юристы», «директора», «крестьяне» и т. д. В физической и биологической природе нет таких категорий и классификаций, как «красивое» и «уродливое», «правильное» и «некорректное», «бестактное» и «деликатное», «святое» и «грешное», «великое» и «ужасное» и т. п. Эти номинации рождаются и «обитают» в сознании людей и имеют сверхчувственную природу норм, значений и смыслов, обусловленных социально-психологическим умопостигаемым модусом их существования. И затем они воплощаются (читай – реифицируются) устно, письменно, в различных артефактах искусства, многообразных действиях, добавляя к их психологической реальности транссубъективную. Все эти сверхчувственные значения приписываются нашим сознанием биофизическим организмам и представляют собой «атрибуцию», «про-

екцию», «фантазм». «...Город, государство, больница и т. п. есть ничто, в действительности не существуют», если понимать под действительно существующим возможность его чувственно-наглядного или эмпирического наблюдения [Петражицкий 2010, 370].

Вышеописанное удвоение мира входит в противоречие со здравым смыслом только если его трактовать номиналистически, как это делали представители позитивизма. Но человек не живет в мире просто знаков в его уме, являющихся образами материального мира. Он также своим сознанием создает значения и накладывает их на биофизическую реальность, преобразуя ее. Удвоение мира человеком имеет форму концептуализма, то есть «являющегося», «репрезентирующего» биофизический мир в общих понятиях, не являющихся ни отдельными объективными реальностями, ни простыми словесными обозначениями, но мысленными концептами, конструкциями, содержаниями, многообразие которых возможно благодаря существованию объективного идеального мира возможностей и относимыми, приложимыми к множеству предметов и явлений на основании имеющегося сходства между ними и выступающими в этом смысле особыми формами познания действительности. К примеру, в отношении такого общего понятия как право, в философско-правовой литературе так разъясняется этот момент: «Такой особой формой концептуалисты считали доопытные общие понятия – концепты (*conceptus*), то есть идеальные сущности, изначально находящиеся в уме человека. Таким образом, общее понятие предстает в рамках данного направления как условие возможности конструктивной деятельности человеческого разума – в отличие от реализма, в котором универсалии существуют объективно и только открываются разумом, и от номинализма, в котором общие понятия существуют исключительно вербально» [Тимошина 2013, 57].

Психосоциальные объекты невозможно определить в физических терминах, потому что здесь нет константного физического свойства, присущего объекту как представителю того или иного класса, как это делается в естественных науках. Эти понятия есть не просто абстракции, они суть искусственно скон-

струированные понятия, абстрагированные от всех физических свойств вещей и введенные гипотетически или по определению [Лебедев 2010, 65], «экстернализированные» в смысловое поле общественного сознания в качестве реально, «вещественно» существующих. Механизм человеческого поведения объяснить не сложно, но важнее понимать контекст. В разных культурно-исторических и ситуативных контекстах, к примеру, причинение смерти другому человеку может быть убийством, самообороной, охотой, сафари, подвигом, казнью, геноцидом, эвтаназией, жертвоприношением, вендеттой, карой небесной и т. п. Сознание влияет на биофизическую действительность, вкладывая «свое» значение исходя из контекста и гипостазирует общие понятия. Гносеологически сознание предшествует материи, мир становится таким, каковы его наблюдатели, и какова теория, такова объективная реальность. Конструируемая сознанием картина мира целиком обусловлена его содержанием. Как говорится, нет ничего в сознании, чего не было раньше в ощущении. Да, но только само ощущение должно изначально быть осознано, чтобы стать ощущением (психическим процессом), значит оно (сознание) ему с какого-то момента предшествует. Познание без сознания и уже имеющихся в нем структуры, состояний, содержаний и средств невозможно. «“Очки сознания” всегда на носу у познающего субъекта, и он “видит” в объективной реальности только то, что они позволяют ему видеть. Какова объективная реальность ему видеть. Какова объективная реальность на самом деле? Ответ на этот вопрос существенно зависит от используемой сознанием познавательной оптики. Здесь верен принцип: каково сознание, такова и объективная реальность. И по-другому не может быть в принципе. История смен научных картин мира – убедительное тому доказательство» [Лебедев 2022, 8–9].

Л.А. Микешина довольно сдержанно оценивает степень распространенности рассматриваемых методов. Между тем, следуя логике Л.И. Петражицкого и П.А. Сорокина, надо признать психосоциальную реальность насквозь гипостазированной и реифицированной, концептуализированной, теоретически нагруженной и перегруженной. При этом к психосоциальной реальности едва ли приложимы

такие аттестации и характеристики как «семантическая ошибка», скорее уместные в отношении написанного для компьютера программного кода. Понятия «проекции», «атрибуции», «приписывания», «фантазмы», «концепты», «гипостази», «реификации» гораздо эффективнее для понимания удвоенного мира человека.

Вслед за Л.А. Микешиной следует осознать, что гипостазирование и реификация как эпистемологические операции предшествуют социальной конструктивной деятельности. Однако думается, что данные операции также гносеологически предшествуют конструированию, проецированию, созданию социальной реальности. Оба способа гипостазирования и их возможная последующая реификация есть необходимые операции сознания в создании идеальных объектов и управлении ими. И даже когда мы имеем в виду социально-биологические роли в форме «мамы», «папы», «сына», «дочери», имеющих свои чувственные референты, то их «осязаемость» верна лишь отчасти, поскольку речь идет не об инстинктивных подтверждениях, но о понятиях (читай – проекциях). Животное отличает родственников от чужих по запаху (иному сенсорному референту); мы же отличаем посредством сознания, нам надо думать, обращаться к памяти. Мы знаем, что это наш родственник, несмотря на то, что это биологически может быть ложью. Поэтому даже «мама», «папа» и т. п. – суть гипостазированные и овеществленные понятия.

Общие понятия, сущности, лица, роли, вещи, предметы, явления, процессы в объективном материальном мире существуют *как будто* наблюдаемые объекты (в определенных границах применимости, особом смысловом ракурсе, «интервале абстракции»). Проблема социального познания заключается в том, что психосоциальные объекты существуют в качестве гипостазированных и реифицированных проекций нашего сознания. «...Мы не только полагаем, что есть такая вещь, как символ, но и полагаем, что символ есть вещь...» – утверждали выдающиеся философы [Мамардашвили, Пятигорский 2011, 250]. Представляется, что гипостазирование и реификация как раз и являются гносеологическими условиями превращения символов в вещи и вещей в символы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воленский 2004 – *Воленский Я.* Гипостазирование // *Философия: Энциклопедический словарь.* М.: Гардарики, 2004.
- Ивин, Никифоров 1997 – *Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Гипостазирование // *Словарь по логике.* М.: Гуманит. издат. центр «ВЛАДОС», 1997.
- Карнап 1959 – *Карнап Р.* Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.
- Лебедев 2010 – *Лебедев С.А.* Уровни знания // *Вопросы философии.* 2010. № 1. С. 63–75.
- Лебедев 2022 – *Лебедев С.А.* Основной вопрос философии: кто прав, кто не прав и почему // *Гуманитарный вестник.* 2022. № 4. С. 1–14. DOI: <http://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-789>
- Левин 2010 – *Левин Г.Д.* Гипостазирование // *Новая философская энциклопедия.* В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010.
- Левин 2005 – *Левин Г.Д.* Проблема универсалий. Современный взгляд. М.: Канон+, 2005.
- Мамардашвили, Пятигорский 2011 – *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. СПб.: Азбука-Аттикус, 2011.
- Мамардашвили 2012 – *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука-Аттикус, 2012.
- Микешина 2010 – *Микешина Л.А.* Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // *Вопросы философии.* 2010. № 12. С. 44–54.
- Петражицкий 2010 – *Петражицкий Л.И.* Очерки философии права // *Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды.* СПб.: Юрид. кн., 2010. С. 245–380.
- Рассел 2009 – *Рассел Б.* Проблемы философии // *Рассел Б. Избранные труды.* Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. С. 33–121.
- Сорокин 2000 – *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 2000.
- Сорокин 2010 – *Сорокин П.А.* Рецензия на книгу Л.И. Петражицкого «Право и нравственность» // *Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды.* СПб.: Юрид. кн., 2010. С. 926–932.
- Тимошина 2013 – *Тимошина Е.В.* Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // *Труды государства и права Российской академии наук.* 2013. № 4. С. 48–75.
- Todd web – *Todd H.* Reification in and Through Law: Elements of a Theory in Marx, Lukacs, and Honneth [European Journal of Political Theory. 2014. Vol. 13 (2). P. 178–198] // <https://www.researchgate.net/publication/271215779>

REFERENCES

- Volensky Ya., 2004. Hypostasization. *Filosofiya: Entsiklopedicheskiy slovar*. Moscow, Gardariki Publ.
- Ivin A.A., Nikiforov A.L., 1997. Hypostasization. *Slovar po logike*. Moscow, Gumanit. izd. tsentr "VLADOS".
- Carnap R., 1959. *Meaning and Necessity. Study in Semantics and Modal Logic*. Moscow, Izd-vo inostr. lit.
- Lebedev S.A., 2010. Levels of Knowledge. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 63-75.
- Lebedev S.A., 2022. The Main Question of Philosophy: Who Is Right, Who Is Wrong, and Why. *Gumanitarnyy vestnik*, no. 4, pp. 1-14. DOI: <http://doi.org/10.18698/2306-8477-2022-4-789>
- Levin G.D., 2010. Hypostasization. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. T. 1*. Moscow, Mysl Publ.
- Levin G.D., 2005. *The Problem of Universals. Modern View*. Moscow, Kanon+ Publ.
- Mamardashvili M.K., Pyatigorsky A.M., 2011. *Symbol and Consciousness*. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ.
- Mamardashvili M.K., 2012. *Essay on Contemporary European Philosophy*. Saint Petersburg, Azbuka-Attikus Publ.
- Mikeshina L.A., 2010. Epistemological Justification of Hypostatization and Reification. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 44-54.
- Petrazhitsky L.I., 2010. Essays on the Philosophy of Law. Petrazhitsky L.I. *Theory and Politics of Law. Selected Works*. Saint Petersburg, Yurid. kn. Publ.
- Russell B., 2009. Problems of Philosophy. *Selected Works*. Novosibirsk, Sib. univ. izd-vo.
- Sorokin P.A., 2000. *Social and Cultural Dynamics*. Saint Petersburg, Izd-vo Rus. Khristian. gumanit. in-ta.
- Sorokin P.A., 2010. Review of the Book by L.I. Petrazytsky Law and Morality. Petrazytsky L.I. *Theory and Politics of Law. Selected Works*. Saint Petersburg, Yurid. kn. Publ., pp. 926-932.
- Timoshina E.V., 2013. Law as an "Idea", as a "Fiction" and as a "Fact": On Nominalism and Realism in the Theory of Law. *Trudy gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, no. 4, pp. 48-75.
- Todd H., 2014. Reification in and Through Law: Elements of a Theory in Marx, Lukacs, and Honneth. *European Journal of Political Theory*, vol. 13 (2), pp. 178-198. URL: <https://www.researchgate.net/publication/271215779>

Information About the Author

Dmitry V. Zykov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zyk9@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5544-5459>

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Зыков, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zyk9@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5544-5459>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.13>

UDC 101.1:316+37.011
LBC 87.6

Submitted: 13.09.2024
Accepted: 09.12.2024

CONCEPTUAL APPROACHES TO DEFINING THE ESSENCE OF PATRIOTISM

Evgeniy S. Sadovnikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Pavel P. Fantrov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of conceptual approaches to the study of the essence of patriotism, which is a unity of an emotional component (expressed in a lofty sense of special affection and love for the Motherland, as well as a sense of duty and responsibility) and an active component, which finds expression in an active civic position, the involvement of citizens in social processes, and caring for the welfare of the country and its citizens up to the point of willingness to sacrifice themselves for the good of the fatherland. An analysis of the literature on patriotism has shown that the greatest theoretical difficulties arise when solving the question of the relationship between patriotism and nationalism and the problem of the relationship between patriotism and universal ethical ideals. The genesis of ideas about patriotism is presented, due to the complexity of public life. It is shown that in the course of the historical development of society, patriotism acquires a value coloring, acting not only as a natural feeling of love for the fatherland but also as a virtue, a manifestation of piety. The reasons for the development and decline of local forms of patriotism, as well as the formation of a statist view of patriotism, due to the importance of the state as a central social institution, are traced. The destructive nature of criticism of the idea of patriotism in the works of L.T. Tolstoy is shown, and the polemic with his position by N.F. Fedorov and V.S. Solovyov is considered. The problem of the correlation of patriotism and universal morality (universal ethics) is formulated. The vulnerability of S. Nathanson's concept of "moderate" (limited) patriotism is shown. The arguments against the liberal interpretation of patriotism are highlighted. The main theoretical issues of further research on patriotism are formulated, related to the inability to link it with universal moral requirements.

Key words: patriotism, structure and functions of patriotism, protection of the state, statist approach, local patriotism, correlation of patriotism and universal morality.

Citation. Sadovnikov E.S., Fantrov P.P. Conceptual Approaches to Defining the Essence of Patriotism. *Logos et Praxis*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 95-100. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.13>

УДК 101.1:316+37.011
ББК 87.6

Дата поступления статьи: 13.09.2024
Дата принятия статьи: 09.12.2024

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ ПАТРИОТИЗМА

Евгений Степанович Садовников

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Павел Петрович Фантров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу концептуальных подходов к исследованию сущности патриотизма, представляющего собой единство эмоционального компонента (выражающегося в возвышенном чувстве особой привязанности и любви к Родине, чувстве долга и ответственности), и деятельного компонента (выражающегося в активной гражданской позиции, вовлеченности граждан в общественные процессы,

в проявлении заботы о благополучии страны и ее граждан вплоть до готовности жертвовать собой ради блага отечества). Анализ литературы по теме показал, что наибольшие теоретические трудности возникают при решении вопроса о соотношении патриотизма и национализма; проблемы соотношения патриотизма и универсальных этических идеалов. Представлен генезис представлений о патриотизме, обусловленный усложнением общественной жизни. Показано, что в ходе исторического развития общества патриотизм приобретает ценностную окраску, выступая не только как естественное чувство любви к отечеству, но и как добродетель, проявление благочестия. Прослежены причины развития и упадка локальных форм патриотизма, а также формирования этатистского взгляда на патриотизм, обусловленного важностью государства как центрального социального института. Показан деструктивный характер критики идеи патриотизма в работах Л.Т. Толстого, рассмотрена полемика с его позицией Н.Ф. Федорова и В.С. Соловьева. Сформулирована проблема соотношения патриотизма и всеобщей морали (универсальной этики). Показана уязвимость концепции «умеренного» (ограниченного) патриотизма С. Натансона. Выделены аргументы против либеральной трактовки патриотизма. Сформулированы главные теоретические вопросы дальнейших исследований патриотизма, связанные с невозможностью увязать его с универсальными моральными требованиями.

Ключевые слова: патриотизм, структура и функции патриотизма, защита государства, этатистский подход, локальный патриотизм, соотношение патриотизма и универсальной морали.

Цитирование. Садовников Е. С., Фантров П. П. Концептуальные подходы к определению сущности патриотизма // *Logos et Praxis*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 95–100. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2024.4.13>

Патриотизм представляет собой сложный и многогранный феномен, требующий исследования, как в контексте современных социокультурных процессов, так и в исторической ретроспективе. В этой связи важной задачей является выявление эвристического потенциала и ограниченности различных концептуальных подходов к определению сущности патриотизма.

Патриотизм включает эмоциональную и деятельностную составляющие. Эмоциональный компонент выражается в возвышенном чувстве особой сопричастности своей стране, интенсивном переживании привязанности и любви к Родине [Добролюбов 2013, 28; Артемьева 2020, 41], в чувстве долга и ответственности по отношению к отечеству, а также в связанных с местом проживания чувствах радости, комфорта и т. д. [Грачев 2018]. Деятельностный компонент находит выражение в активной гражданской позиции, вовлеченности граждан в общественные процессы [Бузский, Вырщиков, Кусмарцев 2008, 65], в проявлении заботы о благополучии страны и ее граждан вплоть до готовности жертвовать собой ради блага отечества.

Лексема «патриотизм», производная от слова «патриот», присутствует практически во всех языках [Лебедев, Коханова 2015, 29]. При этом исследователи отмечают, что «если в русском языке глаголы, использующиеся в словарях для дефиниции лексемы “патриот”, в большей степени актуализируют эмоцио-

нальный компонент (быть верным, привязанным, проникаться), то в английском, а также и французском языках актуализируется активная позиция субъекта: *to support, to defend; servir; se mettre a service, prendre les armes*» [Лебедев, Коханова 2015, 30].

Анализ литературы на тему патриотизма показывает, что наибольшие теоретические трудности возникают при решении вопроса о соотношении патриотизма и национализма и проблемы соотношения патриотизма и универсальных этических идеалов (универсальной нравственности). Варианты решения этих проблем зависят от выбора методологической и мировоззренческой позиций.

Наиболее развернутую дефиницию феномена патриотизма, включающую генезис представлений о нем, был дан В.С. Соловьевым, определявшим патриотизм как чувство любви к отечеству, обеспечивающее общественную солидарность начиная с самых ранних эпох развития человечества [Соловьев web]. По мере усложнения общественной жизни это чувство все более дифференцировалось и обретало новые формы – от естественной привязанности к семье, к родной земле до чувства принадлежности к родной культуре, пронизанной религиозностью вследствие ее связи с религиозным *культ*ом. На этом этапе патриотизм приобретает ценностную окраску и начинает рассматриваться не только как естественное чувство, но и как добродетель, проявление благочестия. Многообра-

зие культов порождает распространение локального, «местечкового» патриотизма. Его ослабление в древнем мире связано, с одной стороны, с процессом формирования империй, в границах которых происходит смешение культов и возникает религиозный синкретизм, с другой – с формированием мировых религий с характерным для них противопоставлением локального земного отечества формам наднациональной солидарности. Так, в христианстве земному отечеству противопоставляется Царствие Божие как высшая форма всеединства, соборное единство Церкви, где «нет эллина, ни иудея» (Ефес. 1:22).

Расцвет империй и приходящий им на смену процесс оформления национальных государств отмечены усилением связи патриотизма с идеями служения, военной защиты и самопожертвования. Согласно Э. Дюркгейму, формирующиеся в этот период социальные институты играют роль фундаментальных опор, вокруг которых складываются ценностные основания общественного единства. Именно социокультурные ценности выступают основой коллективного сознания и обеспечивают поддержание гармонии в обществе и регуляцию социальных взаимодействий посредством влияния на поведенческие практики индивидов [Дюркгейм 2021, 197]. При этом важнейшим социальным институтом становится государство, поэтому начиная с эпохи подъема национальных государств в XVI в., сопровождавшегося усложнением всех социальных институций, идея патриотизма приобретает выраженный политический характер. Патриотизм в этот период нацелен на преодоление феодальной раздробленности и защиту национальных интересов в условиях геополитических рисков [Бочарников 2013, 76]. Чувство привязанности к родной земле, родному языку и родной культуре дополняется обязанностями по отношению к общественным институциям (в особенности к государству) и складывающимся политическим союзам и трансформируется в чувство долга. Понятие долга, с одной стороны, связано с широким спектром обязательств (участие в общественной жизни, соблюдение законодательства, выполнение профессиональных обязанностей и готовность защищать Родину в случае угрозы и т. д.), с другой – предполагает устой-

чивую лояльность государству, воспринимаемую как условие содействия благосостоянию общества, укрепления социальных связей, обеспечения сплоченности нации, ее готовности преодолевать любые вызовы на пути к общему благополучию. Власти, в свою очередь, апеллируют к патриотическим мотивам, поощряя граждан к соблюдению законов, гражданскому повиновению, лояльности и готовности к жертвам (включая «готовность вступать в войну от имени сообщества») [Nathanson 1989, 540].

В российской истории патриотизм стал важным элементом государственной идеологии в петровский период, связанный с установлением абсолютизма власти. Сторонники этатистского подхода к определению патриотизма связывают его с эмоциональной и идеологической приверженностью русского народа интересам государства в качестве важной черты национальной идентичности и цивилизационного прогресса [Найда 2012, 38]. Фундаментальные идеи этатистской концепции патриотизма были развиты П.Б. Струве в статьях «О государстве», «Мысли о национальном возрождении России», «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества», «Познание революции и возрождение духа» [Струве 2000]. По его мнению, патриотизм русского народа представляет собой уникальный социокультурный феномен, глубоко укорененный в его духовной истории. С одной стороны, он выражается в экзистенциальном, витальном чувстве любви к Родине как сакральному объекту, и в этом смысле не рационален, не связан с какой-либо целью, но естественен для каждого человека. С другой стороны, в силу неразделимости Родины и государства как ее внешней формы, обеспечивающей упорядоченность социальной жизни людей, патриотизм выступает необходимым средством упрочения российской государственности, чья жизнеспособность определяется духовными основами – российской национальной культурой и православной верой.

Развиваемая сторонниками этатизма трактовка патриотизма как чувства национальной гордости и активного участия в укреплении государственной системы придавала ему выраженный политический и идеоло-

гический характер. По этой причине патриотизм стал предметом радикальной и деструктивной по своему характеру критики со стороны Л.Н. Толстого, который в статьях «Христианство и патриотизм», «Патриотизм и правительство», «Патриотизм и мир» [Толстой 1917] называет его ложной, безнравственной, преступной идеей, противоречащей основным моральным законам – евангельской проповеди и «золотому правилу нравственности». По мнению Толстого, патриотизм используется правительствами для оправдания войн и утверждения национального превосходства по отношению ко всему «чужому», тогда как мораль запрещает игнорировать интересы других людей и руководствоваться исключительно интересами своей национальной группы [Толстой web].

Против дискредитации Л.Н. Толстым идеи патриотизма по причине ее тесной связи с государственной властью резко выступил Н.Ф. Федоров (невзирая на то, что долгое время они были с Толстым собеседниками и находились в дружеских отношениях). Федоров назвал позицию Толстого «бесстыдным лицемерием», полагая, что тот не мог не понимать природы государственной власти, представляющей собой сдерживающую силу, «ибо власть возникла именно для ограничения взаимной вражды, взаимной борьбы, взаимного истребления, что и исполняла и исполняет по мере сил и возможности» [Федоров 1995, 418]. Призывы Толстого к гражданскому неповиновению (включавшие отказ от присяги, от уплаты налогов и т. п.), его ненависть к церкви и государству Федоров оценивал как предательские и фарисейские, указывая, что декларируемая писателем враждебность к власти ведет только к всплескам насилия: «...Толстой, всегда ходатайствующий за всех политических убийц, вечно их оправдывающий, только возбуждает анархистов к убийствам такими брошюрами, как его “Не убий”» [Федоров 1995, 418].

Столь же решительную критику позиции Толстого дает В.С. Соловьев, аргументированно и последовательно отвергающий толстовский «пацифизм». Признавая усиление в историческом процессе интегративных тенденций и рассматривая ход истории как поступательное движение к будущему мировому

единству, он убедительно показывает, что в условиях общечеловеческой розни государство нуждается в защите, а потому «все тяготы милитаризма ничего не говорят против необходимости вооруженных сил» [Соловьев 2012, 64]. По мнению Соловьева, в войне заключен глубокий смысл, а военная служба должна быть признана делом не просто нужным или полезным, но благородным и священным. В отношении граждан Соловьев признает «нравственную обязанность единичного лица участвовать в защите своего отечества», полагая, что «отказ от военной службы, требуемой государством, есть... нравственное зло и потому непозволителен» [Соловьев 2012, 64].

Идеи Л.Н. Толстого о безнравственности патриотизма стали отправной точкой для дискуссий о соотношении патриотизма и всеобщей морали (универсальной этики). В общем виде эта проблема формулируется следующим образом: может ли быть признано добродетелью чувство лояльности к своей стране и желание способствовать ее благополучию, если последнее достижимо только ценой снижения благосостояния других стран? Не противоречит ли патриотизм фундаментальным идеалам морали? [MacIntyre 2002]. Отвергая радикальный отказ Толстого от патриотизма как неприемлемый, С. Натансон выдвигает идею «умеренного» (ограниченного) патриотизма, в рамках которого верность, преданность и лояльность к своей стране и государству не должны реализовываться аморальными средствами и нарушать права представителей других стран и национальностей. Согласно Натансону, патриотизм может признаваться добродетельным до тех пор, пока его ограничивают общие моральные принципы [Nathanson 1989, 538].

Подобной позиции, разделяемой сторонниками либеральных взглядов на патриотизм, можно противопоставить, по меньшей мере, три серьезных аргумента. Во-первых, Эта позиция исходит из априорного признания принципиальной совместимости национальной лояльности с требованиями общечеловеческой морали, что далеко не всегда достижимо в реальной жизни. Во-вторых, такой морально ограниченный вариант патриотизма ставит последний в зависимость от внешних оценок. Натансон прямо утверждает, что вопрос о том,

должны ли люди быть патриотами, зависит от «качеств» их конкретной нации и правительства, и если нация или власть не обладают «достойными качествами», то патриотизм по отношению к ним является «неуместным». В-третьих, патриотизм наиболее востребован в критические для жизни общества и страны моменты, когда недостаточно простой лояльности и нужна готовность пожертвовать своей жизнью ради безопасности Отечества. В этой связи А. Макинтайр справедливо указывает, что эта готовность людей как раз не должна зависеть от индивидуальной оценки правильности или неправильности действий их страны по какому-либо конкретному вопросу, измеряемой неким нейтральным и беспристрастным стандартом. При этом общепризнанную мораль он считает слабым мотиватором, который должен подкрепляться безусловным, «не рассуждающим», «слепым» патриотизмом [MacIntyre 2002]. Отсюда он делает вывод о том, что патриотизм в моральном плане представляет собой потенциально опасное явление.

Рассмотрение различных концептуальных подходов к определению сущности патриотизма показывает непроясненность данного феномена, анализ которого сопряжен с существенными теоретическими и этическими трудностями. В связи с этим проблема патриотизма нуждается в дальнейших исследованиях, опирающихся на надежную мировоззренческую и методологическую основу, и не должна сводиться к лозунгам и декларациям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемьева 2020 – *Артемьева Т.И.* Н.Г. Чернышевский об особенностях менталитета русского народа // Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека: новые идеи, проблемы, научные направления. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. С. 35–51.
- Бочарников 2013 – *Бочарников И.В.* Патриотизм в мировой политической истории // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2013. № 4. С. 72–80.
- Бузский, Вырщикова, Кусмарцев 2008 – *Бузский М.П., Вырщикова А.Н., Кусмарцев М.Б.* Теоретические проблемы патриотизма и патриотического воспитания. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008.

- Грачев 2018 – *Грачев А.А.* Отношение к отечеству как проблема прикладной психологии // Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3, № 2 (10). С. 134–153.
- Добролюбов 2013 – *Добролюбов Н.А.* Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым. СПб.: Лань, 2013.
- Дюркгейм 2021 – *Дюркгейм Э.* Моральное воспитание. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021.
- Лебедев, Коханова 2015 – *Лебедев А.А., Коханова Л.А.* Понятие «патриотизм» в современном прочтении: этимология и семантика // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2015. Т. 12, № 1. С. 29–34.
- Найда 2012 – *Найда О.А.* Российский патриотизм в эволюционном и политическом измерении: монография. Волгоград: Принт, 2012.
- Соловьев 2012 – *Соловьев В.С.* Оправдание добра: нравственная философия. М.: Ин-т рус. цивилизации: Алгоритм, 2012.
- Соловьев web – *Соловьев В.С.* Патриотизм // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <https://vehi.net/brokgauz/index.html>
- Струве 2000 – *Струве П.Б.* Patriotica. Россия. Родина. Чужбина = Россия. Родина. Чужбина. СПб: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2000.
- Толстой web – *Толстой Л.Н.* Патриотизм и правительство. URL: <https://tolstoy.ru/online/online-publicism/patriotizm-i-pravitelstvo/index.xhtml?ysclid=m5k4sgpaz0996382608>
- Толстой 1917 – *Толстой Л.Н.* Статьи о патриотизме / I. Христианство и патриотизм. II. Патриотизм или мир. III. Патриотизм и правительство. М.: Единения, 1917.
- Федоров 1995 – *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Прогресс, 1995.
- MacIntyre 2002 – *MacIntyre A.* Is Patriotism a Virtue? // Matravers D., Pike J.E. (eds.). Debates in Contemporary Political Philosophy: An Anthology. N. Y.: Routledge, 2002.
- Nathanson 1989 – *Nathanson S.* In Defense of «Moderate Patriotism» // Ethics. Vol. 99. № 3. P. 535–552.

REFERENCES

- Artemyeva T.I., 2020. N.G. Chernyshevsky on the Peculiarities of the Mentality of the Russian People. *Individualnoe, nacionalnoe i globalnoe v soznanii sovremennogo cheloveka: novye idei, problemy, nauchnye*

- napravleniya*. Moscow, In-t psichologiyi RAN, pp. 35-51.
- Bocharnikov I.V., 2013. Patriotism in the World Political History. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*, no. 4, pp. 72-80.
- Buzskiy M.P., Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B., 2008. *Theoretical Problems of Patriotism and Patriotic Education*. Volgograd, Izd-vo VolGU.
- Grachev A.A., 2008. Attitude to the Fatherland as a Problem of Applied Psychology. *Socialnaya i ekonomicheskaya psihologiya*, vol. 3, no. 2 (10), pp.134-153.
- Dobrolyubov N.A., 2013. *Russian Civilization, Composed by G. Zherebtsov*. Saint Petersburg, Lan Publ.
- Durkheim E., 2021. *Moral Education*. Moscow, Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki.
- Lebedev A.A., Kokhanova L.A., 2015. The Concept of "Patriotism" in the Modern Reading: Etymology and Semantics. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, vol. 12, no. 1, pp. 29-34.
- Nayda O.A., 2012. *Russian Patriotism in Evolutionary and Political Dimension*. Volgograd, Print Publ.
- Solovyov V.S., 2012. *Justification of the Good: Moral Philosophy*. Moscow, In-t rus. civilizacii, Algoritm Publ.
- Solovyov V.S. Patriotism. *Encyclopedic Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron*. URL: <https://vehi.net/brokgauz/index.html>
- Struve P.B., 2000. *Patriotica. Russia. Motherland. Chuzhbina = Russia. Homeland. Chuzhbina*. Saint Petersburg, Izd-vo Rus. Hristian. gumanit. in-ta.
- Tolstoy L.N. *Patriotism and Government*. URL: <https://tolstoy.ru/online/online-publicism/patriotizm-i-pravitelstvo/index.xhtml?ysclid=m5k4sgpaz0996382608>
- Tolstoy L.N., 1917. *Articles on Patriotism. I. Hristianstvo i patriotizm. II. Patriotizm ili mir. III. Patriotizm i pravitelstvo*. Moscow, Edineniya Publ.
- Fedorov N.F., 1995. *Collected Works: In 4 Vols. Vol. 1*. Moscow, Progress Publ.
- MacIntyre A., 2002. Is Patriotism a Virtue? Matravers D., Pike J.E. (eds.). *Debates in Contemporary Political Philosophy: An Anthology*. New York, Routledge.
- Nathanson S., 1989. In Defense of "Moderate Patriotism". *Ethics*, vol. 99, no. 3, pp. 535-552.

Information About the Authors

Evgeniy S. Sadovnikov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Professor, Department of Physical Education and Wellness Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sadovnilov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2325-7216>

Pavel P. Fantrov, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Информация об авторах

Евгений Степанович Садовников, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физического воспитания и оздоровительных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sadovnilov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2325-7216>

Павел Петрович Фантров, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pavelfantrov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9832-6169>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре. Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания. В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Журнал «Logos et Praxis» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по следующим научным отраслям: «Социологические науки» (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы, 5.4.7. Социология управления); «Философские науки» (5.7.1. Онтология и теория познания, 5.7.2. История философии, 5.7.7. Социальная и политическая философия, 5.7.8. Философская антропология, философия культуры).

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the fields of human, social and cultural sciences.

The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the basis of peer review system.

The journal is included into “The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses” in the following scientific branches: “Sociological Sciences” (5.4.4. Social structure, social institutions, and processes; 5.4.7. Sociology management); “Philosophical Sciences” (5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture).

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis». Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см: <https://psst.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS OF PUBLICATION IN LOGOS ET PRAXIS

1. The editorial staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

ISSN 2587-9715

9 772587 971004

66>